

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Хидоятова Нигара Гоговна

БАСМАЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТОЛОГИИ

Диссертация на соискание ученой
степени кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук
Р.Я. РАДЖАПОВА

РНТБ ФОНДЫ

Ташкент
1993г.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	стр.
ВВЕДЕНИЕ	I - II
ГЛАВА I. СОВРЕМЕННАЯ ЗАПАДНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О БАСМАЧЕСТВЕ	
§1. Холодная война и западная советология.....	I2 - 26
§2. Основные направления в запад- ной советологии в исследовании басмачества.....	26 - 43
ГЛАВА II. НОВЫЕ РУБЕЖИ В СОВЕТОЛОГИИ: ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ И БАС- МАЧЕСТВО	
§1. Новые подходы без новых идей.....	44 - 80
§2. Поиски новых аргументов - ге- роизация басмаческого движе- ния.....	80 - 100
Выводы по второй главе.....	101 - 102
ГЛАВА III. БАСМАЧЕСТВО: ПОЛИТИЧЕСКИЙ БАН- ДИТИЗМ ИЛИ БОРЬБА ПРОТИВ ПОЛИ- ТИЧЕСКОГО БАНДИТИЗМА	
§1. Две революции в России. Велико- державный поворот в политике большевиков.....	103- 104
§2. Разгром "кокандской автономии - первое практическое осуществ- ление ленинской национальной политики на национальных окраинах.	124 - 139
§3. Фергана - путь борьбы, компромисса и примирения.....	139 - 169
Выводы по третьей главе.....	169-170
ЗАКЛЮЧЕНИЕ????.....	170 - 174
БИБЛИОГРАФИЯ.....	175 - 183

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. События последних лет в Афганистане и Таджикистане вновь напомнили о басмачестве. Но если еще каких-то десять лет тому назад оно представлялось историческим явлением, то в настоящее время о нем говорят, как о самом актуальном вопросе жизни народов Средней Азии. 75 лет тому назад оно появилось, как смертельный враг Советской власти, теперь оно явилось, как феномен сопутствующий независимости народов Средней Азии. Это не призрак басмачества, а реальность и его возвращение вновь заставляет нас вспомнить события давно ушедших дней, но которые сегодня оказались столь же актуальны, как и семьдесят пять лет назад.

В западной советологии, занимавшейся проблемами бывшего Советского Союза, басмаческое движение в Средней Азии было всегда одной из центральных проблем. Сотни книг и статей были посвящены в разные годы его причинам, генезису, участникам, последствиям и пр. Твердо утвердившееся на Западе мнение, что турецкие народы Средней Азии будут в будущем определять контуры советского общества, приковывали к нему постоянное и пристальное внимание. Западные исследователи пытались разглядеть и рассмотреть в басмаческом движении будущие контуры турецких народов, и их пути к суверенитету.

В течение длительного времени в СССР культивировалось резко негативное отношение к работам западных советологов. Их обвиняли в фальсификации истории, дезинформации западного общественного мнения, искажения фактов. В связи с этим советологию всерьез не принимали, а саму ее считали лженаукой. Она расценивалась как антисоветская и антикоммунистическая, направленная на подрыв идейно-политического единства советских народов. В советологии форми-

вался имидж врага, который сознательно искажает историю для шельмования КПСС и Советского государства.

Распад Советского Союза и изменения, происшедшие в нашем бывшем Союзе, завоевание национальными республиками суверенитета полностью изменили отношение к советологии. Она теперь признана как наука и получила признание во всех республиках СНГ. В связи с этим, республика, стремящаяся к объективному и глубокому познанию всех самых трагических страниц своей трагической истории, должна пересмотреть и свое отношение к западной советологии, тщательно изучить ее и заимствовать из нее все, что можно назвать действительно научным.

Радикальный процесс обновления общественной и политической жизни республики, повышение ее культурного и экономического уровня невозможны без новой концепции подхода к изучению отечественной истории. Нельзя сейчас двигаться вперед в общественном развитии, не создав новой современной научной концепции исторического пути происхождения, развития, становления и формирования узбекской нации. Все концепции национального развития во всех странах всегда были связаны не только с представлениями о современном мире и о будущем, но и с радикально новым пониманием и оценкой прошлого, а также осмыслением отечественной истории и исторических судеб человечества.

Историкам республики предстоит проделать огромную работу по восстановлению правды истории. И речь идет не только о "белых пятнах", но в целом о всем комплексе исторического развития Советского государства от его возникновения до его распада. Многие стороны этой истории были фальсифицированы, многие сфабрикованы карательными органами, многие просто надуманы. Не может республика двигаться вперед по пути демократизации общества, пока не бу-

дут выяснены все обстоятельства этой гигантской исторической трагедии, растянувшейся на 70 лет.

Сейчас нет сомнения, что советология внесла значительный вклад в дело изучения как в целом проблемы национальной политики КПСС, так и конкретных страниц истории советского государства. Обладая уникальными источниками, сконцентрированными в Стэнфордском университете, в архивах Гуверовского института войны, мира и революции, историки-советологи собрали интересный и значительный материал и обобщили в ряде монографий и статей в различных зарубежных журналах. Эти работы явились альтернативной концепцией басмаческого движения, в которой была представлена точка зрения, противоположная партийной, т.е. советской точке зрения. Не все они одинаково ценны, не все отвечают новому мышлению и новым подходам, многие из них носят на себе печать холодной войны и идеологической конфронтации, но так или иначе их изучение с новых позиций, посткоммунистических, т.е. свободных от идеологических предрассудков, представляют собой огромный интерес для исследования нашего исторического наследия, нашего недавнего исторического прошлого. Это поможет привлечь новые материалы, которыми обладают советологи, но которых мы были лишены долгие годы. Они были скрыты в архивах КГБ, закрытых от наших исследователей, куда доступ нашим историкам был строжайше запрещен, но на Западе о них знали давно и широко.

В связи с этим представляется чрезвычайно актуальной задачей историков республики изучение работ зарубежных авторов по истории республик вообще, по басмачеству, в частности. Они помогут нам ввести в исследование этой важной проблемы дополнительный материал, скрытый до сих пор от нас цензурами и спецхранами. Они дадут нам возможность отойти от однобоких необъективных, классово-номенкла-

турных оценок исторических событий и воссоздать подлинную историю последних 75 лет. Кроме того, актуальнейшей задачей является не только исследование западных историков (не обязательно принимать у них все) и критическое осмысление их творений, но и проведение совместных исследований, когда можно будет использовать весь огромный пласт материала, скопившийся в западных библиотеках и архивах по проблеме басмачества. И теперь совершенно очевидно, что изучение литературы, вышедшей на западе по проблемам басмачества, становится ныне не менее актуальным, чем заново изучение этого сложного и противоречивого движения, потрясшего всю Среднюю Азию.

Целью исследования является изучение современной американской и западноевропейской исторической и политологической литературы по проблеме басмаческого движения в Средней Азии. В соответствии с этой целью в работе в качестве предмета исследования поставлены следующие вопросы:

— вклад западных авторов в позитивное изучение басмаческого движения, исследование эволюции их взглядов на само движение за последние несколько десятков лет, анализ новых веяний в советологической литературе в целом по национальным движениям в СССР и выявление новых материалов, используемых ими, которые могли бы сыграть положительную роль в развитии наших собственных исследований этой проблемы;

— исследование связи развития изучения басмаческого движения на Западе с событиями в Афганистане и в этой связи продемонстрировать глубокую связь истории и политики в этом вопросе и выявить роль среднеазиатских проблем в оборонно-стратегических доктринах западных стран;

— сопоставление современных концепций западных и советских

авторов в изучении басмаческого движения и на этой основе поиски выявления истинной научной ценности тех и других;

- на основе нового мышления и новых материалов, выявленных в последнее время, создать собственную концепцию басмаческого движения.

Состояние изученности проблемы. В советской исторической литературе работы западных советологов по басмаческому движению уже подвергались довольно основательному анализу. Были опубликованы статьи и монографии, в которых исследовались работы советологов по басмаческому движению, подвергались критическому разбору концепции и основные положения западных авторов¹. Но анализ работ советологов носил односторонний характер, характер политической и идейной борьбы, а не научной полемики. Всех буржуазных авторов, отходящих от общепринятой советской концепции басмаческого движения, расценивали как фальсификаторов истории, стремящихся расколоть общественно-политическое единство советского народа. Правда, мало кто из советских изобличителей читал работы советологов в подлиннике, большинство основывало свои доводы на отдельных переведенных цитатах или авторефератах, информационных центров, но это не считалось недостатком, главное было по жестче сформулировать обличительную отповедь. В большинстве своем работы советских авторов носили прокурорский тон. Это была открытая конфронтация по классовому признаку, оценка по идеологическим

¹ Иноятов Х.Ш. Ответ фальсификаторам истории Советской Средней Азии и Казахстана. Ташкент, 1962; Его же. Против фальсификации истории победы Советской власти в Средней Азии и Казахстане. - Ташкент, 1976; Новоселов К.Н. Против буржуазных фальсификаторов Средней Азии. - Ашхабад, 1962; Хидояттов Г.А. Правда против лжи. - Ташкент, 1964; его же. Строительство социализма в Средней Азии и современный антикоммунизм. - Ташкент, 1978; его же. История и идеологическая борьба. - Ташкент, 1986; Зевелев А.И. Историография Советского Туркестана (историография и источники по истории гражданской войны в Туркестане). - Ташкент, 1968; Величие советского строя и бессилие его фальсификаторов. Критика извращений

и политическим критериям классовой борьбы, когда формировался образ врага во всех, кто не хотел воспринимать наших идеологических и политических оценок. Разумеется, с такими подходами нечего и думать о творческом исследовании альтернативной точки зрения или конструктивном сотрудничестве во имя общей цели — глубоком и объективном исследовании проблемы басмаческого движения.

Предстоит сделать большую работу прежде всего по психологической перестройке всего нашего отношения к немарксистским воззрениям, не соответствующим нашим видениям истории. Несомненно, необходима отдельная работа по объективному исследованию работ советологов по басмаческому движению с целью добиться сотрудничества, отбросив конфронтацию. Первым шагом на этом пути является кандидатская диссертация Р.А.Хакимова "Народ и басмаческое движение в освещении англо-американской историографии" (Ташкент, 1992 г.), но и она дает мало что нового в изучении проблемы, т.к. носит прежний конфронтационный характер и во многом повторяет ошибки прежних лет.

И все же лед тронулся. В советской литературе наметился определенный отход от прежних догматически-идеологизированных позиций и выработке новых подходов к басмаческому движению, которые в соответствии с новым мышлением дали бы возможность более объективного исследования этого национального движения и дать оценку не с партийно-классовых позиций, а с позиций общечеловеческих ценностей, таких как свобода, демократия, прогресс, родина, народ, нравственность и др. В нашей литературе появились и первые сдвиги, на-

Окончание со с.5.
 Прошлое и настоящего Узбекистана. — Ташкент, 1975; Аминова Р.Х. Искажение сущности басмачества в буржуазной литературе // Басмачество. Социально-политическая сущность. — Ташкент, 1984; Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Шипкина Л.В. Басмачество: Правда истории и вымысел фальсификаторов. — М., 1986; Современная буржуазная историография советского общества. Критический анализ. — М., 1988 и др.

правленные на их реабилитацию в истории. В ряде работ теперь о басмаческом движении говорят не как о "бандитских террористических выступлениях", а как о повстанческом движении, лидеры которого готовы были идти на компромисс¹. В начале 1990 г. была опубликована сенсационная статья Ю.Папорова "Белое солнце пустыни", которая должна была совершить глубокий переворот в наших представлениях и взглядах на басмаческое движение. Автор писал, что глубокие причины живучести басмаческого движения еще не раскрыты, и, наоборот, "они заведомо искажены"². Автор совершенно обоснованно обвинял советских историков в искажении причин басмаческого движения и неспособности в связи с этим ответить на вопрос: "какая же сила могла поднять десятки, а то и сотни тысяч дехкан, заставить их бросить любимое дело, дом, семью, вооружиться и бороться против новой власти, которая несла им свободу, мир, равенство, землю и воду?"³. Автор справедливо подчеркивал, что пришла пора поведать об истории становления советской власти в республиках Средней Азии, как бы сложна и горька она ни была. Это совершенно правильно. Ключ к поискам причин басмаческого движения необходимо искать не в самой Советской власти, а в том - как она создавалась и строилась! Не против сути Советской власти боролись крестьяне-басмачи, а против ее чудовищных извращений, когда трудолюбивого крестьянина хотели превратить в покорного раба комиссаров ничего не понимающих в специфике Средней Азии.

Против статьи Ю.Папорова была организована кампания в печати Узбекистана в традициях времен господства команд и инструкций. Специалисты-историки пытались обвинить его в искажении фактов и истории. Но ведь самым парадоксальным является то, что Папоров

¹ Восток, 1991, № 5, с.54.

² Папоров Ю. "Белое солнце пустыни". // Юность, 1990, № 1, с.80.

³ Папоров Ю. "Белое солнце пустыни". // Юность, 1990, № 1, с.85.

ничего не выдумывал, он во многом повторил позицию очевидцев, близко сталкивающихся с проблемой басмаческого движения на практике, а также точку зрения советских историков 20-х годов, которые пытались представить басмачество близким к истине. Между тем и советологи также создавали свою концепцию, свои версии главным образом на основе идей советских авторов того же периода. Правда, большая часть из них была обвинена в троцкизме, часть в национализме и закончила жизнь в сталинских застенках и ГУЛАГе, их работы были закрыты на долгие годы, но тем не менее их идеи продолжали жить главным образом благодаря советологам, которые в формировании своих концепций исходили из работ советских авторов того периода.

Научная новизна работы состоит в том, что исследование работ советологов по басмаческому движению проводится с точки зрения их положительного вклада в изучение всей проблемы национальных движений в Советском Союзе, борьбы народов бывшего СССР против тоталитарного режима. В частности, автор обращает внимание на утверждения советологов, что басмаческое движение возникло как реакция на жестокости и антинародную политику Советского государства в период военного коммунизма и явилось лишь частью антисоветских выступлений, прокатившихся по всей стране, главными составными частями которых было движение Махно на Украине, крестьянские выступления в Сибири, басмаческое движение в Средней Азии и кронштадское восстание моряков Балтийского флота, бывшего оплотом Советской власти. В диссертации показаны различные направления в зарубежной литературе в оценке басмаческого движения и подчеркивается неоднозначность их оценок. В диссертации проводится мысль о необходимости отхода от конфронтационных методов исследований зарубежной литературы по Средней Азии и выдви-

дается предложение о тесном сотрудничестве в исследовании этой важной проблемы в истории советского государства. В работе приведены концепции советологов и их работы, еще не публиковавшиеся в нашей литературе.

Теоретической и методологической основой явился принцип объективного исторического исследования общественных движений и всестороннее изучение различных точек зрения в исследовании исторических проблем. Исторический материализм с его главным требованием классовых позиций в изучении истории деформировал историческую картину и привел к односторонности в оценке исторических событий. Его главным недостатком было проявление нетерпимости к другим историческим школам и к проявлениям противоположных воззрений, их острая, подчас ругательная критика и попытка утверждения своей точки зрения в качестве монопольного права на истину в последней инстанции. В работе проводится идея о необходимости признания права на научный метод всех исторических школ, независимо от их классовой и политической принадлежности, и сотрудничества в целях поисков исторической истины.

Источниковая база исследования. Основой работы послужило изучение литературы по басмаческому движению, вышедшей на английском языке за период 60-80-х годов. За указанный период подобные работы вышли также на английском и французском языках, но практически основные из них были переведены на английский язык и были использованы также в английском варианте. Автором были изучены монографические работы, коллективные, а также периодическая печать, касавшаяся басмаческой проблемы. Изучены были также докторские диссертации, защищенные в США, но еще не опубликованные в качестве дополнительных источников, подтверждающих общие идеи автора диссертации. Автор обратил особое внимание на

ряд программных статей, появившихся в английских и американских журналах советологического направления со времени вторжения советских войск в Афганистане, демонстрировавших значительные сдвиги в западной литературе в отношении басмаческого движения и попытки использовать опыт басмаческого движения в борьбе против советской интервенции¹.

Вместе с тем большое внимание было уделено изучению и советской литературы по басмаческому движению, вышедшей в 20-30 гг. Их авторами были очевидцы или принимавшие непосредственное участие в подавлении басмаческого движения. В их работах имеется ценный фактический материал, а также заключения еще в значительной мере свободные от односторонней негативной тенденционной оценки басмачества. Стремясь к скорейшей ликвидации басмаческого движения, они пытались изучить его как можно глубже и не принимать его значения, как движения, глубоко связанного с массами местного населения².

Все западные советологи в своих работах по басмачеству использовали в основном их работы. Они заимствовали как фактический материал, так и идеи, и концепции, делая, правда, выводы

Г.М. Брохур *Basmachi, Central Asian Survey*. 1933. N 1. P. Fraser
Basmachi, Central Asian Survey 1937. N 2 and other

² См. Р. Тагеев. В долине роз и крови. Москва-Ленинград, 1927 г.
 Е. Козловский. Красная Армия в Средней Азии. Ташкент, 1928 г.
 ● Н. Батманов. Басмачество и борьба с ним. Красная Армия, 1921 г.
 № 9; Сборник указаний по борьбе с басмачеством. Ташкент, 1924 г.;
 Краткий очерк возникновения и развития басмачества в Фергане.
 Разведывательное управление САВО, Ташкент, 1923 г.; Фотеев. Воз-
 никновение басмачества. "Три года". Политуправление Туркфронта,
 Ташкент, 1925 г.; П. Алексеенков. Что такое басмачество? Ташкент,
 1931 г.; В. Куглиев. Борьба с басмачеством в Туркестане. Ташкент,
 1949 г.; Мусбюро РКП(б) в Туркестане. Под ред. Т. Рыскулова. Таш-
 кент, 1925 г.; Рыскулов Т. Революция и коренное население Тур-
 кестана, Ташкент, 1925 г. и др.

различные. Интересно отметить, что из одних и тех же самых источников и работ западные советологи и советские историки делали вывод подчас противоположные.

Практическая значимость диссертации заключается в кардинальном изменении отношения к изучению проблем Советского государства и строительства социализма в Средней Азии. Западные советологи обратили внимание и подчеркивали народный национальный характер басмаческого движения и практически реабилитировали его в глазах мировой общественности. Теперь предстоит его реабилитация в независимой республике Узбекистан. Сопоставление точек зрения, сравнение работ и концепций даст представление об истинных масштабах басмаческого движения, отделить выдумку от истины, продемонстрировать его положительные и отрицательные стороны. Не все в басмаческом движении может быть принято и не все басмачи могут быть реабилитированы, как Робин Гуды, но для этого надо провести глубокое и всестороннее исследование и отказаться от позиций прокурора и судьи, отбросить волюнтаризм в обращении с историческими фактами.

Концептуальные положения западных авторов могут быть использованы при изучении отечественной истории в высших учебных заведениях, при подготовке материалов к лекциям. Материалы диссертации могут быть использованы как средство для дальнейшего исследования проблем басмаческого движения.

Структура и объем связаны с основными положениями диссертации. В ней три главы, введение и заключение, а также список использованной литературы и источников.

Глава I. СОВРЕМЕННАЯ ЗАПАДНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
О БАСМАЧЕСТВЕ

§ I. Холодная война и западная советология

На Западе было сделано немало для того, чтобы дезавуировать действия Советского государства. Были опубликованы солидные работы, ставшие весьма популярными, в которых Советское государство представлено в отрицательном свете. В них проводится альтернативная линия оценки места Советского государства в истории и его вклада в мировой социальный прогресс. Они смогли создать резко отрицательное отношение западной общественности ко всем негативным явлениям, присущим истории становления Советского государства. Запоздалое признание советскими историками и официальными учреждениями грубейших нарушений личных свобод, принципов социальной справедливости, геноцида, депортаций народов, превращении социалистического государства в новую форму колониализма лишь подорвали доверие к работам друзей Советского государства и усилили отрицательный образ Советского государства и Октябрьской революции в глазах мирового сообщества. Гласность, новое мышление, перестройка практически ничего не изменили, т.к. мировая общественность увидела в этом очередную уловку советской пропаганды, направленную на дезинформацию зарубежного читателя.

Для зарубежного читателя, регулярно читающего советскую литературу, сложился определенный стереотип реакции Советского государства на исторические проблемы, касающиеся произвола и попрания прав собственного народа: умолчание—отрицание—полуправда—полупризнание—признание, но с указанием, что партия оказалась достаточно мужественной, чтобы признать это. Между тем все это на западе было известно давно в довольно убедительных работах

и не требовалось ни особой мудрости, ни мужества, чтобы признать факты очевидные, известные и ставшие основой советского имиджа.

Вместе с тем, было бы ошибкой считать, что западная советология была во всем права, что она не допускала искажений и с ее стороны не было допущено дезинформации. История в XX веке стала слишком субъективизированной и политизированной наукой, чтобы рассчитывать на объективность западных историков в отношении истории Советского государства. Прежде всего необходимо принимать во внимание неопределенность методологических основ буржуазной историографии, которая более всего стремится найти историю во внешних позитивных фактах, а не во внутренней логической связи исторического процесса. При таком подходе к истории случайная фраза, неудачное выражение может оказаться гораздо более весомым для исторического заключения, нежели внутреннее развитие объективных факторов. И нет ничего удивительного в том, что при такой методологии Ленин может легко превратиться в террориста, Маркс в маньяка мирового масштаба, Джон Рид в авантюриста и пр.

С другой стороны, необходимо принимать во внимание всю сложность отношений Советского государства с западным миром. Сам факт свержения капиталистического строя, первые акты Советского государства, направленные на установление мира без аннексий и контрибуций, первые справедливые социальные мероприятия сделали его как бы альтернативой капиталистической системе, пробудили надежды трудящихся всего мира, вселили уверенность в пацифистов, вдохновили все демократические и прогрессивные силы мира. Это было слишком опасным для капитализма и правящие круги западных держав предприняли самые энергичные попытки дезавуировать

новую систему и культивировать в своих странах враждебные чувства к Советскому государству. Отношения между СССР и капиталистическим миром на всем протяжении их сосуществования были сложными, неустойчивыми и чреватые постоянными взрывами. Это был период между войной и миром. Он оказал огромное влияние на западную советологию, в котором политические и идеологические эмоции возобладали над трезвым научным суждением. В их работах не было открытой фальсификации, не было там и откровенной дезинформации, но подбор проблем, расстановка акцентов, явно негативные выражения - все это, конечно, деформировало содержание работ по истории Советского государства и придавало им зачастую форму политических обвинительных памфлетов, нежели научных работ.

Некоторым исключением стали годы второй мировой войны, когда Советский Союз, США и Англия составили основу антигитлеровской коализации и боролись за искоренение фашизма. Тогда на Западе вышли ряд солидных трудов, где была дана совсем иная картина истории Советского государства. Да и оборонная мощь СССР, героический патриотизм советского народа, его гуманизм в отношении поверженного врага не соответствовали прежним утверждениям о развале экономики страны, нищете народа, широкой активной борьбе против социалистической системы и варварской идеологии Советского государства. Пришлось вносить соответствующие коррективы в работу советологии. Да и неудобно было чернить своего союзника, который на каждого потерянного солдата союзника терял тысячу своих солдат и внес главную тяжесть борьбы против фашизма.

Вторая мировая война определила коренной поворот в идеологической политике капиталистических государств. США вышли из войны признанным лидером капиталистического мира и опорой сохранения капиталистической системы.

В этом новом мировом порядке ведущая роль отводилась идеологической борьбе против мирового коммунистического движения, мировой социалистической системы и СССР. В арсенале этой борьбы центральное место занимала проблема национальной политики Советского государства. Холодная война определила остроту этой борьбы и выбор тематики.

В конце 1948 г. в США был создан так называемый "Американский комитет за свободную Россию", который открыто провозгласил о своем намерении дискредитировать национальную политику Советского государства и намерении открыто вмешиваться во внутренние дела Советского Союза. Под лозунгом "культурной автономии" и "национальных свобод" руководители комитета объявили о своем намерении провоцировать национальные трения в СССР и призывать национальности к борьбе против существующего строя.

В 1949-1951 гг. в американском конгрессе регулярно поднимались вопросы, в которых пытались заставить конгрессменов включиться в антисоветскую истерию и открыто стать в ряды антикоммунистической королевской рати. Наконец, в апреле 1951 г., нарушая все нормы приличия международной этики, попирая устав ООН, палата представителей приняла резолюцию, призывающую американского президента открыто вмешиваться во внутренние дела СССР. Палата представителей предписывала президенту такие нормы, которые могли быть приняты лишь в отношении враждебной воюющей страны и совершенно допустимые между суверенными и независимыми. Так, в пункте 4 резолюции говорилось: "Изыскать методы, при помощи которых американский народ через свое правительство и частными средствами с помощью правительства и без него может оказать материальную помощь и моральную поддержку активным борцам (т.е. националистическим элементам - Н.Х.) за освобождение ук-

раины, Белоруссии, Грузии, Литвы, Латвии, Эстонии, Средней Азии и других народов в Советском Союзе и странах, находящихся под коммунистическим господством"¹. Это было наглое провокационное подстрекательство в международном масштабе и в то же время начало открытого гонения на всех, кто в США еще не был помешан на антикоммунистической истерии.

Но претензии правящих кругов США на роль судьи в мировых делах были отвергнуты в самой Америке. В 60-х годах вся страна была потрясена бурными выступлениями негритянского населения, которое убедительно продемонстрировало всему миру, что и в США сохраняются пороки расизма и империализма. Ерожение началось на всем американском континенте. Куба стала первым социалистическим государством западного полушария, прокатились антиамериканские выступления в Панаме, Гватемале, Доминиканской Республике.

Самым тяжелым уроком для США было то, что в мире мало кто верил в утверждения американских пропагандистов, пытавшихся инкриминировать Советскому Союзу обвинения в колониализме, расизме, культурном империализме и т.п. Были затрачены огромные средства, была растрочена огромная масса энергии и все же в начале 60-х годов американские антикоммунисты уныло признавали, что мировая общественность не только не верит американской пропаганде и американским профессорам, проводившим идеологические диверсии из окопов холодной войны, но и проявляет растущий интерес к историческим успехам советских национальных республик, пусть даже и привлеченных советской пропагандой.

Глубокие сдвиги на международной арене в 70-х годах побудили идеологов антикоммунизма внести существенные коррективы в форму изложения своих концепций, и произвести некоторую перестройку

¹ Цит. Г.А.Хидоятов. Ленинская национальная программа и современная идеологическая борьба. Ташкент, 1972, стр.448.

рядов и работы с целью усиления ее эффективности и воздействия на широкие массы. Были созданы специальные центры по "исследованию" советских национальных проблем, на деле же для выработки более гибких и академических методов антисоветской пропаганды. Увеличилось финансирование работ в области национальных проблем, привлечены новые люди, расширился диапазон "исследований".

Сложились три главных центра по разработке методов фальсификации национальной политики КПСС и Советского государства и ее осуществления в СССР. Центр Советских национальных проблем (ЦСНП) в составе Русского института А.Гарримана в Колумбийском университете, возглавляемом проф. Аллвортом. В январе 1984 г. он преобразован в Центр исследований Средней Азии (ЦИСА) с программой комплексного исследования современного положения в республиках Средней Азии (экономика, литература, наука, социальные отношения) подготовки кадров с солидной языковой подготовкой по узбекскому и таджикскому языкам, выработки рекомендаций для КСИА и его радиовещательной организации "Озодлик", подготовки кадров для правительственных организаций и армии, главным образом для разведки.

В 1975 г. в Вашингтоне был создан Институт повышенных русских исследований, обычно называемый просто Институт Кеннана, по имени своего создателя. Он координирует работы большого числа американских исследователей советской национальной политики и рекомендует лучшие по мнению его руководителей аргументы и концепции для проталкивания в печать и широкие академические круги.

Кафедра Урала и Алтаистики в университете Индиана (Блумингтон, Индиана). В центре внимания кафедры литература и язык, в частности тюркский язык и литература (Айхон Башгор) и узбекский

язык и литература (Румия Ленсен), проблемы истории Средней Азии (Денис Синор).

Эти три центра определяют основные направления американской советологии в области национальных отношений в СССР и главным образом истории и современного положения народов в среднеазиатских республиках. В тесной связи с ними работают в различных университетах другие специалисты, такие как М.Ривкин (Нью-Йорк Сити колледж), Грег Массел (Нью-Йоркский городской университет), группа Средней Азии в Гарвардском университете, Карин Роулинг (Марилендский университет), Давид Монтгомери (Бригхемский университет, штат Юта), Уильям Фаерман (университет Теннесси), Эд Лазарини (университет Луизиана), Брайэн Сидверв (Мичиганский университет), Даниэль Матушевский (Нью-Йорк, Айрех). Особо необходимо отметить профессора А.Беннингсена из парижского университета Сорбонна, который ежегодно один семестр работает в Чикагском университете. Он занимается в основном революцией и гражданской войной в Средней Азии, но в последние годы его исследования направлены на поиски национализма и культивацию т.н. "национал-коммунизма".

Большое развитие исследования Средней Азии получили на западном побережье США. Вашингтонский университет (Сиэтл, штат Вашингтон), Ильза Лод-Сиртаутао преподает узбекский и казахский языки и тюркскую литературу, а группа профессоров под руководством проф. Смита работает над проблемой генезиса буржуазного национализма в Средней Азии и средств его возбуждения. В Калифорнийском университете (Лос-Анджелесе) профессор Бодрогилетти руководит группой, занимающейся преподаванием узбекского языка и исследованием истории Средней Азии. В другом Калифорнийском университете (в Беркли) профессор Джеймс Эссон преподает историю Сред-

ней Азии дореволюционного периода и при поддержке Стеффордского университета, известного своими архиреакционными антисоветскими направлениями работ, ежегодно собирает конференции "среднеазиистов" западного побережья на "неофициальные" конференции и дискуссии.

Наряду с США работы по исследованию Средней Азии и проблем, связанных с национальной политикой Советского государства, активно проводятся в Канаде (Канадская организация славистов), в Англии, где имеются свои богатые традиции среднеазиистоведения. Здесь работы были сосредоточены в двух крупнейших научных центрах - Королевского общества Средней Азии и Исследовательского центра Средней Азии, а публикации регулярно проводились в трех основных периодических изданиях - "Сентрал Эйшиен Сёвей", "Джорнэл оф Ройял Сентрал Эйшиен Сосайети" и Совет Стадиес, издающийся университетом Глазго^I.

Кроме того, в последнее время публикуется большое число статей по национальным проблемам в СССР в журнале Института по делам мусульманских национальных меньшинств, издаваемый с 1979 г. в Саудовской Аравии, в ряде французских журналов.

Нельзя утверждать, что все западные советологи, работающие в этой области, поставили себе целью исказить истинное положение или сознательно дезинформировать общественность западных стран. Многие из их утверждений оказались обоснованными и нашли подтверждение в многочисленных публикациях в национальных республиках.

Большинство советских авторов, касаясь басмаческого движения, стремились отвергнуть положения западных авторов. Каждый из них считал для себя обязательством заострить полемический характер

^I Central Asian Survey (CASO), Journal of Royal Central Asian Society (JRCAS), Soviet Studies (SS).

своих работ, придать им конфронтационный характер. Советские авторы категорически протестовали против положений советологов, утверждавших обратное, стремившихся обвинить Советское государство и КПСС в антинародной политике и подавлении национальных свобод. В работах советских авторов проводилась линия априори, обвинявшая советологов в фальсификации истории, ложности их концепций. Poleмика переносилась главным образом в политическую и идеологическую область и высшей задачей считалось защитить идейную и политическую позицию партии зачастую в ущерб научным интересам и исторической правде.

Характерным в этом отношении является монография В.Абылгазиева "Крах политического бандитизма", изданная во Фрунзе в 1984 г. Он пишет, что главная особенность современной буржуазной историографии "состоит в стремлении вопреки всяческим фактам реабилитировать силы внутренней и внешней контрреволюции, обелить басмаческое движение, представляя его как общую национальную борьбу против Советов"¹. Обвиняя советологов в "фальсификации" и "искажении истории", В.Абылгазиев отвергает оценку басмачей, сложившуюся в современной советологии, как борцов за веру, национальное самоопределение, как национальное движение, корнями восходящего к восстанию 1916 г. В противоположность советологам сам В.Абылгазиев считает басмачество антинародным движением, формой "политического бандитизма"². Такова была позиция советских историков.

Она формировалась в течение длительного времени и под сильнейшим нажимом тоталитарного режима. Как и вся история страны и режима, история Октябрьской революции и гражданской войны неодно-

¹ Абылгазиев В. Крах политического бандитизма. Фрунзе, 1984, с.5.

² Там же, с. 6-7.

кратно перекраивалась, переписывалась и в результате сложилась схема, в которой трудно разобрать — кто же был истинным ленинцем, шедшим на штурм капитализма и на борьбу за счастье народа, а кто был врагом революции, кто же был до конца предан изначальным идеалам коммунистической партии, а кто их предавал, кто же осуществлял марксизм в одной отдельно взятой стране, а кто искажал его и фальсифицировал, давая неверные толкования этого великого учения.

Все революции представляли собой многогранный длительный процесс с глубокими внутренними противоречиями и не все революции достигали, в конечном счете, своих изначальных целей. Более того, в процессе революционной борьбы возникали новые социальные и политические силы, которые совершали крутые повороты в революционном процессе и добивались уничтожения и ликвидации "отцов революции", т.е. зачинателей революции, объявляя их затем врагами народа и общества и приписывая себе все революционные заслуги. Во всякой революции были свои "термидоры" и "18 бримера", т.е. перевороты, которые сметали революционные силы и утверждали диктатуру реакционных сил, которые направляли революцию в русло сохранения их завоеваний.

Эти силы превращались в новые правящие слои и классы, которые стремились закрепить свое привилегированное положение и склонны были рассматривать себя не как временный этап революционного движения, а ее завершение и утверждение. Как только они превращались в господствующий класс, как только закреплялась их политическая власть, у них возникала потребность добиваться своего идеологического господства, необходимости создания собственной исторической концепции революции, ревизии ее основных этапов, характера и движущих сил. Ученые-историки превращались в при-

служников новых вождей, преувеличивая их роль в революции, воспевая им дириамбы, а над исторической наукой совершалось насилие, которое превращало ее в идеологическое орудие господства нового класса, которая с поразительной легкостью, по мановению волшебной палочки совершала невероятные повороты в исторических оценках, формулировках, акцентах.

Это было характерно для всех великих революций нового и новейшего времени — английской, американской, французской, революций 1848 г. и не обошел этот порок и Октябрьскую революцию. Но если в отношении всех буржуазных революций шла борьба концепций, открытая и острая полемика историков, дискуссия научных школ, то Октябрьскую революцию постигла печальная участь самой настоящей фальсификации, причем эти обвальные фальсификации происходили неоднократно, и происходили они в интересах узкой группы господствующей партийной бюрократии, которая присвоила себе право утверждать "своих" и "чужих", друзей и врагов, приклеивать ярлыки, которые вели к изгнанию из общества или физическому уничтожению тех, кто посмел иметь собственное мнение.

При каждом большом историческом зигзаге, связанном или с противоречиями хозяйственного процесса, или же новым витке международной напряженности, поднимавшаяся над революционным классом бюрократическая элита, обратившаяся в новый эксплуататорский класс, металась в поисках оправдания своих пороков, ошибок и промахов, стремясь недовольство снизу обратить в исторические дебри еще совсем свежего революционного прошлого. Этим объясняются неоднократные перестройки исторического прошлого, смены ценностей в революционном движении. Они получили гигантский размах, т.к. от них зависело настроение масс, результаты политической борьбы. История революции и гражданской войны имели огромное

значение в массовых репрессиях и гонениях, практическом разгроме партии, который свершился в 1937-1938 гг.

Такая перестройка истории, а точнее, фальсификация истории партии, революции, гражданской войны и социалистического строительства произошли в 1923-1926 гг., 1926 г., 1929 г., 1938 г., в связи с выходом "Краткого курса ВКП(б)", 1940 г., 1948-1949 гг., 1956 г., 1965 г., 1980 г. Постановление ЦК ВКП(б) от 14 ноября в связи с выпуском "Краткого курса истории ВКП(б)" подчеркивало необходимость "дать партии единое руководство по истории партии, руководство, представляющее официальное, проверенное ЦК ВКП(б) толкование основных вопросов истории ВКП(б) и марксизма-ленинизма, не допускающее никаких произвольных толкований". Издание Краткого курса истории ВКП(б) должно было положить конец, как говорится в постановлении, "произволу и неразберихе в изложении истории партии, обилию различных точек зрения и произвольных толкований важнейших вопросов партийной теории и истории партии" (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II, изд. 7, 1953, с. 959). В новых изданиях Троцкий, бывший председатель Петроградского Совета, председатель Реввоенсовета, главнокомандующий Красной Армии, превратился в заклятого врага советского народа и "трудящихся всего мира", продавшийся в 1921 г. германской разведке, а затем и английской; Бухарин, бывший редактор "Правды", председатель Московского обкома партии, член Политбюро ЦК стал "фашистским заговорщиком"; Зиновьев, Каменев, Рыков, соратники Ленина по борьбе были обращены в холопов иностранных разведок, матерых врагов и предателей революции и Советской власти.

История превратилась в глубоко идеологизированную политическую науку, выражавшую мнение одной группы политических деятелей,

Появились ярлыки - враг народа, враг Советской власти, буржуазный националист, пантюркист и панисламист, т.е. весь набор ярлыков, которым орудовал НКВД в своем проведении массовых террористических кампаний. Причем неслучайно проведение таких кампаний сопровождалось огульным охаиванием и дискредитацией историков и исторической науки.

Уже к концу тридцатых годов в полном соответствии с требованиями и потребностями тоталитарного режима в советской литературе сформировалась достаточно окаменелая схема басмаческого движения в Средней Азии, которая постоянно подтверждалась документами и новыми работами, авторы которых стремились лишь дополнить и укрепить эту огромную египетскую пирамиду, объединявшую науку, идеологию, политику и классовую ненависть и вражду к инакомыслию. Суть ее сводилась к следующему:

1. Басмачество было формой ожесточенной классовой борьбы феодалов, кулаков, баев, мулл, национальной буржуазии против собственного народа и Советской власти.

2. Оно вдохновлялось и направлялось английскими и американскими интервентами. В организации и вооружении басмаческих банд летом 1918 г. участвовали официальные представители иностранных государств - "один из руководителей военно-дипломатической миссии английского правительства" Ф.Бейли и американский консул в Ташкенте Р.Тредуэлл, а "также ряд агентов других государств". Формированием и обучением "басмаческих шаек" занимались английские, турецкие и белогвардейские офицеры.

3. Идеологической основой басмачества были панисламизм, пантюркизм и буржуазный национализм. Поэтому непосредственными руководителями басмачества являлись религиозно-просветительские организации - Шура-и-Ислам, Улема и Алаш. Создав в 1917 г. контррево-

люционное "кокандское автономное правительство", эти организации сформировали вооруженные банды басмачей и начали военные действия против Советской власти с целью отделения Туркестана от Советской России и установления в нем государства баев и феодалов под протекторатом иностранного государства.

4. Опираясь на разрозненные силы басмачей, английское правительство, действовавшее через своих агентов, стремилось объединить басмачество. Для этой цели в октябре 1921 г. в Бухару прибыл бывший военный министр Турции Энвер-паша. Он выдвинул лозунг объединения всех народов, исповедующих ислам в едином среднеазиатском государстве¹.

На Западе такая концепция была отвергнута и советология стала формировать собственные концепции басмаческого движения. Один из самых видных советологов Р.Пирс писал: "Хотя в Советском Союзе было опубликовано много относительно революции 1917 г. и хода гражданской войны в Средней Азии как описание, так и анализ этого периода остается неадекватным. И дело не только в том, что современные советские трактовки отличаются от трактовок их западных коллег, основанных на одних и тех же материалах, они опускают также значительные факты, представленные в ранних советских работах, и игнорируют большинство источников эмигрантов и западных авторов. В результате была создана несбалансированная, искаженная картина, выборная и пропагандистская и требуется тщательный пересмотр того что случилось"².

Упрек горький, но справедливый и обоснованный. Современные работы советских авторов по Октябрьской революции и гражданской войне вообще в СССР, а в частности, и на национальных окраинах

¹ Суммированное изложение статей о басмачестве в изд. Советская историческая энциклопедия. Ред. Е.М.Жуков, т.2, с.157-159.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987, с.55, ред. С.С.Хромов.

² Canadian Slavonic Papers vol.XVII, # 263 1975 p.260

Российской империи несли очень большую идеологическую нагрузку, которая имела решающее значение при подборе материала, расстановке акцентов, характеристик роли различных партий и политических деятелей, при оценке деятельности партии большевиков. Более того, соответствует действительности и утверждение Р.Пирса о игнорировании или искажении работ советских авторов, написанных в первые годы после окончания гражданской войны. Многие из них были обвинены в национал-уклонистском или меньшевистском подходе к изучению истории, что механически зачисляло их в фальсификаторов истории, врагов большевиков, а их работы подлежали уничтожению или передаче в закрытый фонд, доступ куда был ограничен.

На такой основе постепенно формировалась современная концепция — "марксистско-ленинская" — представляющая большевиков борцами за демократию, мир, всеобщую справедливость, национальное самоопределение, а партию большевиков во главе с Лениным и Сталиным, организатором и вдохновителем побед советского народа. Подлежало публикации все то, что показывало большевиков в розовых тонах и опускалось все то, что могло бросить тень на большевиков или заронить сомнения в правильности их общего курса. Именно на такой основе формировалось отношение и к западной советологии.

§ 2. Основные направления в западной советологии

в исследовании басмачества

Главным пороком советской историографии, занимавшейся битвой с "подрывной деятельностью" советологов, заключалась в тотально одинаковом отношении ко всем работам советологов, забывая при этом о различных школах, концепциях и направлениях, сложившихся в современной советологии. Историко-марксисты забывали, что советоло-

логия выросла на почве современной буржуазной исторической науки, политологии и философии и в ней есть свои общепризнанные устоявшиеся принципы, приемы и методы (такие как буржуазный объективизм), которыми невозможно пренебрегать, утверждены свои критерии оценки исторических событий, далекие от классово-номенклатурных и идейных позиций пролетариата.

В современной западной советологии сложились в основном два направления в оценке басмаческого движения: либеральное и консервативное. Они различаются как по оценке причин, породивших басмачество, так и по своему тону в отношении действий советских властей и басмачей.

Апостолом и идейным отцом либерального направления следует считать, конечно же, профессора Гарвардского университета, бывшего советника по вопросам национальной безопасности президента Р. Рейгана Ричарда Пайпса. Работы его по тону отличаются сдержанностью и объективизмом. В работе "Формирование Советского Союза. Коммунизм и национализм 1917-1923 гг.", опубликованной в 1954 г., т.е. самый разгар холодной войны, ему удалось избежать стереотипов холодной войны и взаимного обвинения и дать объективную и сбалансированную картину развития басмаческого движения, его истоков и результатов. Характеризуя причины вспешки басмаческого движения, он писал: "В целом все движение сопротивления, известное как басмачество, было не столько воплощением в действии какой-то позитивной или социальной психологии, сколько отчаянной реакцией на плохое обращение и злоупотребление властей и оно исчезло как только эти раздражители были ликвидированы"¹. Гарвардский университет был всегда гнездом американского либерализма и все либеральные президенты США - Рузвельт, Кеннеди - были представителями этого университета. Работы,

¹ R. Pipes The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism in 1917 -1923. New York 1964 p.259-260

подготовленные здесь советологами, даже в самые ожесточенные периоды холодной войны отличались уравновешенностью и объективизмом. На них практически не действовали политические истерии, время от времени потрясавшие Капитолий и они не отступали от своих принципов буржуазного объективизма. Так, и Р.Пайпс, он не стал наделять басмачей чертами, которых они не заслуживали.

Басмачи, отмечает Р.Пайпс, были самыми заурядными бандитами и разбойниками, которые появились на дорогах еще до Октябрьской революции. Их ряды пополнились выпущенными по амнистии Временного правительства уголовниками и безработными и безземельными крестьянами, число которых резко увеличилось в связи с кризисом в хлопчатобумажной промышленности Туркестана в 1917-1918 гг. Кроме того, после разгрома Кокандской автономии к басмачам присоединились и некоторые жители Ферганской долины, бежавшие в горы, спасаясь от бесчинств дашнаков и красногвардейцев. Эти элементы и придали, по мнению Р.Пайпса, басмачеству характер "народного сопротивления".

Р.Пайпс обратил внимание на автономность и независимость всех басмаческих отрядов и сделал вывод, что вражда между ними достигала порой очень большой остроты и в результате некоторые из них переходили на сторону коммунистов, чтобы сокрушить своих соперников. Ни идейно, ни политически, ни социально, ни экономически они не были связаны и именно этим объясняется тот факт, что никому так и не удалось объединить все басмаческое движение как единое целое. Даже в Восточной Бухаре, где на главные руководящие роли претендовали эмир и Ибрагим-бек, было много независимых командиров, которые и не думали подчиняться общему руководству. Р.Пайпс также сделал вывод, что другим источником слабости и разобщенности басмачей, помимо соперничества отдельных

клановых вождей, была межплеменная и межродовая междоусобица, традиционная для Средней Азии. Басмаческие отряды различного этнического происхождения временами были больше заняты борьбой друг с другом и сведением взаимных счетов (кровной мстостью, прежними обидами), чем борьбой с большевистским режимом. Особенно острой, по мнению Р.Пайпса, была борьба между киргизами и узбеками, а также между узбеками и туркменами.

Р.Пайпс придает большое значение работе Туркестанского бюро ЦК РКП (Туркбюро) и Туркестанской комиссии, которые ликвидировали злоупотребления советских властей в Туркестане, сделали уступки местному населению, восстановили традиционные обычаи, суды шариата. Новая экономическая политика позволила вернуться населению к частной торговле, положила конец насильственным реквизициям продовольствия и хлопка. Все эти уступки оказали умиротворяющее воздействие на население Средней Азии, которое жаждало мира и возвращения к своему повседневному труду. Оно вернулось к мирной жизни, как только убедилось, что советская власть начинает откатываться от военного коммунизма. Р.Пайпс пишет в связи с этим, что экономические и религиозные уступки коммунистов "лишили басмаческое движение народной поддержки" и позволили властям сначала ликвидировать его выступления, а затем и полностью подавить его. Будучи отрезанными от населения, басмачи снова обратились к разбоям, совершенно утратив социально-экономическую и политическую привлекательность, которую они завоевали в период военного коммунизма. Теперь они превратились во врагов народа.

Либеральную концепцию басмаческого движения в западной исторической литературе продолжил и во многом углубил Джери Уилер, бывший директор Института среднеазиатских исследований Оксфордс-

кого университета и редактор журнала Среднеазиатское обозрение, выходявшего до 1972 г. Он во многом поддержал Р.Пайпса и высказал твердую уверенность, что непосредственными причинами басмаческого движения были крайности в политике Ташкентского Совета в 1918 г., правительства Туркеспублики и глумление над разгромленным Кокандом, который был предан огню и разрушению. Характеризуя природу и суть басмачества, Уилер отверг утверждения о его пантюркистской идеологии. "Басмаческие лидеры, достигшие наибольшего признания, - пишет он, - не были ни интеллектуалами, ни реформистами, скорее всего они были реакционерами, а некоторые и вовсе обычными головорезами"¹. Они были, продолжает Уилер, врагами как русских, так и собственных реформистов в лице джадидов и младобухарцев. Исход борьбы был решен уступчивостью Туркестанской комиссии, а не превосходством Красной Армии, а междуособица между повстанческими лидерами является по его мнению лучшим свидетельством отсутствия у басмачей какой-либо политической, экономической или социальной платформы.

Через десять лет Уилер дает еще более негативную характеристику басмаческому движению. Он расценивает его уже как "нескоординированное сопротивление плохо вооруженных и неорганизованных партизан, лишь эпизодически поддержанное озадаченным и изголодавшимся населением"². Д-р Уилер считает политическую неразвитость и незрелость басмаческого движения совершенно естественным следствием длительного колониального господства русского царизма. У русского царизма никогда не было намерения уходить из Средней Азии и в его планы не входило предоставление даже в отдаленном будущем какой-либо формы самоуправления среднеазиатским народам. Даже такие либерально настроенные ученые, просветители, занимавшиеся ус-

Ц.А.И.И.И.И. J. Wheeler The Modern History of Soviet Central

Asia. L. 1964 p. 110-111

² Canadian Slavonic Papers. 1975 II 2-3 p. 190

тройством Средней Азии, как Ильминский и Наливкин, планируя меры по социальному устройству, культурному прогрессу, в конечном счете имели в виду ассимиляцию мусульман и интеграцию Туркестана с Российской империей. Российские колонизаторы стремились создать здесь такие условия, которые в будущем исключили бы всякую возможность организованного сопротивления местного населения. В результате в Средней Азии не было вооруженных и обученных современных регулярных национальных воинских соединений, отсутствие местного чиновничества, высших учебных заведений, готовивших интеллигенцию и перспективы возможного самоуправления. Поэтому, утверждает Дж. Уилер, "так называемое национальное движение, обрушившееся в хаосе гражданской войны, было как бы грибом: лидеры имели мало политического понимания и не имели совершенно административного опыта; они не добились значительной материальной поддержки ни от белых русских, ни от соседних мусульманских стран"¹. Это положение опровергнуть трудно.

В консервативной группе советологов наиболее популярным и широко распространенной стала, сформировавшаяся под воздействием углублявшейся конфронтации двух систем, тенденция представить басмаческое движение, как антирусское, направленное с самого начала против России, русских и стремившееся к полному изгнанию русских из Средней Азии. Сторонники и активисты подобной точки зрения пытались найти корни движения в антирусских чувствах у местного населения, которое было вызвано длительным периодом российского колониализма. Конечно, трудно спорить с такой постановкой вопроса. Ташкентское восстание 1892 г., анжиданское восстание 1898 г. и восстание 1916 г., подавленные царским прави-

I

¹ Ibid. p. 101

тельством с беспрецедентной жестокостью, свидетельствовали о широком распространении в местном населении русофобии и отрицать присутствие антирусского элемента в басмаческом движении было бы обоснованно. Более того, сами по себе эти восстания оставили глубокий след в местном населении и способствовали углублению роста гроздей гнева и ненависти к колониальному режиму, а вместе с тем и ко всему русскому, т.к. в сознании местного населения русское и царское были тождественны. Отрицать это было бы бесполезно.

Но все же было бы неправильным и преувеличением антирусского сознания как причины появления басмаческого движения. В Средней Азии была достаточно влиятельная социальная сила — промышленный и торговый капитал национального происхождения — которая была тесно связана с русским капиталом и которая была заинтересована в сохранении тесных связей с Россией, т.к. все ее благосостояние зависело от процветания русского капитализма, частью которого она являлась. Думать, что среднеазиатский торговый, ростовщический или даже нарождавшийся промышленный капитал будет выступать с этнических позиций и станет ценить свои родственные, племенные, родовые или этнические узы выше своих имущественных связей, не имеет никакого основания. Такая постановка вопроса нереальна.

Факты говорят о довольно глубоком понимании, существовавшем среди среднеазиатской элиты, разницы между царем и Керенским, большевиками и Временным правительством. Эмир Сайид Алим-хан в своих воспоминаниях пишет о сложившихся "дружеских" и "достойных" отношениях между Бухарой и Россией, а также о взаимном понимании между русскими и бухарскими государственными деятелями.

Вместе с тем, он пишет о "безродных" и "недостойных" людях, которые свергли "его императорское величество" и создали свое правительство. С Временным правительством у эмира также сложились довольно близкие отношения. В Бухару был направлен чрезвычайным и полномочным послом А.Г.Преображенский, который объявил эмиру о признании Временным правительством независимости Бухарского эмирата и установлении полных дипломатических отношений¹. В это время о басмаческом движении и речи не было и говорить о русофобии, как главной причине басмаческого восстания было бы явным искажением истории.

Наиболее полно и отчетливо аргументы этой концепции выражены в работе профессора Корнельского университета Элизабет Бэкон "Среднеазиаты под русским правлением", вышедшей в Нью-Йорке в 1966 г. "Большевики надеялись, - пишет она, - что среднеазиатские крестьяне самопроизвольно поднимутся против своих повелителей, как это случилось во многих русских владениях, но узбекские и таджикские жители деревень проявили чрезвычайно мало классового сознания. Вместо этого, их враждебность обратилась против русских всех политических течений, которых они обвиняли в политических и экономических вывихах революции и последовавшем голоде"². По мнению Э.Бэкон сами крестьяне принимали мало участия в самом басмаческом движении, но рассматривали их, особенно в Коканде, как героев джихада, священной войны против "неверных русских". Насилия гражданской войны и бедствия голода стали источниками глубокой ненависти ко всем русским. В результате у среднего крестьянина укоренилось глубокое недоверие к русским завоевателям, как бы они себя ни называли советскими или царскими и не

¹ Амир Сайид Олимхон. Бухоро халкининг хасрати тарихи. - Тошкент, 1991, с.9.

² Elizabet ~~the~~ E. Bacon Central Asians under Russians Rule

реагировали на их пропагандистские усилия.

Работа Э.Бэкон насыщена противоречиями, которые трудно увязать с общими концептуальными положениями всей работы. Прежде всего, она сама пишет, что Советская власть сумела привлечь на свою сторону широкий спектр социальных прослоек местного населения Средней Азии, от таких беднейших людей как Ахунбабаев, ставший председателем ЦИК Узбекистана до таких представителей богатых прослоек торгового элемента как Файзулла Ходжаев. Кроме того, по мнению Э.Бэкон, большевистская программа привлекла "безземельных крестьян" и "очень бедных крестьян", которые были готовы на все, чтобы улучшить свою судьбу. В целом получается, что не все население выступало против всех русских, да и русские, оказывается, были разными. Во всяком случае становится беспочвенным проводить разграничительную линию по национальной принадлежности.

Но главное не в этом. Концепция русофобии, как главной причины возникновения басмачества, была опасна искажением самой сути басмачества и подмены ее истинных корней, надуманными или искусственными. В таком случае басмачество становится продуктом межэтнического конфликта и борьба против царизма, а затем и против злоупотреблений местных советских властей обращается в борьбу против русских, она сужается до узких рамок расизма и национализма, выбрасывая из нее главное — борьбу за достойные отношения между нациями, борьбу за равенство, суверенитет. Само басмачество, наконец, было неоднородным и носило различные оттенки местных особенностей, поэтому давать столь однозначную оценку или подводить под один общий знаменатель было бы рискованным заблуждением.

Несомненно эта концепция была продуктом холодной войны и

конфронтацией двух систем. Самым легким путем и дискредитации Советского Союза была дискредитация России и всего русского, символизировавших все государство. Концепция должна была доказать, что русские узурпировали господство над малыми народами вопреки их воле и благодаря грубому насилию, совершенному над их волеизъявлением. Конечно, сама большевистская революция была насилием над волей русского народа, узурпацией власти узкой группой политических деятелей и сейчас это трудно опровергнуть, но если взвесить все за и против, то оказывается, что все-таки большинство русского народа шло за большевиками, которые впоследствии этих надежд не оправдали. То же самое было и на национальных окраинах. В происходившей борьбе между двумя группами русского населения - красными и белыми, часть населения окраин предпочла красных, часть белых, но демаркационная линия проходила все-таки по политическим и социальным барьерам.

Антирусская заостренность басмаческого движения является в настоящее время наиболее широко распространенным объяснением характера его. В статье в журнале "Эребия", выходящей в Эр-Рияде, но материал которого, видимо, все-таки готовится в Лондоне, говорится, что основной целью басмачей было "отправить как можно больше русских назад в Россию или к творцу, независимо от того, являются они приверженцами православной церкви или последователями марксистского диалектического материализма"¹. Эрика Дейли в докторской диссертации, защищенной в Принстонском университете в 1986 г., посвященной теме "Басмачи и большевики" пытается обосновать причину особой ненависти местного населения к русским, ставшую основным, по ее мнению, мотивом в басмаческом движении. Местная "мусульманская ненависть" к русским имела, по

¹ *Arabic Daily / Uzbakchilari and Bolshevikiki / Princeton University / 1986*

ее мнению, глубокие культурные и исторические корни, которые восходили к 19 в., а в некоторой степени и до времен монгольского ига в России. Царское правительство, пишет она, насаждало враждебность и "расовый шовинизм" в отношении местного населения. Культурно русские считали себя неизмеримо выше мусульманских народов и считали себя вправе насаждать свою русскую культуру путем жестоких расправ с попытками местного населения добиться свободы и независимости. Эрика Дэйли приводит слова генерала Иванова, который командовал в 1916 г. карательными войсками при усмирении восстания и так инструктировал своих солдат: "жизнь тысячи туземной черни не стоит одного сапога русского солдата"^I. Басмачество было ответом на этот расовый шовинизм, утверждает она, и в басмаческом движении доминировала антирусская враждебность.

Несмотря на противоречивость и однобокость, а в некоторых случаях и тенденциозность, советология внесла значительный вклад в изучение природы басмаческого движения и ныне эту проблему трудно представить без работ зарубежных авторов. Они расширили круг источников, привлеченных для изучения басмачества, дифференцировали его характер в различных регионах, дали интересные положения об этапах его развития. Самое важное — свобода от необходимости защищать, поддерживать политику КПСС и Советского государства дала им возможность подойти к проблеме более объективно, чем советские историки.

В работах советологов привлекает прежде всего тенденция четко определить этапы развития басмаческого движения. При внимательном рассмотрении этих этапов обнаруживается два интересных характерных фактора:

^I Erica Daily, *Basmachi and Bolsheviks*, Princeton University 1936, pp. 15, 17, 112

1. Каждый из этих этапов связывается с определенными действиями советских властей в Ташкенте, направленным на разгром местных национальных организаций или выступлений, когда басмаческое движение становилось как бы ответом местного населения на очередной насильственный акт советского государства. Дж. Уилер дает следующую периодизацию: январь 1918 - ноябрь 1919 г. (от разгрома кокандской автономии), ноябрь 1919 - сентябрь 1920 г. (начало военных операций против басмачества в Ферганской долине), сентябрь 1920 - октябрь 1920 г. (от вторжения Красной Армии в Бухару), 1921-1922 гг. (связанный с Энвер-пашой)¹. Работы более позднего периода значительно расширяют рамки периодизации, продолжая последний этап басмаческого движения вплоть до 1931 г.²

2. Периодизация советологов заимствована в основном из ранних работ советских авторов начала 20-х годов и базируется на той периодизации, которая была выдвинута в работах Василевского "Фазы басмаческого движения в Средней Азии"³ и С.Б. Гинзбурга "Басмачество в Фергане"⁴. В результате смещенных акцентов и выдвигание на передний план, как раздражителя, действий советских властей, периодизация приняла острый антисоветский и антикоммунистический характер, в котором КПСС и Советское государство выступали как агрессоры, душители свободы, захватчики, борьба против которых непременно должна была принять национальный освободительный характер.

Интересными являются также материалы в работах советолога о внутренней борьбе, взаимоотношениях командиров полевых отрядов. Дж. Уилер нашел материалы, уличающие руководство Красной Армии в

¹ J. Wheeler The Modern History of Soviet Central Asia. p.108

² Central Asian Survey. 1937, N 2, p.14

³ Современный Восток, 1924г. № 29

⁴ Современный Восток, 1922г., №10-11

закулисных интригах, направленные на провоцирование междоусобной борьбы в Бухаре. Поскольку Ибрагимбек в 1921 г. был главным противником Советской власти в Бухаре, советское руководство предложило младобухарцам вступить в переговоры с Ибрагимбеком об условиях соглашения с ним и в то же время вступило с ним самим в непосредственные переговоры для того, чтобы его руками разгромить джадидов. Целью советского руководства было ослабление или полное уничтожение всех сил национального движения или их потенциальных союзников, а методы осуществления напоминали византийские методы правления и сводились они к следующему: создается треугольник политической борьбы, в котором состояли джадиды, младобухарцы и басмачи во главе с Ибрагимбеком, где джадиды должны были компрометировать младобухарцев, те должны были всеми силами бороться с Ибрагимбеком, в котором видели своего главного врага, а Ибрагимбек должен был уничтожить джадидов. В результате советское руководство без особых усилий рассчитывало ликвидировать национальное сопротивление, быстро покорить Бухару, лишить ее даже тех мизерных атрибутов независимости, которые она имела при царизме и Временном правительстве и присоединить к новой создаваемой социалистической империи¹.

Советологи вели неустанные поиски новых материалов по басмачеству и новых сторон его развития. Им удалось обнаружить и опубликовать ряд интересных новых сведений по басмаческой проблеме, которые в значительной мере меняют версию о природе басмаческого движения, его социального состава, взаимоотношений между отдельными полевыми командирами, их тактике и влиянии, разработанную в советской исторической литературе. В частности, Дж.Феллон, работающий в Пешаваре и имеющий, видимо, тесные кон-

¹ J. Wheeler op.cit.p.109

такты с лидерами моджахедов, опубликовал чрезвычайно интересные сведения о связях афганских правящих кругов с басмаческим движением в Туркестане. В декабре 1919 г. официальная делегация из Афганистана встретила с Мадаминбеком и обещала поддержку Афганистана басмаческому движению при условии заключения соответствующего договора с эмиром Бухары о совместной борьбе против советской власти. Однако, соперничество среди басмаческих главарей не дали возможности достигнуть этого и афганцы от помощи отказались.

Между тем в зиму 1919-1920-х годов в Бухару прибывает афганская правительственная делегация, которая заключает с эмиром Сайид Алимханом договора о дружбе, по которому Афганистан обязывался оказать Бухаре военную помощь в случае агрессии советских войск. Эти сведения подтверждены и в мемуарах Сайид Алимхана¹. Король Амануллахан послал в помощь Сайид Алимхану 500 инструкторов и небольшой контингент войск. Они защищали Бухару во время интервенции советских войск и ушли, прикрывая отступление Сайид Алимхана. По сведениям Сайид Алимхана афганскими частями командовали посол Афганистана и бригадный генерал Абдушукрхан, начальник егерей при афганском посольстве в Ташкенте Мухаммед Асламхан и военный атташе. Они его сопровождали до территории Афганистана².

Дж.Феллон обнаружил в архивах документы, указывающие на существование связей басмаческих лидеров с афганскими правителями с 1918 г. по 1931 г. и связи эти были как открытыми, так и скрытыми. Король Афганистана Амануллахан разрабатывал планы создания военного оборонительного альянса, направленного против России, в

¹ Амир Сайид Олимхон. Бухоро халкининг хасрати тарихи. - Ташкент, 1991, с.13.

² Там же, с.15.

данном случае против советской власти. С этой целью он обратился в 1919 г. к главарям басмаческого движения с предложением сформировать среднеазиатскую Федерацию, куда вошли бы Хива, Бухара, Афганистан, а также контролируемую басмачами Ферганскую долину. Но Курширмат, который тогда имел огромное влияние в басмаческом движении, отверг это предложение, боясь, что такая Федерация подорвет его положение лидера басмаческого движения. Подозрения, ревность и честолюбие подорвали эту единственную возможность легалитзации внешних сношений с Афганистаном^I.

Английский исследователь Г.Фрезер провел огромную работу по сбору материала о басмачестве и его две солидные статьи в "Сентрал Эйшмен Сэвей" представляют собой значительный вклад в изучение басмаческого движения с новых позиций. Он подробно демонстрирует отдельные группы басмачества по регионам и областям, их особенности, пытается подсчитать количество отрядов и их численность, стремится объективно взвесить за и против, показать сильные и слабые стороны движения и самое главное ответить на вопрос - имело ли басмаческое движение будущее. Многие материалы являются новыми для советского и зарубежного читателя, а многие являются сенсационными. Он подробно излагает материалы съезда басмачей в Кабуле в августе 1922 г., на котором присутствовали представители всех областей. Съезд наметил общее восстание на весну 1923 г. Эмир Алим Сейидхан был провозглашен "главнокомандующим муджахидинов", который направил обращение руководителям различных иностранных государств. Он не просил помощи, он пытался разъяснить мировой общественности суть происходящих в Туркестане событий. Курбани Миян Лузрук по поручению съезда был направлен в Ташкент "в целях пропаганды, сбора денег

^I J. Fellone The Responce of National Liberation Movement on the South Central Asia , Peshawar 1983 p.8

и создания секретных складов оружия". Гибель Энвер паши привела к краху эти планы. Вместе с тем, советские органы добились сокращения посевов пшеницы и лишили басмачей источников снабжения продовольствием. В итоге басмачи стали на путь насильственного изъятия продовольствия и потеряли доверие народа.

Но все же весной 1923 г. наблюдалось заметное оживление в басмаческом движении, что говорило о практическом осуществлении решений съезда. Г.Фрезер скрупулезно и детально показывает боевые действия басмаческих отрядов в марте 1923 г. в южной Ферганае и южной Бухаре. Они интересны с точки зрения масштабов басмаческого движения, роста военного опыта, усиления отрядов и в то же время полной безнадежностью их борьбы. Материал, использованный Г.Фрезером, неизвестен в советской литературе и заимствован, видимо, из многочисленных материалов по басмаческому движению, находящихся в фондах гуверовского института войны, мира и революции С тэнфордского университета, а также архива Бахметьева, хранящегося в Колумбийском университете, которые в работах советских авторов еще не нашли отражения.

Г.Фрезер впервые в английской литературе дал дифференцированную картину басмаческого движения. Он считает само басмаческое движение неоднородным и разделял его на две основные разновидности в Ферганае. К первой он отнес "подлинных политических басмачей", истинных борцов против Советской власти, в лице Курширмата и его сторонников, насчитывавших 5-6 тыс. человек; ко второй он отнес "чисто бандитских басмачей", под предводительством таких лидеров как Аман-Палван, численностью около 2 тыс. человек, которые терроризировали сельские районы. Курширмат после неудачи в Ферганае отправился в Каратегинские горы, чтобы продолжать борьбу, тогда как басмачи-бандиты остались в Ферганае, где заня-

лись грабежом дехкан.

Политические басмаческие отряды почти не занимались грабежом и были популярны среди народа, который снабжал их питанием, а отряды бандитов стали заниматься вымогательством и разбоем. Патриоты переродились в грабителей и стали ненавистными населению сел и городов. Появление чисто грабительской тенденции в движении придало дурную славу ему. Советы использовали враждебные чувства населения и культивировали идею об антинародном характере басмаческого движения в целом и сформировали образ врага народа в лице басмача в народных Средней Азии. В городах и селах стали популярными песни, осуждавшие и оскорблявшие басмачей, выражавшие к ним презрение как к врагам народа.

Интересны также сведения, опубликованные Г.Фрезер о роли английских представителей в басмаческом движении. Он считает, что британские правящие круги предпринимали энергичные попытки вмешаться в события в Туркестане путем установления влияния на лидеров басмачей. В Кашгаре была создана специальная миссия, а в Мешхеде сконцентрирован британский экспедиционный корпус. Они служили базами британских действий в этом регионе. Фрезер подробно анализирует британские планы в Туркестане, в которые входили и план вооруженной интервенции. Этот план был разработан и осуществлен полковником Ф.Бэйли^I. Материалы, имеющиеся у советских авторов, доказывают, что такой поворот не исключался и в работах, опубликованных в Советском Союзе, где неоднократно высказывалась мысль о существовании таких планов и практических шагах в их осуществлении, хотя британские авторы пытались отвергнуть даже мысль о такой возможности. Теперь западные авторы стали откровеннее и это дает надежду, что в будущем мы получим еще

^I G. Fraser "The implementation of the "New course" and the end basmachi" CAS, 1987, №2 p.

больше свидетельств о планах британской экспансии в Туркестане.

Налицо очень важный сдвиг в западной советологии в исследовании басмаческого движения. И связан он был главным образом с интервенцией советских войск в Афганистане, повторивший как по нотам вторжение в Бухару в 1920 г., и борьбой афганских басмачей (в советской печати их так и называли), хотя в Афганистане и во всем мусульманском мире их называли моджахединами, т.е. борцами за веру. Буржуазные советологи получили редкую в научном мире возможность изучить среднеазиатское басмачество на его близнеце, с одинаковым политическим генофондом, афганском движении сопротивления.

Глава 2. НОВЫЕ РУБЕЖИ СОВЕТОЛОГИИ - ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ И БАСМАЧЕСТВО

2.1. Новые подходы без новых идей

Вторжение советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. и разразившийся вслед за этим афганский конфликт, ставший крупной мировой проблемой, дал новый толчок к исследованию басмаческой проблемы в западной советологии. Западные стратеги проявили огромный интерес к басмачеству как методу вооруженной борьбы против иноземных захватчиков в специфических условиях Афганистана, условия которого были близки к среднеазиатским. Для них это было великолепной возможностью нанести первое крупное военное поражение коммунизму и Советскому Союзу в Азии и тем самым развенчать военную неуязвимость Советского государства и претензии коммунизма на роль освободителя азиатских народов. С другой стороны, история впервые предоставила Западу возможность попытаться воскресить второе издание басмаческого движения на территории бывшего Советского Союза и тем самым поставить его перед стратегическими трудностями и лишить его ведущих азиатских позиций.

Раскрывая тайные замыслы западных стратегов, американский журнал "Ньюсуик" в декабре 1991 г. писал, что моджахеды рассматривают взятие Кабула лишь как первый шаг. Следующим, по мнению руководителей афганского сопротивления будет "исламское движение в Кашмире, Советской Средней Азии, Китае и по всему миру"¹. Но журнал считает, что главной целью моджахедов является Советский Союз. Война, по мнению журнала, уже разливается над границами советской Средней Азии, через границу перебрасываются коран и

¹ Newsweek, December 9, 1991, p. 29

оружие, а в лагерях моджахедов проходят подготовку сотни представителей среднеазиатских республик. "Исламские экстремисты избрали Афганистан, как свой военный лагерь", - говорят представители моджахедов", они создаст совершенную армию для сваливания любой правительственной системы - и они уже пытаются это делать". Наилучшим местом использования этой армии, по мнению журнала, является Ферганская долина, где имеется своя история повстанческого движения, явно подразумевая басмаческое движение.

В этих условиях взрыв интереса к истории басмаческого движения совершенно естественен. В отличие от предыдущих лет западные исследователи стремились к более глубокому изучению басмаческого движения в Средней Азии, его истоков, его сильных и слабых сторон, его результатов. Это вынуждало, естественно, привлечь новые материалы, несколько отойти от прокурорских заключений и главное ответить на вопрос - почему же басмаческое движение в Средней Азии не добилось успеха и потерпело поражение? Беспристрастное и объективное рассмотрение басмачества в Средней Азии дало бы западным стратегам извлечь необходимые уроки и попытаться довести басмаческое движение в Афганистане до победного конца. Моджахеды победили в длительной, беспощадной и жестокой войне и вступили в Кабул. Они добились того, чего не удалось достигнуть их предшественникам в Средней Азии. Не игнорируя и не преуменьшая заслуги самих моджахедов, их стойкость, храбрость и безграничную преданность свободе, что всегда отличало афганский народ, следует вместе с тем отметить, что в успехе моджахедов немалая заслуга и западных советологов, которые, могли успешно ответить на главный вопрос - почему басмачи в Средней Азии потерпели поражение и каких ошибок следует избегать руководителям афганских басмачей.

Новая волна литературы по басмаческому движению на Западе выдвинула новое поколение исследователей, которые внесли довольно значительный вклад в изучение истории басмаческого движения. Были опубликованы ряд обстоятельных работ, расширен диапазон охвата исследований, большой интерес был проявлен к отдельным выдающимся лидерам басмаческого движения, проведен дифференцированный анализ региональных особенностей басмаческого движения. Правда, необходимо при этом заметить, что каких-либо качественных изменений в советологии в отношении в целом басмаческого движения не произошло несмотря на огромный количественный скачок в использовании дополнительного и подчас весьма важного материала, который может во многом изменить наши представления о проблеме басмачества.

На этой волне отразился прежде всего дух коммерциализации, который охватил всю западную литературу. Басмачество и Афганистан стали чуть ли не самыми актуальными и злободневными проблемами и западные исследователи энергично начали как бы вновь ее осваивать. В этой общей афганско-басмаческой золотой лихорадке перемешались либеральные и консервативные концепции, когда советологи с довольно солидной репутацией либералов и гарвардцев начали путать свои позиции либералов, которые еще недавно вызвали у них гордость с консервативными, которые еще недавно вызвали у них иронию. Ныне все перемешалось, но значительно выдвинулась вперед проблема антирусского характера басмаческого движения, которая еще недавно была приоритетной в консервативном направлении. Русская карта была наиболее доступной и понятной и поэтому каждый автор стремился разыграть ее как можно более эффективно.

Наиболее обстоятельной работой по басмачеству, вышедшей в "афганский" период, является монография профессора университета Нью-Йорк Сити колледж известного советолога, Майкла Ривкина, вышедшей в Нью-Йорке в 1982 г. под названием "Мусульманский вызов Москве"¹. Он расценивает басмаческое движение как "подлинно национально-освободительное движение" похожим по характеру на национально-освободительные выступления народов Азии и Африки, прокатившихся на этих континентах после второй мировой войны. Потомки басмачей, продолжает, по его мнению, борьбу своих предков против "русских" и стоят в Афганистане на передовой линии этой борьбы и это ко многому обязывает Запад. Путь басмаческого движения, пишет М.Ривкин, был сложным, сначала он стартовал как бандитизм, перерос в национально-освободительное движение, а затем вновь вернулось к своим истокам. По мнению М.Ривкина, именно его средняя, основная часть подвергалась основательной фальсификации в советской литературе и требует восстановления исторической правды.

М.Ривкин дает развернутую концепцию басмачества в Средней Азии, которая представляет значительный интерес для историков Республики Узбекистан. Этимологически слово басмач означает бандит, разбойник. Оно было не ново в Средней Азии и было широко известно еще до революции. Басмачи грабили караваны на больших дорогах и особенно усердствовали в смутные времена.

Правительство Кокандской автономии, первое мусульманское правительство Средней Азии, опираясь на поддержку одного из самых известных басмачей - Иргаша. После разгрома Кокандской автономии некоторые ее лидеры бежали к басмачам, придав их деятельности в это время политическую и идеологическую окраску. Басма-

¹M. Rywkin Moscow's Muslim Challenge: Soviet Central Asia. New York - London 1982.

ческое движение первоначально организовывалось вокруг этих лидеров и в связи с этим получило сходство с аналогичным движением в Алжире против Французов в 1950 г., где термин *Феллаха* был использован в смысле "бандит", хотя на самом деле означал патриота, ведущего борьбу за свободу и независимость своей родины от Французского колониализма.

М.Ривкин считает главными предпосылками возникновения басмаческого движения разгром Кокандской автономии и последующие беззакония и произвол со стороны Советской власти, вызвавшие волну борьбы за независимость, а также экономический кризис в Ферганской долине и последовавшим за ним голодом.

Первая фаза в развитии басмаческого движения началась в феврале 1918 г. сразу же после ликвидации Кокандского автономного правительства и продолжалась до сентября 1920 г. до взятия советскими войсками Бухары. Деятельность басмачей ограничивалась главным образом Ферганской долиной и больше походила на уголовные преступления, чем на борьбу за свободу и независимость родины. Но басмачам сыграли на руку ошибки, допущенные Ташкентским Советом. Произвол и беззаконие, чинимые Красной Армией, бесчисленные реквизиции со стороны властей вызвали взрыв возмущения и подорвали веру в Советы. От своих привязанностей и симпатий к Советам отступились даже многие должностные лица Советской власти из коренных национальностей. Один из них начальник милиции в г.Маргелане, Мадаминбек, стал выдающимся басмаческим лидером и соперником Иргаша. В ноябре 1918 г. его отряд вместе с отрядом его союзника курбаши Холходжи атаковали деревни русских поселенцев в Ферганской долине. Местные русские поселенцы, стремясь защитить себя от басмаческого разбоя, стали создавать собственную армию, которая официально была признана со стороны

командования Красной Армии. Однако, новая ошибка властей периода военного коммунизма, попытка осуществления непопулярного закона о зерновой монополии государства, привела к объединению русской повстанческой армии и басмачей. Попытка разоружить русских поселенцев лишь укрепила их союз с басмаческими отрядами.

Повстанческая армия требовала отмены государственной зерновой монополии, ликвидации революционных трибуналов и установления гражданских прав. Мадаминбек поддержал эти требования и соединился с русской повстанческой армией. Совместными усилиями смешанная армия в сентябре 1919 г. захватила г.Ош, где было создано Временное правительство во главе с Мадаминбеком, военным комиссаром и заместителем Мадаминбека был назначен командующий повстанческой армией Константин Монстров. Объединенные мусульманско-русские вооруженные силы, по мнению М.Ривкина, казалось, могли сделать многое. Вскоре вся военная картина изменилась. В Туркестан прибыли советские войска, возглавляемые М.Фрунзе. Советский режим в Ташкенте не был больше в изоляции от остальной Советской России. В Фергану были посланы свежие советские силы и к концу сентября они взяли несколько городов, которые ранее находились в руках повстанцев. В течение этого времени отношения между русскими поселенцами и басмачами стали ухудшаться. В январе 1920 г. Монстров и его люди сдались Красной Армии. Естественным политическим решением было послать Татарские Красные Бригады для борьбы с басмачами. Позднее начало сдаваться еще большее количество: 2600 в январе, 3000 в феврале. Там было до 4 февраля. В середине марта Мадамин капитулировал. Только один из наиболее крупных лидеров басмачества оставался на поле боя — это был Курширмат. Басмаческое восстание похоже было закончено. Бывшие басмаческие объединения были трансформированы в "совет-

ских басмачей", объединенных в первой узбекской кавалерийской бригаде.

Вторая часть басмаческого движения началась непосредственно после военных акций в отношении Хивы и Бухары. В апреле 1920 г. была провозглашена Народная республика Хорезм. В сентябре того же года эмир бухарский бежал в Душанбе, а в Бухаре была установлена Народная республика Бухары. Хотя эмир был не в состоянии оставаться в Душанбе и вынужден был бежать в Афганистан (март 1921 г.) все же его устранение только усилило национальное сопротивление. Мулла Абдул Каххар был назначен эмиром главного сопротивления в Бухаре. Советские попытки заставить слиться оставшиеся силы басмачей путем переговоров также потерпели неудачу. Взятие Бухары Советами возмутило все коренное население всей Средней Азии. Акция русских по ревизии продовольствия, а также несвоевременная мобилизация в армию (лето 1920 г.) мусульман явилась результатом того, что массы отвернулись от советов, а басмаческие силы начали расти, в это же время мусульманская Красная Армия оказалась очень ненадежной. Был отдан приказ о разоружении Первой Узбекской кавалерийской бригады. Результат был очень мрачным. Бригада за исключением нескольких отрядов присоединилась к басмачам. Под руководством местного лидера Курширмата басмаческие силы возрастали. Этот отряд состоял из 6000 человек, которые прекрасно знали местность и имея эффективную разведывательную службу, пользовался поддержкой среди местного населения. В случае поражения они могли исчезать в селах. В результате вся Ферганская долина оказалась под их контролем. Советы доминировали только в главных городах и на железных дорогах.

22 февраля 1921 г. представители командующего Зиновьева, проводившего антибасмаческие операции в Фергане, встретились с

басмаческими представителями, но попытка добиться их капитуляции провалилась. В апреле ситуация временно улучшилась. Басмаческий лидер Джанибек перешел на сторону большевиков. Из его последователей и из остатков Первой Узбекской кавалерии был создан полк из лиц коренной национальности. В Хиве местная Коммунистическая партия становилась все больше националистической. Во все возрастающей междоусобице между узбеками и туркменами, Кошмамелхан, поддерживающий местные Советы, был расстрелян. В результате начались серьезные трудности между туркменскими предводителями и узбекскими национал-коммунистами, которые были у власти.

Турккомиссия в Ташкенте и Куйбышев в Бухаре не могли больше терпеть подобного рода состояния государственных дел. В январе 1921 г. по приказу Куйбышева в Хиву прибыла большая группа партийных деятелей. Политическое управление Советской Хивинской Красной Армии брало на себя ответственность за партийную работу в Хиве, занимая место националистического центрального комитета. В конце концов в ночь на 14 марта 1921 г. Младое Хивинское правительство было смещено. Его члены бежали в пустыню и присоединились к своему бывшему врагу Джунаид-хану. Советы посадили теперь новое, более послушное Хивинское правительство. Партийная чистка продолжалась. Из 2000 членов партии только 60 были оставлены их партийные билеты. Республика была переименована в "Советскую республику". Это было важнейшим шагом на пути к полной интеграции Хивы.

В результате Хивинского путча усилилось мусульманское сопротивление Советам в Бухаре. Гиссарская долина теперь стала новым очагом басмаческого восстания. Ибрагим-бек член местного узбекского племени, организовывал основные басмаческие силы.

Новые басмаческие лидеры выросли как в Талджикских горах, так и в Ферганской долине (Рахман Датхо, Хал Ходжа, Нурмат Пли и др.). Мусульманское националистическое восстание распространилось по всей Средней Азии. Некоторые русские государственные деятели были очень раздражены крайне медленным процессом советизации и все набирающим силы басмаческим восстанием в Бухаре. Они начали комбинировать с перестановкой лидеров в народной республике, привлекая более податливых людей. Сайфулла Ходжаев, глава Бухарского правительства и один из бывших джадидов все еще находящихся на стороне Советской власти, предупреждал советскую Турккомиссию. "Мы знаем, что упрямство с нашей стороны и силовые меры с вашей будут фатальными и с очень нежелательными последствиями как для вас, так и для нас. Мы не желаем больше силовых переворотов, так как ясно видим, что после повторения подосного эксперимента Бухара будет превращена в пустыню разрушений".

Москва приняла во внимание это заявление и сконцентрировала свои намерения на военном умиротворении басмаческих повстанцев, опираясь в то же время на политическую поддержку настоящих бухарских лидеров. Советы приняли крутые шаги по отношению остановки распространения восстания. Каменев, главнокомандующий Красной Армии, прибыл в Среднюю Азию, чтобы начать кампанию против басмачей. В 1922 г. чрезвычайно диктаторская комиссия по делам восточной Бухары, с неограниченной властью в этом районе, установила народное правительство Бухары, которое оставалось у власти вплоть до 28 мая 1924 г. В это же время центральный комитет Коммунистической партии в Москве организовал специальную комиссию в составе Сталина (народного комиссара по национальностям), Чичерина (нарком иностранных дел) и Куйбышев, который прибыл из Средней Азии изучить материалы, подготовленные Туркестанской комиссией

относительно Бухары. Комиссия действовала быстро. В феврале Бухарская коммунистическая партия была взята под контроль русской коммунистической партии. Все антибасмаческие операции в Бухаре, в Фергане и повсюду в Туркестане были объединены. Валидов был уже изгнан из Бухары.

Национальный коммунизм был тем не менее все еще очень силен среди младохивинцев и младобухарцев. Новое организованное марионеточное правительство Народной республики Бухары разрывалось между устранением феодального режима эмира Бухарского и националистическими вождениями о наибольшей независимости от России. В это же самое время Энвер Паша, один из лидеров уже несуществующего правительства младотурков в Турции, по подстрекательству Москвы был послан в Бухару. Приемный сын послед него султана¹, генерал армии, революционер, искатель приключений и вдобавок ко всему оппортунист, он прибыл туда в ноябре 1921 г. Изучив на месте ситуацию, он вскоре решает изменить Советам. Энвер добирается до эмира и назначается главнокомандующим действующими басмаческими силами. Это было время, когда им сопутствовал ветер удачи. В феврале бывший младобухарец Усман Ходжа, глава правительства Бухарской народной республики, прибыл в Душанбе с отрядом в 600 человек. Крайне неудовлетворенный проводимой Советами политикой, он заключил договор с басмачами и взял город, сокрушая советский гарнизон. Бухарские народные комиссары (военных и внутренних дел) также перешли на сторону басмачей. Уже в декабре 1921 г. басмачи достигли силы в 20000 человек и рост их объяснялся еще и тем, что они получали поддержку от местного населения. Мусульманская националистическая агитация распространялась даже в Ташкенте. В декабре Советами был арестован нелегаль-

¹ Ошибка, он был зятем султана - Н.Х.

ный комитет мусульманского национального объединения, действующий в Ташкенте с февраля и возглавляемый ташкентским муфтием.

Борьба между басмачами и советскими русскими войсками была борьбой не между коммунистами и антикоммунистами, как в России, это была борьба между русскими и мусульманами. Басмачи, несмотря на кратковременный оппортунистический альянс с антикоммунистическими русскими группами, были настоящим мусульманским Туркестанским движением. Советские войска, сражавшиеся с басмачами, были войска метрополии, состоящие в основном из русской национальности (с некоторыми украинскими и татарскими элементами). Коренных туркестанских солдат было очень немного, их пропорция была намного меньше, чем количество мусульман, сражавшихся в составе французских войск в Алжире. Узбеков насчитывалось меньше чем 5 процентов в 1927 г., в то же время количество киргизов, туркменов и других национальностей вместе взятых было и того меньше. Даже это маленькое количество было достигнуто путем чрезвычайных попыток, сделанных в 1926 г. для создания Туркестанской армии из коренного населения. С 1920 г. по 1926 г. в течение решающих годов восстания процент коренных бойцов Красной Армии в Туркестане был очень низок.

В течение весны 1922 г. восстание достигло своего наивысшего момента. Правительство народной республики Бухары после устранения Джаман Ходжи возглавлял Файзулла Ходжаев, бывший джадид, который принимал участие в операции Колесова против Бухары в 1918 г. Также его возглавлял Абдулхамид Арифов, национальный коммунист, который также не желал продолжения борьбы против басмачей и настойчиво требовал окончательного решения. Ситуация становилась все более опасной для Советов с тех пор, как они столкнулись лицом к лицу со все возрастающими басмаческими си-

лами и националистическими тенденциями среди мусульманских коммунистов. Марionеточное бухарское правительство было вынуждено позвать русскую военную поддержку.

В феврале сильные басмаческие объединения под командованием Муллы Абдул Каххара начали восстание недалеко от Бухары, которое подвергало опасности город. Оказавшись перед лицом возрастающей опасности, Советы решили предпринять решительные шаги. В восточной Бухаре были сформированы специальные антибасмаческие силы в составе пехотной и двух кавалерийских бригад. Также были задействованы вспомогательные силы и силы Бухарской народной республики. В мае Среднеазиатское Бюро ЦК Российской коммунистической партии объединили усилия коммунистических партий Туркестана, Бухары и Хивы. Видный коммунистический лидер грузинского происхождения Серго Орджоникидзе прибыл в Бухару из Москвы и сделал строгий выговор нерешительной политике правительства Бухары. С.С.Каменев, главнокомандующий Красной Армии, координировал военные приготовления в этом районе. Вскоре советские войска стали двигаться против главных басмаческих сил Ибрагим-бека и Энвер-паши.

У басмачей не было согласия среди лидеров. Энвер Паша, который мечтал о мусульманской империи, называл себя главнокомандующим силами Ислама, приемным сыном Халифа и представителем Пророка. Ибрагимбек сильно ревновал экс-эмира к Энверу, так как эмир слишком уж рьяно выражал свою любовь к Энверу. И это сказалось в будущем на их расколе. Файзулла Максум, другой видный басмаческий деятель, следовал тем же курсом. В результате советские войска вновь взяли Душанбе и восстание было подавлено. 4 августа 1922 г. в небольшом бою был убит Энвер Паша. Новый командир Селим Паша собрал конференцию в Кабуле и добился доверия эми-

ра тем, что он был турком, а также другом Энвера Паши. Не признанный многими басмаческими лидерами и поняв полную безнадежность добиться успеха, он покончил жизнь самоубийством в реке Цяндж.

В результате борьбы между киргизским и узбекским соединениями басмачей в Ферганской долине, басмаческое движение начало ослабевать. В нескольких случаях лидер киргизского басмачества Муэтдин соблюдал нейтралитет во время советских акций против узбекского басмачества. В ноябре главный лидер басмачей в этом районе Курширмат покинул Фергану и ушел в Афганистан, оставляя руководство своему киргизскому сопернику Муэтдину. Эта попытка объединить враждующие басмаческие группировки провалилась. Новая борьба началась между Муэтдином и узбекским лидером Исроилом, который был недоволен существующим положением дел. В январе 1922 г. Курширмат вернулся вновь из Афганистана и постарался соединить движение, но вновь он потерял поражение. В июле Муэтдин был разгромлен советскими войсками, после чего киргизские группировки оставались одни на поле боя. Курширмат вновь бежал в Афганистан. В это время количество басмачей упало до 2000.

Советские власти в конце концов поняли, что военные меры должны быть соединены с политическими и экономическими.

26 мая Ташкент временно восстановил религиозные суды казиев в Ферганской долине и возвратил земли, которые в прошлом принадлежали мусульманским религиозным институтам. В это же самое время были введены половинчатые налоги в Фергане и продовольственные поставки были посланы в этот район. Либеральные инструкции новой экономической политики, которые были введены впервые летом 1922 г. и так долго ожидаемая земельно-водная реформа, начали приносить свои плоды. Крестьяне устали от этой бесконеч-

ной борьбы и их руки соскучились по работе. В одной только Ферганской долине басмачи потеряли свыше 3500 человек. Один из наиболее упорных басмаческих лидеров Рахманкул был пойман и расстрелян. Вдобавок, отношения между киргизами и узбеками не улучшались. Предложения об амнистии прельщали многих. В июле Каменев, просматривая советские военные силы, докладывал, что басмаческое движение в Фергане должно быть скоро уничтожено.

После смерти Энвера и Селима Паши, Ибрагим бек был вновь восстановлен в своих высших позициях среди басмачей в Таджикистане. Но было слишком поздно. Басмаческие войска страдали от тяжелых потерь. Их лидеры, несмотря на верховенство Ибрагим бека, были все еще разрозненны. На бухарской территории в Матчинских горах было уничтожено сильное басмаческое укрепление, это была одна из главных задач советских войск. В июле глава Среднеазиатского бюро ЦК русской коммунистической партии Я. Рудзутак посетил Бухару и дал указания о дальнейшей интенсификации антибасмаческих операций. Басмаческое движение в Самарканде и Бухаре близилось к полному уничтожению. Только в пустынной области Хорезма басмачи все еще были значительной боеспособной силой. В январе 1924 г. очень сильная группа под командованием Джунаид хана атаковала Хиву, но была разбита наголову. Это была последняя значительная операция басмачей в Средней Азии.

В 1925 г. Таджикистан — центр басмаческого восстания — лежал в руинах. Более 200000 жителей уже сбежало в Афганистан, покинув две трети орошаемых земель. В этом отношении Узбекистан был затронут меньше.

Ибрагим бек попытался вновь вернуться, но страна истекала

кровью и народ устал от продолжения уже явно напрасного сопротивления. Крестьяне хотели мира любой ценой. Из 57 групп с составом 1370 человек басмаческие войска сократились до 29 групп с составом 959 человек (весна 1926 г.). Давно назревшая земельная реформа была в конце концов произведена в Таджикистане в 1924 г. и начала давать продуктивные результаты, весьма благоприятные для советского режима. Коммунистическая партия создавала усиленный контроль в этом районе. После кампании 1926 г. советские власти в конце концов смогли расформировать некоторое количество войск, занимавшихся военными операциями. Многие из басмачей воспользовались удобной возможностью советской амнистии. Их лидеры Ибрагим бек, Курам бек и др. сбежали в Афганистан. В течение 1927 г. басмаческие силы в Таджикистане постоянно уменьшались, но некоторые маленькие банды все еще были активны, и басмаческий лидер Рахман все еще действовал вдоль границы.

В 1928 г. Джунаидхан был направлен в Афганистан. В Таджикистане новый глава Таджикского Советского государства сумел убедить крестьян вернуться на свои земли. Из 200 тыс. крестьян вернулись из Афганистана лишь 33 тыс. Остальное доделала русская кавалерия, которая раздавила остатки басмаческих соединений в сельской местности. Казалось, конец басмаческому движению, но оно оказалось необычно живучим. В 1929 г. оно вновь стало оживать в результате насильственной коллективизации, проводимой советскими властями.

В июне 1931 г. Ибрагимбек был пойман, но остатки басмаческих групп, превратившиеся в разрозненные бандитские шайки продолжали существовать до 1933 г. После многих лет сложной и кровавой борьбы, все следы военного сопротивления в Средней Азии были уничтожены. Местное население в конце концов подчинилось и сми-

рилось и долгожданный мир был установлен в Средней Азии.

М.Ривкин наиболее полно в советологии исследовал басмаческое движение и его концепции является наиболее аргументированной и убедительной среди тех исследований, которые выходили на Западе. Разумеется, в таком сложном историческом явлении, как басмаческое движение, невозможно найти какую-то золотую середину, которая могла бы удовлетворить все требования исторической истины, но все же работа М.Ривкина привлекает последовательностью изложения широкого и разностороннего материала, его внутренней логикой. М.Ривкину удалось преодолеть антикоммунистические и антисоветские предрассудки и представить более или менее целостную картину басмаческого движения во всей его внутренней противоречивости, во всех недостатках и пороках.

Вместе с тем, его заклинило на другой крайности - преувеличении антирусской направленности басмаческого движения, выразившейся в смещении центра тяжести всего движения в область национального фактора за счет социального и политического. Главная линия борьбы, утверждает он, проходила не между коммунистами и антикоммунистами, а между русскими и мусульманами. Советские войска состояли из русских по национальности, а басмаческие отряды из коренных национальностей. По мнению М.Ривкина, именно это обстоятельство и определило живучесть басмаческих отрядов, их связь с местным населением.

Однако такая постановка, как было сказано выше, вызывает справедливые возражения. Уже то, что на первом этапе Мадаминбек действовал совместно с русской повстанческой армией и у Мадаминбека было много русских специалистов, которым он поверял, опровергает такое утверждение; во-вторых, в последующие годы большое число мусульман принимало участие уже в составе советских войск против басмачей и нет сомнения, что именно социальные

и политические интересы провели глубокую борозду между представителями коренных национальностей. Русофобия возможно и играла некоторую роль как раздражителя, но главной роли она не играла. Для таких широких народных движений, как басмачество, ксенофобия была бы слишком мелким раздражителем.

Однако соблазн преувеличить в басмаческом движении антирусский фактор и представить его как антирусский феномен, в многочисленном переплетении причин, приведших к взрыву национального движения, оказался слишком велик и работа М.Ривкина положила начало серии работ в этом направлении. В советологии обозначился отчетливый крен русофобии. Вслед за ним подобное объяснение басмаческого движения подхватил Гленда Фрэзер¹. Гиперболически преувеличивая антирусское содержание басмаческого движения, он стремится представить его как отражение перманентного качества среднеазиатского национального возрождения, начавшегося с завоеванием России. В его основе, по мнению Г.Фрэзер, был заложен "туркестанский национализм", ставший ведущей силой в борьбе против русского колониализма. Вражда к России и ко всему русскому являлась главным источником этого национализма, давшим начало басмаческому движению².

Все народные выступления конца XIX и начала XX вв., утверждает Г.Фрэзер, носили антирусский характер, а восстание 1916 г. приняло кроме того еще и характер расовой войны. В канун Октябрьской революции туркестанский национализм стал грозной и доминирующей силой в национальном движении и был направлен скорее против русских как нации, а не против их власти в политическом смысле. Октябрьская революция углубила туркестанский национализм, усилив его агрессивность и воинственность.

Г. P. Fraser — *Basachi*. САС. 1937, № 2

² Ibid.

Повторяя известную концепцию о русском характере пролетарской революции в Туркестане, Г.Фрэзер констатирует, что пролетарская революция в этом регионе была делом "чисто русским", для нее не было объективных условий и местное население в ней участия не принимало. В городах власть сохранялась за русскими, во многих Советах царские чиновники занимали руководящие посты и практически революция не устранила "русско-мусульманских противоречий", которые, по мнению автора, были главным фактором во внутренней политике Туркестана.

Это вызвало ответную реакцию местного населения. Народные массы, пишет Г.Фрэзер, были настроены решительно, они стремились уничтожить самих русских и их политическую власть. Туркестанский национализм расширил свое влияние, он становится теперь идеологией и политической платформой либерально настроенных буржуазно-националистических элементов, включая и прокоммунистически настроенные фракции, а также "возмущенные народные массы", настроенные крайне антирусски¹. Они требовали право автономного самоуправления и воплощением их стремления стала Кокандская автономия, которая была поддержана всеми мусульманскими группами как левыми, так и крайне правыми. Разгром Кокандской автономии Красной Армией, показавшим, что русские не собираются отдавать власть местному населению, вызвал мгновенную и спонтанную реакцию по всей Ферганской долине и привел к резкому росту враждебности мусульманского населения в отношении Советской власти. Во всех кишлаках появляются вооруженные отряды, а само слово басмач, до революции означавшее "разбойник", стало синонимом близкого каждому мусульманину слова "моджахед", т.е. борец за веру.

Думается, Г.Фрэзер допускает довольно приметное искажение действительности, концентрируя внимание на антирусской направлен-

¹ G. Fraser op.cit.

ности басмаческого движения. Здесь трудно допустить, что такое мощное движение как басмачи, могло быть инспирировано или вдохновлялось исключительно межнациональными или межрасовыми факторами. Не было в нем ни расизма, ни национального предубеждения в отношении русских. Да и материалы в работе самой Г.Фрэзер ставят под сомнение такую трактовку. На стр.30-32 она подчеркивает поддержку, оказанную "русской крестьянской армией" басмачам в борьбе против политики Ташкентского Совета. Этим объединенным силам удалось овладеть большей частью региона. Она указывает также на роль, сыгранную Осиповым в руководстве военными операциями отрядов Иргаша, а в 1920 г. по материалам ее работы представитель крестьянской армии Муханов принял командование объединенными "русско-мусльманскими силами", в которых состояло 620 русских повстанцев и 6,5 тысячи басмачей, причем, в этой армии были джигиты Иргаша, Мадаминбека и Халходжи. Если бы дело обстояло и вправду, как представляет Г.Фрэзер, т.е. если бы в основе басмаческого движения были антирусские ненависть и предубеждения, вряд ли это позволило бы объединению в одной армии русских и представителей местного населения. Кроме того, сам автор пишет также о создании объединенного временного правительства Ферганы, куда вошли Монстров, Муханов и Мадаминбек, что само по себе опровергает ее утверждение о националистических предубеждениях против русских.

Преувеличением является также попытка Г.Фрэзер подвести под басмаческое движение идеологическую основу в виде "туркестанского национализма". Такая идеология не могла возникнуть, т.к. не было практически возбудителей, носителей и создателей такой идеологии, которыми являются средний класс. Здесь не привилась ни пантюркистская идеология Гаспринского, который тщетно пытал-

ся насаждать ее в Бухаре, ни панисламистская идеология, проповедниками которой были большей частью странствующие дервиши накшбендиев, на которых смотрели больше с сожалением и любопытством, нежели рассматривали как призыв к единству на основе ислама. В Туркестане слишком сильны были еще племенные, родовые и местнические противоречия, которые ни пантюркизм, ни панисламизм не смогли преодолеть. Нет сомнения, если бы в действительности все обстояло бы так, как это представляет Г. Фрэзер, т.е. в действительности существовала единая идеология "туркестанского национализма", то весь исторический процесс в Туркестане пошел бы совсем по другому пути. Не вяжутся у Г. Фрэзера ее утверждения с собственными заявлениями. Так, на стр. 23 она констатирует, что "идеи пантюркизма, проповедуемые турецкими агентами, не возымели успеха среди басмачей" (стр. 23) и гибель Энвер паша символизировала крах надежд, возлагаемых на пантюркизм¹.

Ценность работы Г. Фрэзера не очень высока. С одной стороны, он не очень заботится о точности формулировок и данных, с другой стороны, в ряде случаев он просто фантазирует, чем напоминает западных журналистов и публицистов, которые зачастую научную точность и ясность приносят в жертву сенсационности и занимательности. Кроме того, будучи продуктом холодной войны, работа Фрэзера страдает ее издержками, когда трудно было удержаться от искушения как можно крепче ударить своего политического соперника.

Так, стремясь расширить масштабы военных действий под командованием Энвер-паша, он утверждает, что у него было 60 тыс. вооруженных и 225 тысяч невооруженных басмачей, хотя во всем

¹ G. Fraser op.cit.

Локае, который был главным полем действия пани, насчитывалось всего 25 тыс. жителей. Это явное искажение действительности.

Но все же "русская карта" оказалась недолговечной в современной постафганской советологии по басмаческому движению. Она встретила ряд аргументированных возражений со стороны серьезных исследователей. Среди них выделяется работа сотрудника Оксфордского университета Дж.Феллона, прикомандированного к Пешаварскому центру исследований Центральной Азии, специально для исследования басмаческого движения в Средней Азии. Он подверг тщательному исследованию документы, найденные им в Пакистане относительно басмаческого движения в Средней Азии и попытался изучить его, применив метод параллельного сопоставления. Работа вышла под названием: "Ответ национально-освободительного движения на юге Средней Азии. Параллели между восстанием басмачей и современными афганскими мятежниками" в 1983 г. в Пешаваре¹.

Он попытался вернуться к точке зрения Р.Пайпса и восстановить либеральное направление в советологии. Басмачество, по его мнению, явилось "взрывом", явившимся результатом перегибов "советского колониализма" и грубого диктата русского великодержавного шовинизма, вылившееся в настоящее "национально-освободительное движение". Оно имело, утверждает Дж.Феллон, "очень значительную поддержку местного населения" и растянулось на тринадцать лет. Впоследствии оно не достигло своих целей и было отвергнуто собственным народом.

Большевики, по его мнению, продолжали старую царскую колониальную политику и были носителями нового империализма, который пытался сохранить старую царскую империю в новой политической оболочке. Хотя Советское государство на словах и декларациях отказывалось от колониализма, на деле же оно продолжало граби-

¹ J. Fellone The Responce of NATIONAL liberation movement on the

тельскую политику царизма, утверждая, что берут отсюда нефть и хлопок не как "бывшие эксплуататоры", а как "старшие братья", несущие своим младшим братьям, угнетенным народам, "свет свободы и цивилизации". Воплощением этого "нового империализма" был Ташкентский Совет, который пытался утвердить на практике новый колониальный режим. Его деятельность была направлена на недопущение местных народов к управлению краем. Под предлогом "ненадежности" местного населения, его политической незрелости, отсутствия у него пролетарской прослойки, он занял резко враждебную позицию к любым попыткам местного населения требовать обещанного права на самоопределение и их казненного желания получить доступ к управлению краем.

В соответствии с такой позицией к гражданским правам местного населения и психологией русского колониализма Ташкентский Совет и Совнарком стремились в зародыше ликвидировать все проявления национального самосознания и попыток создать собственную национальную государственность. Пользуясь подавляющим военным превосходством, лидеры большевиков безжалостно разгромили Кокандскую автономию, которая была воплощением устремлений местных либералов и джадидов.

Будучи изгнанными из Коканда идеологи национально-освободительного движения обратились за помощью к басмачам, которые теперь становились носителями "национальной" идеологии, защитниками национальных прав местного населения, а само басмаческое движение трансформировалось в национальное движение. Дж.Феллон приводит новые подробности разгрома Коканда. Около четырех дней, утверждает он, красноармейцы "грабили город", мечети и гробницы были разрушены, библиотеки сожжены, запасы продовольствия отобраны. Вооруженные формирования, поддерживавшие кокандс-

кое правительство, были частью разоружены, а частью стали основой басмаческого движения.

Отмечая сходство национальных движений в Средней Азии и Афганистане, Дж.Феллон подчеркивает их общий корень — агрессия и интервенция советских войск. Как советская агрессия в Туркестане спровоцировала басмаческое движение, так и современная русская интервенция в Афганистане, пишет он, пробудило исламское народное восстание. В поддержку этого положения он указывает на схожесть судеб Бухары и афганского конфликта. В обоих случаях главным действующим лицом была Красная Армия, которая вторгалась на территорию суверенного и независимого государства, попирая нормы международного права и взаимные договоры. В том и другом случаях сначала происходила революция "прогрессивных" элементов, которые призывали на помощь советские войска для утверждения своих режимов. В обоих случаях результатом было полное отчуждение от своего народа за приглашение илоземцев и "национальное" восстание против них.

Связующей силой национальных движений в обоих случаях были "национализм" и ислам, которые способствовали объединению мусульман, преодолеть внутренние разногласия и создать сплошное поле борьбы против советских войск и собственных политических противников. Но эти силы оказались неспособными до конца преодолеть фракционность, племенную вражду, разногласия между либеральными и консервативными элементами и ни в Бухаре, ни в Афганистане не удалось достичь полного объединения антисоветских сил. Отсутствие сильного централизованного руководства, по мнению Дж.Феллона было причиной поражения басмаческого движения в Бухаре и разобщенности среди повстанческих сил в Афганистане. Девять соперничающих групп, писал Дж.Феллон, ведут борьбу за

J. Fellone op.cit. p.9

лидерство, между ними существует острое соперничество за роль гегемона, ссоры происходят зачастую по проблемам, затрагивающим племенные проблемы.

Другой важной причиной, ослабившей басмаческое движение, явилось, по мнению Дж.Феллона, отсутствие иностранной помощи. Это, считает он, является одной из важнейших слагаемых успеха повстанческого движения. Басмачи Туркестана получали убежище на территории Афганистана, здесь они могли отдохнуть и привести себя в порядок, в ряде случаев афганские власти оказывали им помощь деньгами и вооружением. Эта помощь предоставлялась даже после заключения в 1921 г. советско-афганского договора о дружбе, в особенности в период деятельности Энвер паша, но широко-масштабной помощи среднеазиатские басмачи из-за рубежа так и не получили. Дж.Феллон выражал твердую уверенность, что эффективность национального движения в Афганистане будет зависеть только от масштабов западной помощи.

Ряд работ, вышедших в постафганский период, отличаются стремлением разыграть исламскую карту. В поисках более убедительных аргументов в пользу басмачества, западные советологи пытаются широко использовать ислам как связующей идеологической линии и как общей почвы, объединившей столь разные по характеру группы людей. и столь разные по уровню развития области. Ряд авторов пытаются явно модернизировать басмаческое движение, стремясь подтянуть его до уровня современного исламского фундаментализма, пытаются представить басмачей как предшественников современных моджахедов или борцов за ислам.

В этом отношении выделяется работа проф. Колгейтского университета Марты Олкотт, опубликованная в 1981 г. в журнале "Совет

I J. Fellone op.cit. p.13

стадий" под названием "Басмачи или восстание вольных людей". (Вольными людьми в Англии называли последователей Робина Гуда, народных мстителей, боровшихся против злоупотреблений короля, его сановников, за свободу народа).

Она привлекает внимание стремлением глубокого проникновения в суть этого исторического движения и дать ему глубокую и всестороннюю оценку, отходя от некоторых стереотипов и шаблонов, характерных для работ других советологов. В отличие от других западных авторов она тщательно изучила работы и советских современных авторов специализировавшихся на басмачестве и попыталась использовать не только их материалы, но и их выводы в своей собственной концепции.

Концепция М.Олкотт основана на трех фундаментальных положениях:

1. Оппозиция большевикам в Туркестане была самой "упрямой" из тех, с которыми советская власть сталкивалась где-либо;

2. широкий вооруженный конфликт между красными войсками и басмачами длился шесть лет, в котором басмачи имели поддержку фактически всех прослоек туркестанского общества;

3. советские власти оказались неспособными добиться победы над басмачами только вооруженной силой и оказались вынужденными изменить свою экономическую и социальную политику, чтобы добиться стабильного политического порядка в этом регионе.

Самым интересным, по мнению М.Олкотт, является не поражение их, а тот факт, что они продержались так долго и вплоть до конца 1920 г., они составляли довольно реальную угрозу Советской власти. Военное превосходство Красной Армии было бесспорным, она была хорошо вооружена: хорошо обучена и возглавлялась опыт-

ными командирами, тогда как большинство басмачей было вообще неграмотными, а их оружие было нестандартного качества. М.Олкотт главной причиной живучести басмачей считает в разнообразной природе басмаческого руководства, возможность получить большое число боевых сил, их преимущество в знании местности и, наконец, и самое важное – они обладали поддержкой фактически всех прослоек туркестанского общества.

Она отвергает утверждения, что басмачи были обычными разбойниками и бандитами. Первыми лидерами басмачей, пишет она, были люди, занимавшие в Кокандской автономии официальные посты. Многие являлись представителями скромных землевладельцев, а некоторые являлись представителями местной аристократии. Почти все получали религиозное образование, а многие были религиозными лидерами. Некоторые были из богатых землевладельческих родов и еще немногие являлись сыновьями влиятельных торговых семей. Даже племенные вожди, такие как Ибрагим бек и Джунаидхан, были грамотными и уважаемыми людьми, которые проявляли их гибкость, принимая в свои ряды как отъявленных пантюркистов, так и умеренных мусульманских реформаторов.

Экономический застой в Средней Азии, продолжает М.Олкотт, обеспечил безграничные источники бойцов. Басмаческие отряды набирались лично курбаши из безработных хлопкоробов и арендаторов (чайрикеров) в своих районах и в связи с этим практически вся борьба была ограничена между посевной и уборочной. Каждый командир имел отдельную территорию под своим полным контролем и занимался набором отрядов и их обеспечением продовольствием.

Набирали бойцов открыто в кишлаках, поселках и городах. Курбаши обязывались для новобранцев бесплатную пищу, оружие и лошадь. В басмаческих отрядах существовала широкая вариация в ор-

ганизации, обеспечении и подготовке — от плохо организованных отрядов до хорошо дисциплинированных войск.

Каждый курбани обеспечивал своих бойцов реквизицией продовольствия и установлением налогов на население своей территории и басмачи создали эффективную систему налогообложения и реквизиций, хотя советский режим не смог этого сделать. Хотя в ряде случаев и под угрозой, местное население в общем охотно разделяло с басмачами то, что имело, рассматривая басмаческие требования как плату за оказываемые услуги. В целом налоги оплачивались в натуре, но в больших и более или менее развитых областях басмачи получали деньгами и работали через остатки колониальной банковской системы.

Марта Олкотт обнаружила интересную деталь в поведении басмачей. В менее развитых областях была выработана специфическая форма обеспечения. Когда продовольствие кончалось, все отряды борцов "сдавались" красным и получали продовольствие с сохранением оружия, как условие сдачи, но как только созревал новый урожай, басмачи в массе сбегались и вновь образовывали прежние отряды. Эта интересная находка автора заставляет советских авторов вернуться к вопросу о мотивах перехода басмачей на сторону Советской власти, которую в советских работах представляли как принятие революции, разочарование в контрреволюции, росте сознательности под влиянием советской пропаганды.1)

Анализируя причины возникновения басмаческого движения, принимая и отвергая доводы в пользу различных версий проблемы, М.Олкотт приходит к твердому убеждению о том, что главной причиной басмачества являлся ислам. Она считает, что хотя ислам был базой, обеспечивавшей единство Туркестана, здесь было множе-

1) Marta Olcott op.cit. p.363

ство различных факторов внутри туркестанского общества, которые могли подорвать стабильность всякого независимого туркестанского правительства. Между городом и селом существовало острое противоречие из-за ограниченных ресурсов. Консервативные мусульмане, умеренные реформаторы и туркестанские социалисты имели свое собственное понимание туркестанских проблем и соответствующего пути их разрешения. Тем не менее, считает она, все элементы туркестанского общества были согласны в одном - Туркестан и Ислам бесспорно связаны воедино. Даже если и существовали различные толкования ислама, религия была фундаментальной частью национального самосознания туркестанцев. "Невозможно переоценить роль Ислама в генезисе и поддержке басмаческого сопротивления, - пишет она. - Роль религии в движении была признана, но принижена советскими властями из-за их стремления даже сегодня, освободить себя от обвинений во враждебном отношении к исламу. Басмачи верили в себя, как борцов священной войны, джихада, и те, кто отказывался от борьбы, рисковал быть осужденным религиозными трибуналами". (р.364).

М.Олкотт приводит многочисленные свидетельства, которые должны подтвердить ее концепцию. Борцы в Фергане называли себя "армией Ислама", а их лидер Иргаш был "Амир ал Мусулман", т.е. лидер истинных верующих". Различные курбаши называли себя сторонниками борьбы за "защиту шариата", "торжество ислама", "возвращение шариата", призывали бороться "во имя нашего основателя и пророка Мухаммеда, во имя шариата, чести и достоинства нации и религии". Это были, по мнению Олкотт, не только лозунги. Басмаческие лидеры, консервативные мусульмане, реформаторы в одинаковой степени верили, что они выполняли свою религиозную мис-

сию в борьбе против большевиков и их сторонников. Широкие массы туркестанских мусульман расценивали земельную реформу за счет вакуфов как антирелигиозную войну, которая была направлена на ликвидацию духовенства как "местной власти" и "судей" в разборе местных споров. Мусульманские реформаторы искали путь к сосуществованию религиозной и секулярной мысли, а не замены религии как социального краеугольного камня. Понятно поэтому, утверждает М.Олкотт, что басмачи расценивали советскую политику как атаку на религию. Консервативные мусульмане бесились из-за прямой атаки на традиционное общество, а умеренные, бывшие сами критиками традиционного общества, видели в советской атаке на ислам, как лишь первую стадию политики, направленной на постепенную эрозию первичности Ислама.

Нет сомнения, ислам играл значительную роль в басмаческом движении и факты говорят о его ведущей роли в некоторых районах басмаческих отрядов. В книге Шахобиддина Яссавий "Турские истины Туркестана" ("Туркистон аччик хакикатлари")¹ приводятся сведения, доказывающие это. Из 114 басмаческих отрядов 24 руководствовались лозунгом священной войны, джихада, или призывами "Ё шохид, ё гози" (Смерть за веру или борьба за веру), но все-таки джихад был основным лозунгом не всех, более того, он был ведущим кличем лишь 20% басмаческих отрядов и курбашей, т.е. меньшинства. Было бы утопией вообще думать, что ислам мог бы играть ведущую роль в национально-освободительном движении как в Средней Азии, так и в других странах вообще. В Турции, например, национально-освободительная борьба шла против насилия иностранного империализма под руководством военных, которые открыто говорили о своем намерении построить современное модернизирован-

¹ Эрк, 1992, № 5, 6-13 февраля.

ное секуляризованное общество. В Алжире после второй мировой войны в борьбе против французского колониализма никто не говорил о джихаде и ислам играл там незначительную роль в вооруженной борьбе. Как оружие политической борьбы враждующих группировок, ислам, видимо, в ряде случаев может сыграть решающую роль, но как знамя национально-освободительной войны вряд ли.

Возможно, в Средней Азии в ряде мест ислам и играл значительную роль в возникновении басмаческого движения, но эта роль могла быть лишь как одна в ряду других, как дополнение, как моральный стимул, как дополнительный импульс, но не как решающий фактор. Следует отметить также, что в Средней Азии роль ислама как политического фактора значительно упала в начале XX в. отчасти под влиянием растущего развития капиталистических отношений и в большей мере в связи с широким просветительским движением джадидов, которые в своих пьесах и произведениях нанесли значительный урон влиянию ислама, особенно среди интеллигенции и торговых прослоек.

М.Олкотт явно преувеличила роль ислама в басмаческом движении. В ее концепции ясно проглядывает стремление противопоставления Советского государства мусульманскому миру, культивировать враждебность, сложившуюся в их отношении в период гражданской войны. Как бы мы ни относились к бывшему СССР и КПСС, как бы отрицательно ни расценивались результаты 70-летнего господства коммунистической идеологии в Средней Азии, нельзя, тем не менее, огульно обвинять советские власти в разрушении ислама в целом. Стремление увековечить господство коммунизма определило и отношение руководства КПСС и Советского государства к мусульманству, закрепив в конституционном порядке "свободу совести", а созданием духовного управления мусульман Средней Азии в Ташкен-

те, поддержке открытия духовной академии в Бухаре и духовной семинарии в Ташкенте, подготовкой священнослужителей Каирском университете "Аль-Азхар", а также в Ливии и Иордании.

Помня об этом, нельзя не сказать, что басмачество сыграло историческую роль, заставив советское руководство изменить свое отношение к Исламу и пересмотреть свою первоначальную политику военного коммунизма, с его разграблением мечетей, преследованием служителей ислама, дискредитацией мусульманской церкви. Судьба Ислама в Средней Азии во многом напоминает его участь в Турции, когда его влияние упало не в результате полицейских преследований или политического террора, а под давлением глубоких изменений в экономическом и культурном развитии общества и секуляризации всей общественно-политической жизни. Здесь сформировался удивительный симбиоз из соединения ислама, национализма и коммунизма, который А.Беннингсон, профессор Чакагского университета, назвал "национал-коммунизмом", в котором мирно уживались эти три вида общественного сознания и политической мысли. Ислам прижился при коммунизме и хотя был оттеснен на второй план в общественной и политической жизни, тем не менее выжил и сохранился.

Неубедительной представляется и оценка М.Олкотт последствий басмаческого движения в Средней Азии. Правильно считая, что басмачество сыграло "критическую" роль в модернизации Средней Азии, она, тем не менее, думается, чрезмерно преувеличивает эту роль. Она утверждает, что басмачество обеспечило объединение "различных элементов среднеазиатского общества в усилиях разгромить общего врага и на основе этого действия был сформирован базис общего сознания"². Впервые, по ее мнению, туркестанцы начали понимать "свое политическое тождество", хотя и примитивное и частично при-

1 A. Benningsen, A. Siabush Muslim national-communism in the Soviet Union. Chicago 1979. p.6

2

Marta Gleott op.cit.p.365

давленное. В совместном сопротивлении люди начали понимать чувство общности и единой судьбы. Прежде они считали себя лишь мусульманами, размышляя масштабами отдельных городов или селений, теперь же у них сложилось чувство коллективного тождества. Восстание, утверждает М.Олкотт, привело к контактам всего населения Туркестана и все люди поняли, что они стремятся защищать то же самое. Впервые социальные различия стали менее важными и на первый план выдвинулись факторы, объединявшие: образ жизни, общий язык, обычай и, конечно, общая религия.

Если бы это было на самом деле так, то нетрудно представить, что басмачество опержало бы победу в борьбе с советской властью. Но ведь басмачество потерпело поражение именно потому, что не было единства в рядах движения. Одни отряды боролись против других, в самих отрядах складывались свои группировки, а с 1919 г. уже мусульмане стали создавать отряды Красной Армии и бороться против басмачей. А младобухарцы, младохивинцы, а руководство Туркеспублики во главе с Турар Рыскуловым, которых басмачи считали своими злейшими врагами? Разве не говорит это о несостоятельности утверждения, что социальные расхождения отступили перед религиозными факторами. Неужели и впрямь можно представить, что бедняки-чайрикеры, батраки, арендаторы вели одинокий образ жизни с крупными землевладельцами, купцами, ростовщиками, заводчиками, владельцами крупной недвижимости, верили в одни идеалы и жили по одним и тем же принципам? Нет никаких оснований утверждать, что ислам создавал единство, общность всех народов Средней Азии и был главной причиной возникновения басмаческого движения. Да и сама М.Олкотт в ряде мест опровергает собственную концепцию. На стр. 355, анализируя басмаческое движение в Хиве и Бухаре, она подчеркивает, что здесь восстания, возглавляемые племенными вождями,

начались как реакция против местных ханов, а уже потом обратились против советских интервентов. Следовательно, начиналось движение, как борьба мусульман против мусульман, тогда о каком же религиозном тождестве и общности сознания можно говорить¹?

На этой же странице она довольно подробно пишет о соединении отрядов Мадаминбека, отряда "Мусульманская народная армия", и Монстрова, командующим русской "Крестьянской армией". Было сформировано Ферганское Временное правительство, которое переименовало как Монстрова, так и Мадаминбека. Союз, пишет М.Олкотт, получил поддержку коммерсантов и городских жителей обеих национальностей². Здесь мы уже видим союз мусульман с немусульманами, что также нарушает главное положение концепции М.Олкотт и побуждает настаивать на том, что главной причиной басмаческого движения были в первую очередь социальные и политические факторы.

Хорошо понимая, что басмаческое движение само по себе было пестрым и калейдоскопичным и трудно его подводить под какой-то общий знаменатель, советологи стремятся расширить причины, породившие его. Совершенно очевидно также, что по мере накопления материала, увеличения массы источников, да и просто по мере изменения политической обстановки, будут нарушаться традиционные принципы мышления, рушиться устоявшиеся предрассудки и утверждаться новые, более обстоятельные и объективные нормы оценок и заключений в таких сложных исторических проблемах, как революция и национальные выступления.

Это уже видно на работе Мэри Броксан³.

Мэри Броксан, ставшая известным исследователем истории Средней Азии, благодаря совместным работам со своим отцом —

¹ M. Olcott op.cit. p. 355

² Ibid. p. 356

³ Mary Broxan Bashachi S.S., 1933, II I

Александром Леннингсеном, профессором Чикагского университета, и ныне являющаяся главным редактором журнала "Сентрал Эшмен Сёвей", пытается дать комбинированные причины возникновения басмаческого движения. По ее мнению басмаческое движение имело свои истоки еще в дореволюционной России и разгром Кокандской автономии не имел к нему прямого отношения. Басмачи, утверждает она, были среднеазиатскими "робингудами", промышлявшими на больших дорогах и пользовались симпатией народа. К политике они не имели отношения. Состав басмачей и их вождей был очень сложным и говорит о различных источниках. Среди курбаши были вожди племен (Джунаид хан и Ибрагим бек), аксакаль, старейшины сел (Мадамин бек) суфийские шейхи, особенно ясавийских шейхов, большое число суфиев из ордена Навибаншиев сражались под командованием Джунаид хана. Халходжа, которого Мэри Броксап считает самым смелым курбаши в Фергане, был ясавийским шейхом, суфийскими шейхами были также Ислам Курбаши и Малла Деккан.

Такая коллекция различных курбашей явилась результатом различных побужительных мотивов выступлений басмаческих отрядов. Первым был антирусский фактор. Они хотели, по мнению М.Броксап, изгнать русских, как городских, так и сельских поселенцев, в которых они одновременно видели неверных (кяфиров), колонизаторов и богатых угнетателей. Вместе с тем, вторым был фактор внутренний социальный, политический. Они стремились защитить традиционный образ жизни, которому угрожали прежде всего джаиды и если с русскими басмачи еще могли идти на компромисс (Монстров, уральские казаки в Хиве), то с джаидами этот компромисс был исключен. Наконец, ряд племенных и родовых вождей руководствовались лояльностью к своим прежним правителям (Джунаидхан защищал хивинского хана, а Ибрагимбек эмира Сайид Алимхана).

Как утверждает М.Броксап, басмачи не имели определенной

идеологии, а также политической программы. Политическая независимость не была их конечной целью, панисламистские мечты и пантюркистские идеалы их не интересовали, призывы Энвера паши к единому тюркскому миру были вне их понимания. Кроме того, М.Броксап обращает внимание на важный фактор, что у басмачей не было ясной идеи и вообще ясности относительно их национальной принадлежности и в связи с этим следует исключить и "пантюркестанское сознание" в качестве ведущей силы, поднявшей басмачей на борьбу.

Определяя причины всплески басмачества, М.Броксап приходит к заключению, что суть борьбы заключалась в попытке сельской общины, разрушенной экономически, сохранить свои традиционные духовные ценности и свой образ жизни. Не было басмаческое движение, по ее мнению, ни подлинным освободительным движением, ни войной против иностранных захватчиков, ни священной войной — джихад. Масштабы борьбы и ее характер приобрели общенациональный характер главным образом из-за культа насилия и жестокости, проявленной Ташкентским советом и Турксобнаркомом в 1918 г. в отношении местного населения.

Местное население было исключено под предлогом отсутствия у него пролетарских элементов, а Колесов часто говорил: "Нельзя принимать мусульман в руководящие органы революционной власти". М.Броксап дает подробный анализ действительности политики Ташкентского совета в 1917-1918 г. и делает вывод: "Совет не имел ни идеологической, ни политической платформы и не проявлял никакого интереса к революционным делам, его члены были воинствующими носителями идей "военного коммунизма" и в своей политике в отношении мусульманского населения исходили из простой формы — бей первым. Его недоверие к местному населению проявилось в отказе объединиться со своими мусульманскими единомышленниками и привлечении

на воинскую службу представителей местного населения. Благодаря своей грубости и жестокости Ташкентский совет оттолкнул от себя и многих русских крестьян, которые составили армию Констрова, а также русских солдат, о чем свидетельствует осиповский мятеж. Практически именно жестокости Ташкентского Совета, как утверждает М.Броксап, превратили басмачей в массовое народное движение и заставили их ответить жестокостью на жестокость.

М.Броксап обращает внимание на то, что как только Турккомиссия устранила негативные действия Турксовнаркома и Ташкентского совета, ситуация быстро изменилась и местное население уже приняло участие в борьбе против басмачества. Мусульманские бойцы, по ее мнению, составляли треть Красной Армии и сражались они со страстным чувством разбить врагов, с огромным революционным энтузиазмом и фанатичной верой в революцию. Многие представители местного населения вступили в Коммунистическую партию и служили политическими комиссарами в Красной Армии, проводя таким образом огромную политическую работу среди местного населения. Политический компромисс дал отличные результаты и теперь мусульмане сражались против мусульман. Советы убедили часть мусульман. Советы убедили часть мусульман, что война была не религиозной или освободительной, а классовой, направленной против эмира, собственных реакционеров.

Несомненно, работа М.Броксап является наиболее реалистичной и объективной среди всех работ западных советологов. В ее работе ощущается неудовлетворенность западными работами по данной проблеме и стремление повысить ее до высокого научного уровня. "Все западные работы о басмачах, — пишет она, — поверхностны и склонны к упрощению"¹. М.Броксап сделала довольно успешную попытку отойти от стереотипов западной литературы и найти свой путь, который,

¹ М. Броксап op.cit.p.17

на наш взгляд, представляется наиболее свободным от предрассудков холодной войны и политической конфронтации на мировой арене двух систем.

Важным вопросом в современной западной советологии является причина поражения басмачества и связанный с этим вопрос - а имело ли басмачество шансы на победу или существование. На этот счет в советологии нет расхождений и практически все авторы отвечают отрицательно. Правда, причины приводятся разные, но, видимо, наиболее характерным является идея, высказанная Г.Фрэзером. Он пытается рассмотреть этот вопрос в ракурсе изучения причин исчезновения басмачества. Советы, пишет Г.Фрэзер, смогли обеспечить безопасность для дехкан, отказав таким образом басмачам в праве на существование. Они смогли обеспечить поставки хлопка, являвшегося наиболее благоприятной для выращивания культурой региона, тогда как басмачи стремились отговорить дехкан от возделывания хлопчатника. Время было на стороне русских, которые установив порядок в Туркестане путем силы, выглядели носителями доброжелательности и защитниками интересов крестьян, утверждения порядка, связанных с управлением, торговлей и общей модернизацией. Басмачи сопротивлялись этому процессу и выглядели врагами народа. С этим нельзя не согласиться.

§ 2. Поиск новых аргументов - героизация басмаческого движения

Таким образом вопрос о неизбежности поражения басмаческого движения в западной советологии решен однозначно и на этот счет других мнений в настоящее время нет. Но западные авторы пытаются окрасить впечатление от такого безнадежного заключения, которое могло бы удручающе подействовать на другие народы Азии, да и на народы Средней Азии тоже, и найти выход, т.е. найти такие аргу-

менты, которые могли бы придать басмаческому движению позитивную окраску и оправдать его перед судом истории.

Одним из наиболее широко используемых в этих целях средств является персонализация басмаческого движения, выражающаяся в попытке перенести центр тяжести борьбы от эпопеи всего басмачества к эпопее личности. Советологи из абстрактной массы басмачей пытаются вычленив выдающиеся личности, которые могли бы придать героические и романтические черты всему движению и тем самым в будущем воздвигнуть им пьедестал почета среди выдающихся исторических личностей Средней Азии. Такой героизацией лидеров басмаческого движения западные советологи стремились продемонстрировать дух непокорности народов Средней Азии, заставив увидеть в них олицетворение собственного мужества и волю в борьбе с чудовищным режимом.

Немаловажное значение в поисках таких аргументов имела борьба афганского народа против советской интервенции. Работы западных советологов должны были дать афганским моджехедам возможность разобраться что к чему, объективно оценить собственные возможности в борьбе с советской военной мощью, и, главное, найти таких полевых командиров и общенациональных вождей, в которых могли бы воплотиться Ибрагимбек и Неру и которые могли бы организовать общенациональную войну и победоносно завершить борьбу против интервенции.

Каждое революционное или крупное общественное движение носило на себе печать характера и мировоззрения его лидеров, и в свою очередь каждое такое движение выдвигало своих лидеров и накладывало на их действия свой характер, уровень культуры, свои морально-нравственные ценности. Для того, чтобы дискредитировать басмаческое движение в советской литературе, был определен и утвер-

хден стандартный облик лидеров басмачей. Это был ублюдок, политический бандит и террорист, разбойник, мародер и вор, насильник и враг народа. Было наложено строжайшее табу на всякие сведения позитивного характера о курбашах, их ближайших сторонников и соратников и бдительная цензура зорко следила за тем, чтобы такого рода сведения не просочились в печать. Это была уже своего рода война с призраком басмачества. В результате советский народ так до сих пор и не знает толком, что же из себя представляли предводители басмаческого движения.

Между тем, западные авторы уже давно оценили огромные потенциальные возможности басмаческих "полевых командиров" и вели тщательное изучение их деятельности. В западных архивах и библиотеках аккумулировались воспоминания, мемуары, отдельные рассказы курбашей о своих боевых действиях против Советской власти¹. Уже в 1931 г. в лондонском журнале Эшэтик Ревью появилась первая статья о Ибрагимбеке. Джейхун-бай Ханжи Бейл, турецкий журналист, сделал обзор советской печати относительно поимки Ибрагимбека и высказал мысль, что тень его еще вернется в Среднюю Азию и предлагал глубоко изучить его методы борьбы, образ мышления и вообще всю его деятельность². С тех пор выдающиеся деятели басмаческого движения — Мадаминбек, Ибрагимбек и Энвер-паша заняли почетное место во всех работах западных авторов, посвященных гражданской войне в Средней Азии.

Наиболее популярными в работах западных советологов стали две самые колоритные и известные личности в басмаческом движении — Ибрагимбек и Энвер-паша. Наиболее полная современная за-

¹ Большое число таких воспоминаний и материалов находятся в архиве Бахметьева Колумбийского университета и гьюеровском институте войны, мира и революции Стэнфордского университета.

²

The Asiatic Review, 1931, XLVp. II, 392, pp. 602-602

падная оценка деятельности и личности Ибрагимбека представлена в статье американского профессора В.С.Риттера, опубликованная в журнале "Совет studies" под названием "Заключительная стадия ликвидации антисоветского сопротивления в Таджикистане: Ибрагимбек и басмачи. 1924-1931 гг"¹.

Давая характеристику басмаческого движения и анализируя причины, приведшие к его возникновению, В.С.Райтер считает его основной причиной сопротивления со стороны коренного населения утверждению Советской власти в Средней Азии. Он называет его "исламским" течением, которое выступило против непривычных для них новых перемен, принесенными новыми властями. По мнению В.С. Риттера своего пика басмаческое движение достигает в период 1921-1922 гг., когда Энвер паша стремился превратить локальное сопротивление советской власти в общенациональное объединенное освободительное движение. Гибель Энвер паша была огромной потерей для басмаческого движения, вместе с ним погибла и мечта о едином движении. Это дало, как указывает В.С.Риттер, многим историкам утверждать, что Энвер паша был последней фазой в басмаческом движении и с его гибелью завершается все движение в целом. Однако, по его мнению, такая постановка вопроса ошибочна, т.к. в Таджикистане остался еще один крупный центр борьбы, возглавляемый локайским шейхом Ибрагим беком. Он боролся против Советской власти отчаянно вплоть до 1931 г. и его исследование показывает, что это было возрожденным басмаческим движением, представлявшим высшую фазу борьбы туркестанского народа против Советской власти, которая в плане организации и интенсивности борьбы не уступала периоду, возглавлявшейся Энвером пашой. Это был новый виток басмаческого движения, вдохновение которому придавала интернационали-

1

W.S.Ritter

Ibrahimbek and Basmachis. 1924-1931 Soviet Studies
1935, N 4

зация его, выразившаяся в прямом вмешательстве Афганистана в басмаческое движение и поддержке вооруженной борьбы Ибрагимбека против Советской власти.

Личность Ибрагимбека, по заключению В.С.Риттера, напоминала Нестора Махно на Украине и Александра Антонова на тамбовщине. Это была вооруженная борьба против Советской власти выдающихся по своим личным качествам деятелей, которые смогли сплотить вокруг себя ещипромышленников и последователей. За ним шли представители собственного племени — локайцев, которых насчитывалось около 43 тыс. человек. Из них он создал военное формирование в составе 200 курбашей и 5 тыс. джигитов. Он объявил себя защитником ислама и благодаря этому он нашел себе поддержку у наиболее консервативной части мусульманского духовенства. Это расширило его социальную базу и он превратился в достаточно серьезную силу, бросив вызов советским властям, которые расценили его как серьезную угрозу своему господству.

Советские власти провели широкомасштабные операции по его ликвидации и нанесли ему ряд чувствительных ударов, в результате которых он потерял 117 курбашей и 1565 джигитов. Но Ибрагимбек нашел новый источник поддержки у 200 тыс. беженцев из Средней Азии, разместившихся в северных провинциях Афганистана. Он перенес сюда свои основные базы, откуда он мог совершать отдельные налеты на города и деревни, стремясь дестабилизировать обстановку в Советском Союзе.

Ибрагимбек полностью реорганизовал басмаческую структуру, установив жесткий централизованный контроль над действиями отдельных курбашей. Это дало возможность Ибрагимбеку повисить дисциплину, взять под учет все запасы оружия и инвентаря, получить точные данные о реальном количестве людей и лошадей. Специальный отряд

басмачей на территории Узбекистана и Таджикистана должен был провести эти меры, а также заняться сбором дани у населения. Так как население не всегда добровольно давало басмачам требуемое продовольствие и деньги, то дело кончалось шумными разборками, приводившими к расстрелам местного населения.

В отряде Ибрагимбека влились и ветераны басмаческого движения Ферганы, Самарканда и Туркестана. Введены были военные ранги и единообразная униформа и решены проблемы организации тыла, которые ранее были самой уязвимой частью басмаческих формирований. Но на все это нужны были большие средства и Ибрагимбек обложил новой данью сельские районы советской территории. Это была роковая ошибка, т.к. это оттолкнуло местное население, которое и так страдало от поборов советских властей.

Советское командование удачно выбрав момент разочарования местного населения басмачами, а также периодом посевных работ, весной 1925 г. объявив предварительно об амнистии всем басмачам, которые добровольно сложат оружие, начало главную операцию по поимке Ибрагимбека. Быстро обнаружилось, что социальная база басмачества в бывшей Восточной Бухаре оказалась полорванной, а политическое доверие опустилось до самого низкого уровня. В результате бывшие сторонники Ибрагимбека, те, кто его когда-то поддерживал, предали и пошли добровольцами в ряды Красной Армии. Другие сложили оружие и вернулись к мирной жизни. С марта по сентябрь 1925 г. советские войска в центральном и южном Таджикистане взяли в плен 48 курбашей и 1423 джигита и в ноябре под командованием Ибрагимбека оставались лишь 23 курбаша и 412 джигитов. Ибрагимбек с горсткой верных сторонников бежал в северный Афганистан и затаился там.

Следующую вспышку активности басмаческого движения В.С.Риттер связывает с изменением ситуации в Афганистане и отношением

афганских правящих кругов к Ибрагимбеку. В ноябре 1926 г. на востоке Афганистана разразилось восстание против короля Амануллахана, возглавленное одним из лидеров таджикского населения Бачаи Сакао. Амануллахан был свергнут и Бачаи Сакао провозгласил себя правителем страны. Но в 1929 г. его в свою очередь сверг Наширшах, который и казнил его.

В период между 1926—1929 гг. для басмачей в Афганистане сложилась благоприятная ситуация. Эмир бухарский Сайид Алимхан сумел войти в доверие к Бачаи Сакао и добиться от него признания басмаческих организаций. Он дал басмаческим лидерам разрешение использовать северный Афганистан как базу для рейдов на советскую территорию и набирать джигитов из таджиков, узбеков и афганцев. Тем временем складывалась благоприятная обстановка и в республиках Средней Азии. Начатая в 1929 г. коллективизация, ввергла их население в голод, проявлялось открытое недовольство дехкан и городского населения. В киблаках начались открытые выступления против коллективизации.

Весной 1929 г., пишет Е.С.Риттер, эмир бухарский собрал в Кабуле всех курбашей, находившихся в эмиграции в Афганистане и сообщил о своем намерении создать огромный отряд басмачей с целью вторжения в Таджикистан и свержения там советской власти. В то же время соединения под руководством Курширмата и Файзуллы Максума должны были вернуться в Тарм и Фергану и отсюда поддержать Ибрагимбека. В марте 1929 г. Ибрагимбек перешел советско-афганскую границу с отрядом в 600 человек, оставив резерв и направив еще 400 чел. в Ханабад. Вооруженные соединения начали также формироваться в Рустаке, Таликане, Файзабаде и были установлены контакты еще с 12 курбашами, действовавшими с левого берега Вахша.

Советские власти были глубоко встревожены новой вспышкой

басмачества и решились на серьезные меры. Сюда был послан С.М. Буденный, который принял на себя командование всеми войсками Красной Армии. Предстоящая борьба должна была проходить в сложной и суровой местности Таджикистана, где горные хребты, обрывы и глубокие долины содействовали партизанской тактике басмачей. По всему Таджикистану была создана сеть из сотен тайных укрытий, домов родственников и друзей, которые должны были стать опорными пунктами мелких отрядов, быстро собирающихся для атаки и столь же быстро рассеивающихся как туман в этих многочисленных укрытиях.

С.М.Буденный противопоставил этой тактике тактику выжженной земли и создания военных зон с чрезвычайным положением. Как указывает В.С.Риттер, было арестовано в зонах и депортировано свыше 27 тыс. жителей по подозрению в содружестве с басмачами. В течение операций, проводимых Красной Армией, были разрушены и сожжены города Андижан, Маргелан, Наманган и Душанбе, кроме того было уничтожено свыше 1200 кишлаков с целью полного уничтожения всех опорных баз басмачей. Эта тактика принесла успех С.М. Буденному в Ферганской долине и Курширмат был разгромлен быстро, но Файзулла Максум добрался до Гарма и захватил его.

Успех сопутствовал и Ибрагимбеку, который удерживал полосу шириной в 200 км на советской территории, местные коммунисты здесь были перебиты, а колхозы распущены. Основной причиной успеха Ибрагимбека В.С.Риттер считает существование баз в северном Афганистане и постоянная поддержка материальная оттуда. Для советского командования стало ясно, что эти базы являются главным препятствием в разгроме басмачей и стали разрабатывать планы их разгрома.

В Ташкенте военными была разработана программа действий,

которая сводилась к следующему. В Кабуле необходимо было организовать коммунистическую партию, которая объявила бы о военном перевороте, установлении там советской власти. Новая власть должна была бы обратиться за помощью к Советскому Союзу для борьбы против возможности британской интервенции. Советский Союз, разумеется, оказал бы такую помощь и оккупировал бы весь Афганистан. В соответствии с этим планом весной 1929 г. все советские воздушные силы Туркестанского военного округа были переброшены в Таджикистан, где они ожидали условного сигнала.

Были сконцентрированы также интервенционистские силы в количестве 1.200 чел., переодетые в афганскую военную форму. В апреле 1929 г. этот отряд вторгся на территорию Афганистана, захватил Мазари Шериф, однако их остановили афганские войска и действовавшие совместно с ними местные соединения басмачей, базировавшиеся в северном Афганистане. В июне 1930 г. советские войска вновь вторгнутся на территорию Афганистана, но вновь были выворены из страны.

Новый правитель Афганистана Надиршах решил урегулировать отношения с Советским Союзом и с этой целью, как жест к примирению, решил умиротворить басмачей в Северном Афганистане. В декабре 1930 г., посланный королем генерал Махмуд вступил в мятежный район и начал операции против басмачей, но безуспешно. Басмачи имели преимущество в знании местности, местное население поголовно поддержало их. Видя бесплодность борьбы, генерал Махмуд предложил Ибрагимбеку амнистию и предложил также всем басмаческим отрядам вступить в афганскую армию. Ибрагимбек отверг и это предложение и в свою очередь, не желая растрачивать свои силы, он решается на отчаянную попытку прорваться в Таджикистан, чтобы начать новый этап борьбы с Советской властью. В первой

неделе апреля 1931 г. он врывается на территорию Таджикистана с отрядом в 800 чел. Он уже устал от борьбы, конфликт с афганским генералом подточил его последние силы и он решил испытать последний шанс.

Ибрагимбек появляется теперь на территории Таджикистана под лозунгом священной войны - джихад. Недовольные коллективизацией и голодом 1931 г. и возбужденные религиозными муллами басмаческой ориентации, дехкане севера и юга Таджикистана поддержали Ибрагимбека. Но вскоре наступило разочарование. Джихад оказался лишь прикрытием. Ибрагимбек начал осуществлять широкомасштабную программу массового террора, предавая публичной казни заподозренных в соотруничестве с советскими властями, взрывая продовольственные склады, лишая население последних продовольственных запасов, разрушая колхозные здания и инвентарь и государственные фермы, уничтожая железнодорожные линии. Обещанные перемены выразились лишь в восстановлении старых эмировских феодальных порядков и возрождении родоплеменных традиций управления.

В.С.Раттер подчеркивает, что дехкане приходили в ужас от новоявленных освободителей и вскоре между Ибрагимбеком и местным населением наступило полное отчуждение. Националистические лозунги не срабатывали, дехкане покидали его отряд, силы его таяли с каждым днем и наступил день, когда Ибрагимбек вынужден был спасаться бегством с двумя спутниками. Перейти в Афганистан ему не удалось, т.к. 31 июня 1931 г. он был схвачен, отправлен в Ташкент и здесь казнен.

Но даже если бы ему и удалось прорваться в Афганистан, здесь его, видимо, ждал бы тот же конец, т.к. за неделю до его захвата в Кабуле 24 июня 1931 г. был подписан советско-афганский договор о нейтралитете и ненападении, который предусматривал взаимное не-

вмешательство в дела друг друга, недопущение существования на территории одной из договаривающихся сторон вооруженных отрядов, а также организаций враждебных другой стороне. Тем самым Афганистан принимал на себя обязательство ликвидировать все басмаческие отряды на территории своей и не допускать их образования в будущем. Организованное басмачество теперь было практически сокрушено, т.к. оказалось, что без зарубежной поддержки и зарубежных баз оно неминуемо обречено на гибель.

Заключая свое исследование об Ибрагимбеке, В.С.Риттер подчеркивает, что его движение было основано на родоплеменной сплоченности, родовых связях. Но этот фактор оказался способным выдвинуть талантливых и упрямых лидеров, которые в течение длительного времени могли беспокоить советскую власть и где-то даже терзать ее, но противопоставить ей что-либо позитивное не мог. Масштабы мышления подобных лидеров, боровшихся против Советской власти, как Нестор Махью и Александр Антонов, не позволяли им выйти за рамки местных узких локальных интересов и не могли составить концептуальных программ создания современного национального государства. В зависимости от обстоятельств они могли существовать довольно длительное время, но противостоять новому государству, новому образу жизни и новой социально-политической и экономической системе они не могли. В этом состояла историческая обреченность этих личностей. Ибрагимбек был храбрым воином, талантливым руководителем горных партизан, но дело его было консервативным и было бесперспективным. Так заключает В.С.Риттер свое исследование о Ибрагимбеке и трудно с ним не согласиться¹.

Другой фигурой, привлекающей наибольший интерес в исторической литературе является, несомненно, Энвер паша. В советской

¹ В.С.Риттер *op.cit.* p.493

исторической литературе сложилась стандартная формулировка деятельности Энвер паша: генерал турецкой армии, один из идеологов панисламизма и пантюркизма, командовал в первой мировой войне вооруженными силами Турции. После поражения бежал в Германию, где стал агентом английской разведки и был послан ею в Советскую Россию для подрывной деятельности. Осенью 1921 г. уехал в Туркестан. Выдавая себя сторонником Советской власти, создал подпольный "комитет национального объединения" из буржуазных националистов и реакционного духовенства и установил связи с басмачами. Затем перебежал открыто к басмачам и стал во главе их соединений. Получая оружие от англичан, пытался поднять массы на борьбу против Советской власти. В начале 1922 г. захватил Душанбе и организовал поход на Бухару, но был разбит частями Красной Армии. 4 августа 1922 г. убит в бою¹.

Вердикт в отношении оценки Энвер паша был категорическим и однозначным и ни один из советских авторов никогда не ставил его под сомнение и эта оценка кочевала из одной работы в другую и стала одним из самых живучих стереотипов в советской исторической литературе. Все документы от Энвер паша были в распоряжении ИЦ и ни один из историков не получил (и не получил до сих пор) в свои руки ни одного из них для того, чтобы раскрыть эту ложь на длинных ногах и с продолжительной жизнью.

Западные авторы в этом отношении оказались явно в гораздо более выгодном положении, т.к. в их распоряжении были практически все необходимые материалы для более реалистичной оценки деятельности Энвер паша. Впервые подробное исследование деятельности Энвер паша в качестве предводителя басмаческого движения в Бухаре провел Р.Пайпс, который в своей известной работе "Формирование Советского Союза", посвятил ему отдельную главу².

¹ См. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М. 1987, гл. ред. С.С.Хромов, стр.687.

² R.Pipes op.cit.p.

Р.Пайпс отошел от соблазнительного на первый взгляд пути приписать Энвер паше пантюркистские взгляды и изобразить его деятельность как борьбу за пантюркизм. Он определенно выразил мнение, что этот неомненно одаренный человек, обладающий личной храбростью и обаянием турецкий генерал, был к тому же склонен к мании величия, нацелен был чувством личных амбиций и во всем искал прежде всего путь к личной славе и карьере, но политических программ или концепций у него не было. Р.Пайпс подчеркивает, что Энвер паша в Бухаре в 1921 г. стоял перед дилеммой — встать на сторону Советов или присоединиться к басмачам. Благо-разумие подсказывало ему выбрать первое, т.е. начать борьбу за Советскую власть, причем и известный башкирский национальный деятель Зеки Белизи Тоган в Бухаре советовал ему сделать это, но он выбрал другой путь, он присоединился к басмачам, т.к. считал, что здесь ему будет сопутствовать большая слава как предводителя мятежников. Энверу казалось, пишет Р.Пайпс, что для успеха басмаческого движения требуется популярная личность, которая смогла бы преодолеть разобщенность среди басмачей и такую личность он видел лишь в себе, а пантюркистская идеология позволила ему создать цементирующую силу для преодоления межплеменной разобщенности среди басмаческих повстанцев.

Но опасность, по мнению Р.Пайпса, поджидала Энвер пашу совсем в другом месте, он не учел ожесточенной борьбы между консервативно мыслящими бухарскими правителями и басмачами, которые их поддерживали и орудием которых они являлись, с одной стороны, и либерально мыслящими элитами, которые хотели перемен и не хотели возвращения эмира со всеми его архаическими феодальными атрибутами.¹⁾ Он стал жертвой этой подспузной борьбы, т.к. не хотел порывать ни с теми, ни с другими, а в то же время в матери-

¹ R. Pipes op.cit. p.

альном отношении зависел от тех и других.

Но в советологии явно прослеживается и другая тенденция в оценке роли Энвер паши в басмаческом движении. Она явно грешит преувеличением этой роли и переоценкой вообще возможностей ту-рецкого генерала. Дж.Уиллер считает, что с прибытием Энвер паши в Бухару в 1921 г. связана целая фаза в басмаческом движении. Ему удалось собрать лучшие разрозненные силы басмачей под свое командование и нанести ряд ощутимых ударов по Красной Армии, но развить свой успех он не сумел, т.к. не смог преодолеть внутренних противоречий в басмаческом лагере¹.

Ряд западных исследователей пытается идеализировать личность Энвер паши, преувеличить его роль в политической жизни Средней Азии периода гражданской войны, наделить его личность чертами странствующего рыцаря, выступающего за справедливость и свободу угнетенных народов. Фрэнсер Гленда, английский исследователь истории Средней Азии периода революции, утверждает, что движущей силой борьбы против большевиков в Бухаре была "трудная коалиция либеральных джадидов, консервативных мусульманских лидеров и независимых вождей горных племен, которых объединяло магическое имя Энвера"².

Продолжая эту линию, Марта Олкотт считает, что прибытие Энвер паши в Бухару 10 ноября 1921 г. привело к "оживлению и централизации" басмаческого мятежа. Энвер, по ее мнению, был "романтическим авантюристом", прибывший в Россию, чтобы "увидеть ленинскую философию в действии"³. В Бухару он был послан большевиками для обращения мусульман в большевистскую веру, но здесь он круто изменил свои планы и персоединился к басмачам. В них он увидел силу, которая могла бы осуществить его планы создания

¹ J. Wheeler The Modern History of Soviet Central Asia o.110
² G. Fraser op.cit. p.63
³ M. Olcott op.cit p.350

туркской конфедерации, в которую входили бы китайский Туркестан, Афганистан и Турция, а Туркестан был бы ее сердцевиной, ее ядром.

Если у Энвер паша и был такой план, то он представлялся не более чем авантюристическим бредом, т.к. Турция пошла по другому пути и там правил Мустафа Кемаль, личный и политический противник Энвер паша, Афганистан не является вообще туркской страной, а до китайского Туркестана было далеко и китайское правительство не допустило бы даже проникновения столь фантастических идей. Но М.Олкотт утверждает, что "магнетическая личность Энвера и его призыв к шихаду (священной войне) задела ответную струну среди туркестанских масс"¹ и призыв Энвера вызвал понимание и поддержку у них. Энвер усилил боевую силу басмачей, утверждает она. Он создал объединенную армию в Бухаре, ввел западный стиль командования и насытил ее ряды турецкими офицерами. Впервые появилась координация между различными силами сопротивления во всем Туркестане. Проводились регулярные встречи между лидерами Хивы, Бухары и Ферганы и были созданы пути снабжения по этому треугольнику. Он установил регулярные контакты с афганцами, которые обеспечивали басмачей оружием, снабжением и предоставляли убежища.

М.Олкотт заключает: "Если бы Энвер паша получил бы возможность продолжать свое дело, представляется возможным, что он мог бы опрокинуть большевистские планы Советского Туркестана. В июле 1922 г. была начата всеобщая кампания по его поимке и уничтожения и в середине августа 1922 г. Энвер и его личная охрана были ликвидированы"².

Как мы увидим далее, это преувеличенная возможность как личных качеств Энвер-паша, так и сложившихся объективных обстоя-

¹ M. Olcott op.cit.p.350

² Ibid.

тельство. Если он не смог в Турции, при его огромных возможностях командующего турецкой армией, добиться сколько-нибудь маломальских успехов в борьбе против русской армии на Кавказе, то как он мог в Бухаре одержать победу с кучкой вооруженных людей против регулярной Красной Армии; но если бы у Энвер-паши и появились бы какие-нибудь шансы на успех, то на его пути встала бы другая сила — Ибрагимбек, который соперничал с ним в популярности среди басмаческих командиров и добивался одинаковой благосклонности у эмира. Есть сведения, что Ибрагимбек слышал о шуме и стрельбе в соседнем Бозульджане и даже подозревал что там творится, но и шагу не сделал, чтобы помочь Энвер-паше¹. Они были соперниками и врагами. Шансов у Энвер-паши в Бухаре не было никаких. Он мог рассчитывать только на свои силы, а их у него было маловато, несмотря на его назначение эмиром главнокомандующим всеми силами Ислама.

Как показал опыт Афганистана, басмачество может успешно развиваться только при постоянно возрастающей и технически совершенной помощи извне при наличии постоянно действующих лагерей на территории соседнего государства, куда советская армия не посмела бы вторгнуться. Американцы привлекли на территорию Пакистана миллионы афганских беженцев благодаря, прежде всего, отлично организованному снабжению, обучению военному делу, куда афганцы бежали от голода, войны, преследований и пр. Иран организовал идейное обеспечение, наладив в лагерях для афганских беженцев постоянные и страстные проповеди мусульманских фундаменталистов. Каждый афганец мог найти здесь кров, еду, оружие, одежду западного покроя и др. У Энвер-паши всего этого не было, как и не было шансов на успех.

¹ Fitzroy Maclean A person from England v.1958 p.357

К тому же есть версия, что Энвер паша все это время работал на Германию и басмаческое движение для него было лишь удобным средством быть полезным для германской разведки. Известный английский специалист по Средней Азии и известный политический и государственный деятель Фиррой Маклин, в свое время убеждал, что никакого отношения к английской разведке он не имел, а наоборот, он был с самого начала на службе германского генерального штаба, который даже после поражения Германии в первой мировой войне, как известно, продолжал играть значительную роль во внешней политике Веймарской республики¹. По утверждению Маклина, Энвер паша был послан германским генеральным штабом в Россию для продолжения борьбы против Англии и установления таких связей, которые в будущем могли быть использованы в борьбе против Англии и превращении Туркестана в базу организации антианглийских акций. Маклин привел убедительные сведения о том, что работая в Берлине с 1908 по 1912 гг. турецким военным атташе, Энвер паша был завербован генералом Сектом, руководившим тогда разведывательной службой германского генштаба. При поддержке Секта он становится военным министром и втянул Турцию в войну на стороне Германии².

Как бы то ни было, одно не вызывает сомнения, это видно из фактов:

1) английским разведчиком, как это пытаются его представить советские историки, он не был и не мог быть. По английским законам он был военным преступником и подлежал немедленному аресту, попалось он к англичанам;

2) не был он никаким ни пантюркистом, ни панислаμισмом и не мог быть ими, т.к.: все турецкие высшие военные офицеры имели довольно секуляризованное образование, и, как показал опыт Кемали

¹ F. Maclean op.cit. p.343

² Ibid. p.340

Ататюрка, заботились главным образом о сохранении единства турецкого государства, а не осуществлении бредовых идей, которые им приписывали их политические противники. Пантюркизм и панисламизм были удобными ярлыками, которые были выдуманы Столыпиным для борьбы против национально-освободительного движения на окраинах царской империи и против требований гражданских свобод для мусульманских народов.

После поражения Германии в первой мировой войне Энвер паша пытается найти себе новое применение, но уже на службе Советской России. Была выдвинута идея совместной борьбы Турции и России против Англии. Энвер паша принял приглашение Москвы и, видимо, немаловажную роль в принятии этого приглашения сыграл опять-таки германский генеральный штаб, который хотя и подлежал роспуску на основании Версальского договора, но продолжал действовать. Во всяком случае, утверждает Маклин, все переговоры шли через генерала Кёстринга, офицера из штаба генерала Секта, хотя, правда, для видимости, инициатором их выступил представитель Коминтерна Карел Радек.

Генерал Сект предоставил в распоряжение Энвер-паша новый самолет Юнкерс, который доставил турецкого генерала в Москву. В Москве 24 августа 1929 г. он был принят В.И. Лениным, и, по словам Маклина, русское большевистское руководство поверило, что его можно использовать в собственных интересах, хотя Энвер-паша думал о переговорах и результатах совсем иначе. 26 августа он пишет секретное письмо своему покровителю генералу Секту: "Позавчера мы заключили русско-турецкий договор о дружбе; в соответствии с ним русские поддержат нас золотом и другими средствами"¹.

¹ Ibid. p.340

Он был переправлен в Бухару в октябре 1921 г., когда эмира уже здесь не было. Тем не менее он выпустил здесь прокламацию, объявляя о своем намерении создать новое мусульманское государство в Средней Азии, а себя провозглашал "эмиром Туркестана". Он велел приготовить золотую печать, которой он скреплял все свои официальные документы и на которой было написано: "Главкомандующий всеми армиями Ислама, зять халифа и представитель пророка".

Правительство владобухарцев делало вид, что не придает никакого значения деятельности Энвер-паши, но башкирский национальный лидер Беки Велиди Тоган, высланный в 1920 г. в Бухару за "националистическую деятельность", отговаривал его присоединяться к басмачам, утверждая, что у них нет перспектив, и советовал ехать прямо к эмиру в Кабул, где он мог бы собрать достаточно сил для борьбы против Советской власти. Тоган предупреждал его — как предводитель басмачей он потерпит поражение, т.к. они уже становятся непопулярными в народе и не пользуются той репутацией, которая у них была два года назад. В то же время как военный министр правительства в изгнании он стал бы полезен в будущем, когда начнется настоящая война против империализма и Советского государства. Мне будет жаль, — говорил он, — если вы напрасно растратите свои способности, энергию, а может и жизнь в бесполезной и бессмысленной борьбе¹.

Не послушался Энвер-паша мудрого совета и отправился к басмачам. Маклин пишет, что имя Энвер-паши и его громкие титулы особого внимания к нему не привлекли. Его идеи остались непонятными для басмачей, т.к. эти крестьяне жаждали одного — поскорее вернуться к земле, вспахать ее, начать сев. Басмаческие курбаши в то же время отнеслись к нему с подозрением, а Ибрагимбек, приняв его за большевистского агента, приказал взять его под стражу.

¹ Beki Velidi Togan Sugunkul Turkileri. Turkestan ve Yakini Tarihi
Istanbul 1931, b.435

до трех месяцев турецкий генерал просидел в тюрьме Ибрагим па и был выпущен только по получении письма эмира.

Некоторое время Энвер паша сопутствовал успех. Ему удавалось басмаческих отрядов и довести численность своих вооруженных до 17 тыс. чел. Он установил связи с полевыми командирами Ферганской долины и установил контакт с Джунаид-ханом. Но развить от успех ему не удалось. В июне 1922г. против него были развернуты значительные силы Красной Армии, которые загнали его в село Больд-ан. Самым примечательным было участие в наступлении на Энвер пашу степей бухарской Красной Армии, которые вместе с отрядами народных бровольцев и народной милиции начали наступление на резиденцию вера паши. Фиррой Макли рассказывает, что когда командование Красной Армии обнаружило местонахождение турецкого генерала, уничтожить его удалось делом нетрудным. Соседние басмаческие силы помощи ему не оказали. Одного эскадрона красных кавалеристов оказалось достаточно, чтобы разогнать его отряд. В самый разгар боя его джигиты обсыпали его. В бою сильным ударом сабли ему отсекли голову. Этот извод демонстрирует, что, видимо, в советологии значение Энвер паши басмаческом движении сильно преувеличено и думается было бы всякой его участие в гражданской войне выделять в отдельный этап басмаческого движения. Самы они этого не признавали.

Энвер паша не был носителем иде*. Его высшим идеалом были амбициозные устремления стать диктатором Турции, а в этом могла помочь только Германия, мысль о союзе с которой его никогда не покидала. Он получал от нее военную пенсию, а в Германии жила его влюбленная письма которой он хранил в полевой сумке. Не было у Энвера ни политической программы, ни политических идей для преобразования и освобождения Средней Азии. Не

Может он быть и идеологом пантюркизма и панисламизма, это было слишком сложно для него. Это был профессиональный военный авантюрист, выбравший стратегически проигранный путь жизни. Это была трагедия личной жизни человека, стремившегося быть одновременно военным, политиком и дипломатом, но потерпевшим поражение в том, другом и третьем. Трагедия басмаческого движения заключалась в том, что поднявшись как народное движение, оно затем оказалось в руках таких "героев", которые и способствовали его вырождению в антинародные вооруженные группы, пути которых с народами Средней Азии затем разошлись.

х х х

Анализ работ советологов по басмаческому движению наглядно показывает довольно широкую пестроту в оценках причин, развития, последствий этого движения. И все же при всем этом разнообразии необходимо относиться к ней как к одному направлению в исследовании этого огромного национального и социального движения, которое сыграло значительную роль в изменении национальной политики КПСС и Советского государства в Средней Азии. Жертвы, принесенные народами Средней Азии в борьбе против извращенного отношения к осуществлению национальной политики были не напрасны. Они заставили Советскую власть, хотя бы из тактических соображений, относиться с уважением к экономическим и социальным интересам народов и не унижать их достоинства.

ВЫВОД ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Материал, приведенный во второй главе, приводит к следующим выводам:

1. Интерес, проявляемый на Западе к басмаческой тематике, связан, главным образом, со стратегическими и политическими интересами западных государств. Это подтверждает тот факт, что именно афганские события стали сильным возбудителем новой волны литературы по басмаческому движению в Средней Азии. Речь ныне идет о более глубоком исследовании истоков басмачества, этапов его развития, выявления его особенностей в различных регионах, демонстрации его сильных и слабых сторон, с тем, чтобы учесть их при использовании басмаческого движения в борьбе против советских войск в Афганистане и нанесении поражения Советскому государству на Среднем Востоке.
2. Западные историки накопили огромный фактический материал, который дал им возможность представить широкую и развернутую картину генезиса и развития басмаческого движения в Средней Азии. Они реалистически оценивают масштабы размаха басмаческого движения, правильно представляют особенности структуры и его характера в различных регионах, причин его поражения. В этом отношении западные историки ушли далеко вперед от советских историков, которые находясь в плену догм и устаревших предрассудков и предубеждений, никак не могут по-новому взглянуть на басмачество и судить о нем с точки зрения современного нового мышления.
3. Одной из главных особенностей современной советологии является тенденция расширить круг исследуемых проблем, связанных с басмачеством. Значительный интерес проявляется к лидерам басмаческого движения, в которых западные историки пытаются

обнаружить многие особенности самого движения, остающиеся до сих пор нераскрытыми, а многие считающиеся до сих пор загадкой. В лидерах басмаческого движения западные историки пытаются найти ответ на очень важный вопрос – насколько перспективно вообще было басмаческое движение и имело ли оно какие-либо шансы на успех.

4. Вместе с тем необходимо констатировать сохранение конформизма и господства старых стереотипов и в западной советологии. Если есть известные достижения в сборе новых материалов и раскрытия новых страниц в истории басмаческого движения, то новых концепций или идей, которые говорили бы об отходе от старых стандартов мышления, в западной советологии до сих пор нет. По-прежнему в работах советологов господствует старая доктрина, что главным содержанием басмачества была антирусская направленность и вся борьба шла преимущественно на основе национальной, т.е. ненависти местного населения. Правда, в этом отношении и в западной литературе наблюдаются критические замечания на этот счет и есть попытки более широко рассмотреть эту проблему и перенести ее в область социально-политической борьбы и представить ее как часть общей социальной борьбы, но, таких выступлений, откровенно говоря, мало и не они определяют главное направление в современной советологии. Здесь попрежнему доминирует старые догматические спекуляции, что басмачество было выражением ненависти местного населения к русским и попыткой изгнать их отсюда, кем бы они ни были – будь то большевики, царские чиновники или русские капиталисты.

5. Расширение аргументов в пользу басмачества связано ныне с введением в работы западных советологов личностного фактора, т.е. персонализация басмаческого движения, попытка героизации басма-

чества. Однако, более глубокое исследование жизни и деятельности лидеров басмаческого движения показывает, что не было у них программ национальной борьбы, ни четких идей и целей. Их деятельность, как это видно из деятельности Ибрагимбека и Энвер-паша, сводилась главным образом к личностному моменту, удовлетворению личных амбиций. На их примере лишний раз подтверждается заключение, что у басмаческого движения не было ни широкой социальной базы, ни идейно-политических убеждений, которые могли бы превратить лидеров в подлинных вождей, а само движение во всенародное восстание.

ГЛАВА III

БАСМАЧЕСТВО: ПОЛИТИЧЕСКИЙ БАНДИТИЗМ ИЛИ БОРЬБА
ПРОТИВ ПОЛИТИЧЕСКОГО БАНДИТИЗМА§ I. Две революции в России. Великодержавный поворот
в национальной политике большевиков

Февральская революция в России всколыхнула огромную волну национально-освободительного движения в стране, вселив надежду на близкое избавление от царского режима и российского колониализма. В революции народы национальных окраин увидели новую демократическую Россию, которая отказывалась от старой России, превратившей страну в "тюрьму народов" и предоставляла им возможность для свободного и независимого развития. Это обусловило в период от февраля до октября 1917 г. параллельное развитие двух революционных тенденций — одну социальную, определявшую борьбу Советов и Временного правительства, создавшей политические предпосылки Октябрьской революции и которая шла под политическим руководством большевиков, другая же, развивающаяся стихийно, происходившая в основном на национальных окраинах, на территориях, населенных инородцами, требовавшая ликвидации самой империи и предоставления национальной свободы.

Национальные движения резко различались по своим политическим программам и по своим целям. Сказывалась разная степень развития национального сознания и политической подготовленности буржуазных прослоек. Финляндия требовала полного отделения и создания суверенного государства. То же самое требовал Временный Государственный Совет Польши, выдвинувший программу создания польского государства на принципах конституционной монархии, сильного центрального правительства и сильной армии, без которой

не мыслилась независимость государства.

Другая группа территорий требовали очень малого — автономии в составе будущего российского демократического государства. Украинская Центральная Рада, сформированная 4 марта 1917 г. в Киеве, выдвинула требование "автономии" Украины и создания "свободной федерации свободных народов". Все политические группы Украины поддержали это требование. Белорусская Национальная конференция 29 марта 1917 г., создавшая Белорусский Национальный комитет, представлявший широкий круг этнических и политических сил региона выдвинула требования создания "федеральной" демократической республики" на основе широкой национальной автономии для окраинных народов. Федеративную демократическую республику с разной степенью автономии или независимости в рамках будущего российского "демократического" государства требовали также прибалтийские народы. Представители кавказских народов в основном выражали надежду, что в будущей "российской демократической республике" им будут предоставлены широкие права внутреннего самоуправления.

Неожиданным для русской буржуазии и русских политических кругов оказался особенно широкий размах освободительного движения народов, числившихся в царской статистике, как "мусульманские". 15-17 марта 1917 г. в Петрограде мусульманская фракция в Думе и ряд "приглашенных" провели "мусульманскую конференцию", которая обратилась ко всем мусульманским народам созвать в Петрограде конгресс всех российских мусульман. Такой конгресс состоялся в Москве с I по II мая 1917 г., на котором были представлены практически все регионы бывшей царской империи с преобладающим мусульманским населением. Конгресс признал, что лучшей формой правления в будущей России, которая лучше всего за-

щитит интересы мусульманских народов, является "демократическая республика на национальных территориально-федеративных принципах" с предоставлением для национальностей, не имеющих определенной территории национально-культурной автономии¹.

Второй всероссийский мусульманский конгресс, прошедший в июле 1917 г. в Казани, принял решение о "полном национальном самоопределении" мусульманских народов, призвав приступить немедленно к практическому осуществлению этого, начав создавать учреждения по организации самоопределения. Съезд принял также решение о создании "мусульманской" армии и для практического решения этого вопроса создал Всероссийский Центральный Военный Совет (Шуро)².

Радикальным подходом к решению национального вопроса отличалась программа крымских татар. Они выступали за "демократическую федеративную республику", а в Учредительном собрании татарская демократия должна была требовать передачи всех земель в руки трудового народа. Объявляя о полной поддержке Временного правительства, программа требовала также о ликвидации "классовых привилегий", которые существовали для некоторых татар (мурзаки)³.

В июле 1917 г. в Оренбурге собрался второй съезд казахско-киргизского народа, на котором была сформирована национальная партия Алаш-Орда. Съезд заявил о поддержке требования превращения России в "демократическую федеративную республику" с предоставлением казахским областям автономии. Среди других требований были и требования с отчетливым социальным направлением - немедленно остановить изъятие земель у местного населения, отчужденные земли должны быть возвращены местному населению⁴.

¹ The Russian Provisional Government 1917. Documents, collected and edited by A. Broder and A. Zeninski. Stanford University 1961. v. I, p. 403

² **Далее:** Russian Provisional Government

³ Ibid. p. 411

⁴ Ibid. p. 415

⁴ Ibid. p. 416-417

В июле 1917 г. первый башкирский конгресс в Оренбурге также потребовал для башкирского народа "национальной и политической автономии".

Движение за национальную свободу приобрело значительный размах в Средней Азии. В крае появляются политические организации, которые хотя еще и далеки были от политических партий, но уже выработали свои уставы, программы, тактику борьбы. Наиболее влиятельными были созданная в марте 1917 г. "Щуро-и-Ислами", "Щуро-Уламо", выделившаяся из первой в марте 1917 г., партия туркских федералистов, младохивинцы в Хивинском ханстве и младобухарцы в Бухаре. Вместе с тем, большое влияние на развитие политических движений имели и джаиды, которые своими выступлениями как бы расчищали путь для проникновения новых идей в широкие массы средних слоев.

В апреле 1917 г. состоялся первый съезд мусульман Туркестана, где были представлены организации, находившиеся на территории туркестанского генерал-губернаторства. Из всех национальных движений на мусульманских территориях он был самым радикальным. Съезд постановил, что Совет рабочих и солдатских депутатов и народ должны контролировать работу Временного правительства, т.е. в двоевластии, отдав предпочтение Советам. Съезд поддержал требования о создании на месте бывшей царской империи демократическую республику на федеративных началах. Была выражена также солидарность и поддержка младобухарцев¹.

В сентябре 1917 г. состоялся съезд туркестанских и казахских мусульман, на котором было решено создать единую для всего Туркестана и Казахстана политическую партию под названием "Итти-фоки-муслимия" путем объединения всех прежних организаций. Съезд

¹ Russian Provisional Government, p.420

² (см. об этом подробнее Равшан Абдуллаев "Туркестанские прогрессисты и национальное движение", "Звезда Востока", 1992 г. № 1, стр.109)

выразил доверие Учредительному собранию, наивно полагая, что именно там удастся добиться полного изменения Российской империи.

Все области бывшего Туркестанского генерал-губернаторства, а именно Сырдарьинская, Самаркандская, Ферганская, Закаспийская области должны были войти в состав Российской республики в качестве "отдельной территориальной автономной федерации", организованной на началах национально-культурного самоопределения всех народностей, населяющих эти области, под наименованием "Туркестанской федеративной республики".

Законодательная власть по вопросам внутреннего управления Туркестанской федерацией и самоуправления ею должно принадлежать Туркестанскому парламенту, избираемому на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования сроком на пять лет, с обязательным пропорциональным представительством в нем всех народностей, населяющих федерацию. Для решения общегосударственных вопросов Туркестанский парламент должен был иметь своих представителей при Верховном правительстве Российской республики.

Законодательные функции Туркестанского парламента должны были быть согласованы с основными законами Российской республики и с требованиями шариата. Ни одна из национальных политических организаций не высказывалась за отделение от России, кроме младобухарцев, которые представляли будущее Бухары как независимое демократическое государство, поддерживающее дружеские отношения со своими соседями, в том числе и с Россией. Но сама автономия мыслилась в очень широком смысле, близко к конфедеративной структуре. Лидеры национальных движений, например, выдвигали предложения о праве Туркестанской федерации иметь свою таможену, казначейство, федеративный банк; заключать торгово-экономические до-

говору с сопредельными государствами и отдельными субъектами Российской республики, посылать своих представителей на различные международные форумы¹.

Факты свидетельствуют, что национальные политические организации пользовались широким влиянием среди представителей местных национальностей. Они использовали религиозные взгляды, быт, традиции, культурные связи, чтобы увлечь за собой широкие массы местного населения. Это очень важно для понимания событий, связанных с установлением и утверждением Советской власти в Средней Азии. Правда, было бы и преувеличением утверждать, что "национальные организации в тот период пользовались огромным авторитетом и влиянием на значительные слои коренного туркестанского населения"², но и преуменьшать это влияние также было искажением исторической правды. Это показали выборы в Ташкентскую городскую думу в июле 1917 г., когда из 112 главных, избранных на выборах, 75 представляли национальные политические организации, эсеры - 24, а социал-демократы всего 4. Как утверждает Р.Абдуллаев, "идентичная ситуация сложилась в итоге выборов и в другие городские думы Туркестана"³. Подводя итоги выборов в Ташкентскую думу, газета "Туркестанский курьер" писала: "все это было решено заранее и можно только удивляться той мощной и скрытой организационной силе, которая создавала в туземной стихии такие солидные устойчивые течения"⁴.

Законные требования национальных политических партий натолкнулись на неприступную стену российского великодержавного шовинизма, которым были пропитаны все без исключения российские партии от кадетов до большевиков. Любые попытки национальных партий добиться автономии расценивались ими как проявления се-

¹ Р.Абдуллаев, указ. работа, стр.110.

² Там же, стр.111.

³ Там же, стр.111.

⁴ Там же.

паратизма, буржуазного национализма, пантюркизма, панисламизма, направленных против России и ее целостности. Русская буржуазия продолжала воспринимать окраины как русские колонии, источник сырья, как дешевой рабочей силы и оплот несокрушимости российского государства, партии рабочего класса, во главу угла своей политики ставили прежде всего вопросы социальной борьбы за свержение власти русского капитала и отодвигали на второй план вопросы национальной независимости, рассматривая национальный вопрос, как подчиненный главному вопросу — захвата власти и призывая во имя этого к единству и забвению национальных противоречий.

Русская буржуазия выступила за "единую и неделимую Россию" и не допускала и речи о "каких-то" "автономных" и "федерациях". Такую же позицию заняло и Временное правительство, которое решительно отвергло все притязания народов национальных окраин добиться хотя бы мизерных уступок в своих требованиях национального самоуправления. Но если в европейской России Временное правительство еще соглашалось на переговоры о возможных вариантах, то в Туркестане оно действовало грубо, нагло и принятые им меры не оставляли никаких надежд на какие-то послабления колониального режима в крае и наглядно демонстрировало, что оно не собиралось отступать от порядков, установленных царскими властями. В некоторых же вопросах Временное правительство стремилось создать еще более жесткий режим, чем при царизме.

7 апреля 1917 г. Временное правительство учреждает Туркестанский комитет по управлению Туркестанским краем, в руки которого переходила практически неограниченная власть в трех областях туркестанского края (Самаркандской, Сырдарьинской и Ферганской), Закаспийской области, а также в Хиве и Бухаре, хотя при царизме

эти последние ханства формально сохраняли независимость. В свою очередь Туркестанский комитет продолжал расширять свои полномочия и функции, шаг за шагом устраняя все препятствия к установлению неограниченного колониального правления. 13 сентября 1917 г. он учреждает в Хиве пост комиссара "Временного правительства Российской державы", права которого мало чем отличались от губернатора провинциальной российской губернии. Он определял, как указывалось в постановлении Туркестанского комитета, всю внутреннюю политику Хивы на "всем пространстве хивинского ханства". Комиссар подчинялся Туркестанскому комитету, но назначался и увольнялся военным министром. Временное правительство и русская буржуазия выступили в открытую конфронтацию с национальным движением в Туркестане и готовились подавить любую попытку добиваться самоуправления.

Руководство Временного правительства не скрывало своих намерений и демонстрировало, что оно полно решимости принять решительные меры в целях сохранения целостности российской, куда, разумеется, относились и национальные окраины и их инородцами. На встрече с узбекской делегацией 24 августа 1917 г. А.Ф.Керенский предупредил: "Верю в вашу преданность нашей родине и не верю слухам, что в Туркестане готовятся волнения против России; но предупреждаю, если таковые где-нибудь бы произошли, будут приняты самые суровые меры"¹.

Национальная буржуазия и лидеры национальных организаций не решились идти на открытую конфронтацию и приняли более умеренные требования. Сентябрьский краевой съезд мусульман согласился с принятыми Временным правительством решениями о власти, но представил компромиссное требование, чтобы в Туркестанском комитете не

¹ Абдуллаев. Указ. работа, стр. 112.

менее половины общего числа членов представляли местное коренное население. Это был компромисс местной буржуазии с империалистической великодержавной российской, показывавшей непоследовательность, нерешительность национальной либеральной буржуазии. Она не решалась на борьбу, она предпочитала довольствоваться малым, боясь пробудить в массах собственного народа тот мятежный воинственный дух, который в 1916 г. вылился в восстание.

Национальная буржуазия, духовенство, либеральные политики в восстании участия не принимали, а по некоторым сведениям даже осудили его. Но соответствующие выводы были сделаны и сводились они к заключению выгодной сделки с российской буржуазией за спиной собственного народа, к утверждению классового альянса в ущерб национальному единению с собственным народом. В Финляндии национальные лидеры в полном единстве со своим народом требовали безоговорочного признания их полной независимости, здесь был национальный альянс, национальное единство, которое Временное правительство не могло сломить; в Польше национальное единство было основано на всеобщей ненависти к русскому царизму, переросшем в ненависть к России и ко всему русскому и не было сил здесь переломить это укоренившееся чувство, пока Польша была частью российской империи. Только свобода от России, только выход из России — была всеобщая воля польского народа.

В Туркестане национальная буржуазия выросла на русской почве, т.е. на почве русского капитализма — на торговле с Россией, на денежных операциях с русскими банками, в тесном союзе с русской промышленностью, она была частью российского капитала, а не собственного национального, которого еще не было. Конечно, этого не скажешь о Бухаре и Хиве, которые сохраняли, хотя и формальную, но независимость, и где первые побеги торгово-ростовщи-

ческого капитала тянулись к свободе и независимости и национальные партии — младобухарцы и младохивинцы играли гораздо более активную роль в национально-освободительном движении. Но и здесь национальная буржуазия ставила ограниченные задачи перед освободительным движением, сводившимся к достижению внутреннего самоуправления, права утверждать таможи, налоги, поземельные отношения и пр. Российская держава здесь также должна была присутствовать, но в виде гаранта привилегий национальной буржуазии.

Напрашивается закономерный вывод, что Временному правительству нетрудно было решать национальный вопрос в Туркестане, т.к. национальная буржуазия и национальные лидеры в основном поддерживали его, видя в нем своего естественного союзника и помощника в развитии здесь капиталистических отношений. Капиталистический путь развития представлялся здесь естественно-историческим процессом, который мог бы в тесном союзе с русским капиталом обеспечить на длительный исторический период процветание национальной экономики и национальной буржуазии. Необходимо отметить, что и марксисты не были противниками капитализма "вообще". В письме А.М.Горькому 3 января 1911 г. В.И.Ленин использовал выражение "демократический капитализм" и разъяснил, что в условиях восходящего развития капитализма рабочий класс борется не против капитализма, как такового, а за придание ему наиболее цивилизованных форм. "Есть капитализм и капитализм, — писал В.И.Ленин, — Есть черносотенно-октябристский капитализм и народнический" ("реалистический, демократический, активности полны") капитализм.^I Ленин считал иллюзией ("донкихотизмом") думать, что "может быть где-либо спасение помимо развития капитализма, не через развитие капитализма" и считал необходимым добиваться перехода капитализма к более культурным, более технически высоким приемам. В За-

^I В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т.48, стр.12-13.

падной Европе, подчеркивал он, уже почти нет капитала октябристского, он стал почти весь демократическим. Из Англии, Франции он ушел в Россию и в Азию и в итоге, по существу, русская революция в Азии является борьбой за вытеснение реакционного, октябристского капитала и за замену его демократическим капиталом^I.

Национально-освободительное движение, разбуженное и приведенное в движение Февральской революцией, по существу являлось борьбой народов национальных окраин Российской империи за "демократический капитализм". Но чьи интересы представляло Временное правительство демократического или октябристского капитала, по какому пути оно собиралось вести Россию, — вот вопрос, который является решающим при оценке этого движения. Разгон июльской демонстрации 4 июля 1917 г., стовор с Корниловым и подготовка военного переворота, продолжение империалистической войны и, наконец, решительный отказ от послаблений в колониальной политике на национальных окраинах убедительно показывают существо Временного правительства, как представителя октябристского капитала. Поэтому союз, на который рассчитывала национальная буржуазия, был беспочвенным и бесперспективным, и в конечном счете, в случае успеха Временного правительства и созыва Учредительного собрания, ее ждало разочарование и новый колониальный гнет, но уже не военно-феодалного империализма, не царского, а империализма октябристского капитала, который во всяком случае не позволил бы отступить от колониального режима. Ничего хорошего русский октябристский капитал не сулил народам национальных окраин.

Но и большевики, главная оппозиционная партия Временному правительству и ведущая политическая сила русского пролетариата, не смогли представить и осуществить альтернативную нацио-

^I В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 12-13.

национальную политику, которая могла бы привлечь на их сторону политические силы и широкие народные массы национальных окраин. Программа большевиков по национальному вопросу была разработана В.И. Лениным и принята партией большевиков еще в 1902 г., т.е. на втором съезде партии. Ее краеугольным камнем было признание право наций на самоопределение, "за всеми нациями, входящими в состав государства"¹. Ее фундаментальными положениями были полный демократизм в решении национального вопроса, интернационализм, означавший уступки национальным меньшинством в экономических проблемах, полная свобода в развитии национального языка в школе и пр.

Недостатком ленинской программы была ее классовость и исходные позиции также были классовыми. Выражалось это в том, что главным вопросом программы большевиков был захват власти, а национальный вопрос расценивался в связи с решением этого главного вопроса. Для пролетариата, подчеркивал В.И. Ленин, важнее всего борьба за классовые интересы, за солидарность широких масс рабочего класса. "Единство рабочих, — писал он, — единство интернациональной классовой борьбы пролетариата бесконечно важнее, чем вопрос о государственных границах"².

Утверждая, что крупные государства успешнее решают проблемы экономического и социального прогресса, В.И. Ленин предупреждал против вольного или буквального толкования права наций на самоопределение и не давал гарантии на поощрение отделения той или иной нации. Партия пролетариата должна была в каждом отдельном случае самостоятельно оценивать целесообразность использования этого права. При этом во внимание следовало принимать как условия развития капитализма в государстве, так и в

¹ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 206.

² В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 439.

первую очередь интересы классовой борьбы пролетариата. В резолюции Поронинского совещания ЦК РСДРП (1913 г.), написанной В.И. Лениным, говорилось: "Вопрос о праве наций на самоопределение (т.е. обеспечение конституцией государства вполне свободного и демократического способа решения вопроса об отделении) неправомерно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации. Этот последний вопрос с.-д.партия должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм"¹. Главное в ленинской трактовке права наций на самоопределение заключалось в достижении единства пролетариата, а вопросы отделения народов должны были решаться с точки зрения интересов объединения и слияния рабочих и рабочих организаций. Каждое требование отделения и каждое стремление добиваться осуществления права на самоопределение должно было проходить проверку на целесообразность, а вот каковы были критерии этой "целесообразности" и кто должен был ее определять, было неясным.

Именно в этом противоречии была вся порочность национальной политики КПСС, которая отразилась и на практических действиях партии по осуществлению этой политики. Партийные деятели на местах основывали свои действия именно на второй части национальной политики, на "целесообразности", обвиняя всех сторонников "автономии", отделения в буржуазном национализме, который, по мнению В.И.Ленина, был злейшим врагом национальных рабочих, дружбы народов и коммунизма.

Это противоречие сказалось и на ленинской концепции будущего многонационального государства. До победы Октябрьской революции В.И.Ленин был противником федеративного построения го-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. Изд.7, М., 1954, ч.1, стр.316.

сударства, так как считал Федерацию идентичной децентрализации, таившей в себе опасность раскола государства. "Пока и поскольку разные нации составляют единое государство, - писал он, - марксисты ни в коем случае не будут проповедовать ни федеративного принципа, ни децентрализации. Централизованное крупное государство есть громадный исторический шаг вперед от средневековой раздробленности к будущему социалистическому единству всего мира и иначе как через такое государство (неразрывно связанное с капитализмом) нет и быть не может пути к социализму"¹.

Февральская революция не изменила позиции большевиков по национальному вопросу. Вплоть до восьмого съезда партии в марте 1919 г. национальная политика оставалась неизменной. В принятой на УШ съезде КПСС программе партии впервые проявляется принятие Федерации как государственного государства. Вместе с тем появляется и своеобразная интерпретация Федерации. В программе говорилось, что во главу угла национальной политики партии ставится политика сближения пролетариев и полупролетариев разных национальностей для совместной революционной борьбы. В целях преодоления недоверия трудящихся угнетенных стран к пролетариату государств, угнетавших эти страны, указывалось на необходимость уничтожения всех и всяких привилегий какой бы то ни было национальной группы, полное равноправие наций и признание права наций на самоопределение вплоть до государственного отделения.

Вместе с тем, "в тех же целях", как одну из переходных форм на пути к полному единству, партия выставляла федеративное объединение государств, организованных по советскому типу.² Программа не давала ясного и четкого представления о намерениях партии, и направлениях ее деятельности в области национальной политики.

¹ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 144.

² КПСС в резолюциях и решениях, ч. I, стр. 416-418.

Прежде всего она имела конфронтационный характер и направлена была на сближение пролетариев и полупролетариев национальных окраин с теми же классами России "для совместной революционной борьбы" за свержение помещиков и буржуазии. Речь, очевидно, шла о буржуазии как российской, так и национальной, но ведь они находились на разных ступенях развития и в состав буржуазии национальных окраин можно было отнести самые различные категории социальных прослоек, которые не имели ярко отличительных черт пролетариата. Неясно было и с тем, кого же российские большевики будут считать носителями воли нации к отделению. Наконец Федерация должна была состоять из государств "советского типа", что означало, что сначала необходимо добиться их советизации, организации их по советскому типу, а затем уже создавать Федерацию, которая рассматривалась лишь как одна из переходных форм на пути к полному единству.

Двусмысленный, противоречивый характер национальной политики большевиков сказался в целом на отношении партии к движениям народов национальных окраин. Это была политика великодержавного шовинизма, облеченная в пролетарскую и коммунистическую оболочку. Она не могла быть принята широкими народными массами, т.к. по существу она была направлена на сохранение Российской империи в ее прежних границах и носила в себе семена будущих колониальных черт Советского государства, великодержавных структур федеративной системы. Местные коммунистические организации восприняли ее как сигнал борьбы против национальной буржуазии, т.к. любое проявление с ее стороны к государственному отделению воспринималось как сепаратизм, буржуазный национализм, расцениваясь как враждебные действия против Советской власти.

Ответом были массовые выступления против такого вольного

трактовая права наций на самоопределение, которое по сути становилось политическим трюком, направленным на обман народов.

Практически не было никакого отличия от национальных программ буржуазных партий, которые выступали за "единую и неделимую Россию", здесь же борьба направлялась на сохранение "Российской советской Федерации" и борьба эта должна была быть проведена с помощью пролетариев угнетенных наций.

Национальная политика большевиков была непоследовательной и полна противоречий. 24 ноября 1917 г. было опубликовано обращение Советского правительства "Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока", в котором Советское правительство торжественно объявляло, что каждый народ должен быть хозяином своей судьбы и каждый должен устроить свою жизнь по образу и подобию.

Вместе с тем в тезисах ко II конгрессу Коминтерна по национальному и колониальному вопросу (июль 1920 г.) В.И. Ленин указывал, как на первую задачу коммунистов в странах "с преобладанием феодальных или патриархальных и патриархально-феодалных отношений", необходимость "борьбы с духовенством и прочими реакционными и средневековыми элементами", которые имели влияние в отсталых странах, а также необходимость "борьбы с панисламом и подобными течениями", которые, по утверждению В.И. Ленина, пытались соединить освободительное движение против европейского и американского империализма с укреплением позиции ханов, помещиков, мулл и т.п.. Кроме того, В.И. Ленин считал "наиболее закоренелым злом" II Интернационала мелкобуржуазные национальные предрассудки. Этот "мелкобуржуазный национализм", утверждал он, объявляет интернационализмом признание равноправия наций" и только "сохраняя неприкосновенным национальный эгоизм, тогда как пролетарский интернационализм требует подчинения интересов про-

летарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе.

Разъясняя это довольно туманное положение, В.И. Ленин подчеркивал, что кроме союза советских республик нет спасения зависимым и слабым нациям и требовал постоянно разъяснять, что только советский строй в состоянии дать на деле равноправие наций, объединяя сначала пролетариев, затем всю массу трудящихся в борьбе с буржуазией¹. В итоге в ленинской национальной политике обнаруживается явная тенденция подчинить все национально-освободительное движение одной единственной цели — укрепления Советской власти и утверждения социалистического строя с диктатурой пролетариата как политической надстройки. Очерчены и явные враги, против которых следовало вести борьбу. К ним относилось духовенство, представители и сторонники мелкобуржуазного национализма, помещики, буржуазия и "прочие реакционные и средневековые элементы", расширивать которые нужно было, видимо, на месте. Практически в лагерь врагов попадали все слои общества, кроме беднейшего крестьянства и рабочего класса и несомненно такая программа.

Национальная программа большевиков была классовой, однопартийной, направленная на узкоклассовую ориентацию и основанная на фундаментальных положениях классовой борьбы и классовых предрассудков. Но была одна главная черта, которая роднила ее с национальной программой российской буржуазии, — она добивалась также сохранения "единой и неделимой России" в прежних границах Российского государства. Только вместо единой и неделимой Российской империи программа большевиков призывала к союзу республик, к федерации советского типа, основанной на пролетарском единстве, которая затем обеспечила бы переход к полному единству трудящихся

¹ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 165-166.

разных наций. В связи с этим, совершенно очевидным является и политика в отношении тех элементов национальных окраин, которые требовали равноправия наций, автономии, федеративной демократической республики и отделения. Они объявлялись представителями "мелкобуржуазного национализма" реакционных элементов, против которых необходимо было вести непримиримую борьбу. По сути большевики объявляли войну национальным движениям на национальных окраинах.

8 ноября 1917 г. Бременный Краевой Туркестанский Исполнительный комитет, который после 2 ноября 1917 г. выступал на правах правительства края, издал приказ о свержении старой власти и переходе всей власти в руки Туркестанского Краевого Исполнительного комитета. Так, практически бескровно совершилась Октябрьская революция в Туркестане. Однако, состоявшийся спустя две недели III Краевой съезд Советов (15-22 ноября 1917 г.), благодаря блоку большевиков и всеров принял решение об утверждении Краевого съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, как высшего органа власти в крае и именоваться он должен был отныне Советом народных комиссаров Туркестанского края. Главой первого советского правительства был избран бывший царский офицер Ф.И. Колесов.

Съезд сразу же выразил свое отношение революционных партий к сотрудничеству с местным населением. В декларации об устройстве власти был пункт, в котором отмечалось: "Привлечение в настоящее время мусульман в органы высшей власти является неприемлемым как в виду полной неопределенности отношения туземного населения к власти солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, так и в виду того, что среди туземного населения нет пролетарских классов".
 Интересно, что в энциклопедическом издании "Гражданская война и военная интервенция в СССР". М., 1987 г., о первом председателе Совнаркома Туркестана нет статьи.

совых организаций, представители которых в органе высшей краевой власти фракция приветствовала бы"¹. Поскольку Декларация о власти была представлена фракцией большевиков и левых эсеров, то следовательно, в ней была выражена позиция большевистской партии.

Вместе с тем против нее никто из делегатов не выступал. Она стала заслоном на пути сотрудничества с местными политическими лидерами и первым шагом на пути к конфронтации с местным населением.

Правда, IV съезд Советов несколько "уточнил" эту формулировку, приняв резолюцию об автономии края (январь 1918 г.). В ней говорилось о признании автономии края, но указывалось, что носителями права на такую автономию и права на самоопределение имеют лишь трудящиеся классы и объявлялась "самая беспощадная борьба буржуазной автономии". Говоря проще, право на автономию и на самоопределение имеют лишь трудящиеся массы, а остальные такого права лишаются. В крае, где трудно было провести четкую разграничительную линию между социальными слоями и невозможно было представить самостоятельного сознательного выступления трудящихся слоев, такая постановка легко могла привести к злоупотреблениям, когда любое требование автономии или самоопределения можно было представить как требование эксплуататорских классов и объявить им "беспощадную борьбу". Практически это было объявлением начала войны национальным выступлениям за осуществление права на самоопределение.

Это было вполне закономерным решением, т.к. большевики несли в себе генетический код великодержавной российской политики в отношении народов национальных окраин и были ее продолжателями. Правда, они отвергли старые формы национального угнетения и были искренни в своем стремлении сокрушить царизм и власть русской

¹ Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Туркестане. Сборник документов. Ташкент, 1947, стр. 95.

буржуазии, но это было в социально-экономической и политической сферах, что касается области национальных отношений, то при всем антагонизме большевиков и других российских политических партий, здесь их программа была одна и та же: сохранить Российскую державу в ее прежних границах.

В связи с этим в первые годы утверждения своей власти в Туркестане, большевики главное внимание уделили строительству армии и карательных органов государства. Были созданы новые народные "революционные" суды, новая милиция, организованы ЧК и революционные трибуналы. Распущены городские думы и управы, а вся власть перешла к советам. Важной вехой в укреплении диктатуры пролетариата стало создание Красной гвардии. В конце 1917 г. - начале 1918 г. в Ташкенте было сформировано несколько красногвардейских отрядов. Согласно декрету от 15 января 1918 г., началась организация Красной Армии (рабоче-крестьянской РККА). Сначала она комплектовалась на добровольной основе, а с лета 1918 г. - на основе всеобщей воинской повинности. До середины 1920 г. всеобщая воинская повинность касалась только европейского населения, местное население призыву в армию не подлежало.

Но что это была за армия? Это было собрание насильников, уголовников, грабителей. Ф.И. Колосов в телеграмме на имя В.И. Ленина писал летом 1918 г.: "Атмосфера накалена. Рабочие массы спровоцированы, антисоветское движение растет. Часами опереться не на кого. Ялобинский отряд уголовных преступников, растерзав главнокомандующего Степанова, обезоружив лучшие части войск, выгнается к Ташкенту с целью его захвата и свержения существующего правительства"¹. Да и в остальных частях положение было не лучше. Председатель Самаркандского Совдепа А.И. Фролов расстрелял делегацию

¹ Марат Хасанов. "Смертельный гамбит". "Звезда Востока", 1991 г., № 10, стр. 127.

кзыларватских рабочих, а через некоторое время расстреляли самого А.И.Фролова вместе с его отрядом мажар. Отряды Колузаева бесчинствовали на дорогах и бесплатно реквизировали у населения одежду, продовольствие. Да и остальные были не лучше. Можно себе представить, какими интернациональными чувствами они были проникнуты.

В то же время в высших эшелонах власти ни на минуту не прекращалась борьба за власть. Конфликты, кончавшиеся одним результатом — расстрелом.

§ 2. Разгром "кокандской автономии" — первое практическое осуществление ленинской национальной политики на национальных окраинах

В дни, когда проходил IV съезд Советов (15—22 ноября 1917 г.), отстранивший местное население от управления краем, в Коканде собрался IV съезд Краевого мусульманского Совета, который объявил о создании Временного правительства Туркестанской автономии республики, получившей в литературе название "Кокандской автономии". Оно не было национальным правительством в чистом виде, т.к. в его состав входили и представители русской буржуазии и интеллигенции.

В Кокандской автономии слились интересы буржуазии коренных национальностей, желавшей добиться известной доли независимости в рамках будущего государства, которое, по их мнению, должно создать Учредительное собрание, а также русской буржуазии и чиновничества бывшей Туркестанской администрации, которые стремились найти себе оплот в Туркестане в борьбе против Советской власти.

Декларация об организации власти в Туркестане провозглашала объявление Туркестана автономной республикой в рамках Российской буржуазной республики, организации политической и культурной

жизни мусульман на основе шариата, создание краевого и местного органов из представителей мусульман и других национальностей в соответствии с количеством их населения. Провозглашение Кокандской автономии было в полном соответствии с большевистским лозунгом права наций на самоопределение и стало лакмусовой бумажкой, испытывающей искренность намерения большевиков в его осуществлении.

Съезд избрал законодательный "Туркестанский временный совет", состоявший из 54 чел. и Туркестанское автономное правительство, председателем которого был сначала М.Танышбаев, а затем М.Чокаев. Государственным секретарем был избран сотрудник американской фирмы "Америкен Мэшинс" Шерман. Была начата работа над конструкцией республики. Командовал вооруженными силами полковник Чаншиев.

Таким образом в Туркестане, наряду с властью большевиков, которая утвердилась в Ташкенте, образовалась и параллельная власть в лице Кокандской автономии. Силы были неравны. В то время, как в Ташкенте были уже сформированы части Красной Гвардии, Кокандское правительство располагало всего одним отрядом с одним офицером, шестью сержантами и 90 солдатами¹. Ни то, ни другое правительство не могло претендовать на роль выразителя национальных интересов, это было противостояние диктатуры пролетариата и буржуазно-демократической республики, большевиков в блоке с эсерами и меньшевиков в блоке с местными буржуазными националистами.

Не имея достаточно опыта в государственном управлении и политической демократии, большевики пытались утвердить свою власть насильем. В первые месяцы после победы Октябрьской революции

¹ Ф.Гнесин. Туркестан в дни революции и большевизма. Белый архив, № 1, Париж.

воинственность большевиков ограничивала их коалиция с левыми эсерами. Наркомом юстиции был представитель левых эсеров Штеинберг, который чинил препятствия работе ЧК и не допускал произвола в отношении арестованных за "контрреволюционную деятельность", наказанием за которую была смертная казнь.

Разрыв с левыми эсерами и утверждение единоличной большевистской диктатуры привели к выработке и практическому осуществлению программы превентивного, устрашающего население, террора. Разумеется, революцию одними добрыми пожеланиями не производят. Все революции были насильственными и насилие использовалось революционерами, как главное средство достижения цели. Но большевистская диктатура превзошла все остальные революции массовостью террора, его планомерностью и жестокостью. Приказы из центра требовали беспощадности, массовости наказания, твердость, и всякая попытка смягчить террор расценивалась как "илиотская мягкотелость".

Архивы, которые постепенно раскрывают секретные документы, показывают, как формировался террористический механизм большевистской власти. Газета "Комсомольская правда" 12 февраля 1992 г. привела некоторые неопубликованные документы, написанные В.И. Лениным, в которых представлены неизвестные прежде факты о терроре. Он приказывал: "повесить 100 кулаков, богатеев и отнять у них хлеб, на территории Латвии и Эстонии повесить 100-1000 чиновников и за каждого повешенного выдать премию в 100 тыс. рублей, 10 тыс. "буржуа" погнать в наступление против Еденича, а позаци пулеметы и расстрелять несколько сот из них.

Учитывая, что на национальных окраинах первые годы революции не было "опытных работников" и "настоящих большевиков", можно только представить, как там откликнулись указания центрального

I Комсомольская правда, 12 февраля 1992.

аппарата и лично В.И.Ленина относительно террора. Здесь он практически не имел границ, т.к. здесь господствовала лишь диктатура революционной власти, не ограниченной никакими законами. Но самым уязвимым и слабым местом ташкентских властей было их полное непонимание национальной проблемы, открытое игнорирование ее и невежество в вопросах национальной политики. В ряде случаев их поведение было оскорбительным. Постоянные обыски в домах местных жителей в поисках "вольных людей", грабивших на подъездных дорогах к Ташкенту, причем чекисты врвались зачастую и в женские половины домов, реквизировали комнаты в домах зажиточных жителей, куда на уплотнение поселяли чужих людей, вызвали глубокое возмущение населения старого города Ташкента.

Председатель Совнаркома Ф.И.Колесов в своих воспоминаниях писал впоследствии, что руководство Ташкентского совета практически не представляли себе все значение национальной проблемы. В декабре 1917 г. новый город, его чиновники и буржуазные кварталы "вдруг" наполнились разговорами о национальном вопросе. Впервые появилось слово "узбек" и всем рекомендовали употреблять вместо прежнего "сарт". Люди в шелковых халатах, — писал он, — улыбочивые и скромные, медлительно поглаживая бороды, появлялись в некоторых притихших после Октября гостиных. Военные с генштабистским образованием, приятно удивляясь, узнали о существовании национальной интеллигенции и весьма заинтересовались ею.¹

Повсюду говорили об автономии и говорили все: купцы, богатые скупщики контрабанды, представители мелкой буржуазии, ремесленники, мелкие чиновники. Ф.И.Колесов впоследствии вспоминал: "Это было грубо, цинично, бесстыдно и нелепо. Хуже того, это было страшно. Страшно потому, что мы не узнали, что нам делать с лозунгом автономии"². Даже спустя много лет после произошедших со-

¹ Война в песках. Материалы по истории гражданской войны. Под ред. К. Горького, И. Минца, Ф. Колесова. М., 1935, стр. 147.

² там же, стр. 148.

бытий один из руководителей большевиков Туркестана признался в своем полном неведении в области национальной политики. Почему же это было "нелепо" и "цинично"? Почему же это было "грубо" и "бесстыдно"? Нельзя объяснить такое неведение только дезинформированностью. Дело в другом. В том, что большевики, как и большинство русского населения края, были пропитаны русским великодержавным шовинизмом. Они чувствовали себя полноправными и законными господами края и не допускали мысли о независимости или автономии края и не могли позволить, чтобы представителей местного населения допустить к власти или косвенному управлению краем. Их национальная психология была связана с Россией и они мыслили себе будущее Средней Азии, как окраины, неразрывно связанной с Российской империей, но теперь уже не царской, а коммунистической.

13 декабря 1917 г. произошло первое столкновение Советской власти в Туркестане с массами местного населения, требовавших провозглашения автономии края. По воспоминаниям Ф.И. Колесова в демонстрации, двинувшейся из старого города в новый, участвовало около 16 тыс. чел., в основном ремесленники, мелкие торговцы, оружейники, сапожники, столяры, разносчики, чайханщики, т.е. практически все взрослое население старого города. "Тронулся весь Старый город", - вспоминал Ф.И. Колесов. Над демонстрантами развивалось зеленое знамя ислама.

Руководители Советской власти были предупреждены о готовящейся демонстрации и они готовились встретить ее. Вот как Ф.И. Колесов описывает эту подготовку: "Гарнизон стоит в боевой готовности. Снять чехлы с орудий, расставленных на стенах Ташкентской крепости. Между длинными низкими строениями старой цитадели глухо шумят колонны войск. Стоят в ружье 1-й и 2-й Туркестанские полки (видимо, сибирские - Н.Х.). Вкатили свои пулеметы красно-

гвардейцы железнодорожных мастерских. В Белом доме (резиденция Совета народных комиссаров - Н.Х.) расположился Каттакурганский рабочий отряд. В Ташкент вступили готовые к бою кушкинцы. Новый город глядит в туманное утро дулами пушек, пулеметов и винтовок"¹.

На рассвете 13 декабря Ф.И. Колесов и П. Полторацкий, комиссар труда выехали к мосту у Урды, связывавшему старый и новый город через Салар. П. Полторацкий решил поговорить с толпой. Но речь у него не получалась. Он говорил резко, угрожал, требуя, и сам Ф. Колесов считает, что его речь была "бестактной" и "неуместной". В машину комиссаров полетели камни. Ф. Колесов и П. Полторацкий бежали в крепость. Толпа двинулась в городскую тюрьму, где находились политические заключенные и освободила их.

У сквера Кауфмана состоялся митинг, где была принята резолюция, которая была передана представителям Советской власти, присутствовавшим там. В ней большевиков обвинили в узурпации власти и нарушении мира и покоя в Туркестане. Местное население терпеливо ожидало созыва Учредительного собрания, говорилось в резолюции, но его ожидания не оправдались. Большевики захватили власть и разогнали старый Совет. В резолюции говорилось: "Они оросили в тюрьму многих невинных людей, включая и представителей местного населения, они силой врываются в частные дома под глупым предлогом поисков оружия. Эти бандиты уже даже осмелились врваться на женские половинки - неслыханное преступление. В то же время мы не слышим ни слова о свободе для народа. Мы никогда не просили большей свободы, чем мы имели во время царского правления! Мы слишком много пострадали и теперь, наконец, наш народ решил организовать эту мирную демонстрацию и прийти в русский город. Мы требуем немедленного восстановления старого законного

¹ Там же, стр. 158.

Совета и остановить бандитизм чекистов"¹.

Демонстранты организованно, по 8 чел. в ряд, стройными колоннами уже собирались было переходить через урдинский мост на другой берег, в Старый город, как по ним ударили из пулеметов, расположившихся в близлежащем оружейном магазине. Очевидец передает, что толпа бросилась бежать через мост, началась давка, многие через сломанные перила падали в воду и тонули. Затем появились солдаты кушкинской крепости и штыками добивали раненых, которые лежали беспомощно на земле².

Д.Д.Зуев, один из первых исследователей басмаческого движения, обращал особое внимание на события 13 декабря, как преддверие восстания против Советской власти в Туркестане. Манифестация, писал он, имела всенародный характер. "В ней проявились чаяния широких масс коренного населения". В манифестации приняли участие, по его словам, свыше 60 тыс. человек, т.е. практически все взрослое население Старого Ташкента. Указывая на столкновение на Урде, он отмечает, что здесь "залпом были убиты многие изшедших в толпе людей" и после этого манифестация приняла антисоветский характер³.

События 13 декабря 1917 г. оказались "закрытой темой" в советской исторической литературе. Лишь в 1935 г. в сборнике "Бойна в песках" был опубликован материал Ф.И.Колесова об этом первом столкновении Советской власти с местным населением, но вывод сводился к обычному оправданию действий большевиков и дискредитации демонстрации обвинением в контрреволюционном заговоре, связям с белым подпольем.

Ни в одной работе советского автора, ни в официальных исторических работах, изданных академиями наук союзных республик,

¹ Ф.Гнесин. Туркестан в дни революции и большевизма. "Белый архив", № 1, Париж, стр.88.

² Там же, стр.94.

³ Д.Д.Зуев. "Ферганское басмачество" (1918-1922) в сб.Гражданская война. Материалы. т.1-II, 1924, стр.29.

посвященных революции и гражданской войне 13 декабря не уделяется ни слова. Эта дата была закрыта и забыта.

За рубежом был опубликован материал очевидца, инженера Ф.Гнесина, который в это время был в Ташкенте и был свидетелем событий. Его материал был помещен в хранилище Института войны, мира и революции Стэнфордского университета (США), а в 1926 г. были опубликованы в периодическом сборнике материалов Белый архив^I. думается, что события настолько важны, что требуют особого исследования. Здесь прозвучали первые выстрелы в гражданской войне в Средней Азии и здесь определились позиции большевиков и местного населения.

Хотя власти перегородили чекистами все дороги в Ташкент, чтобы информация о Ташкентской "резне", как ее называли, не вышла за пределы города и скрыть правду, тем не менее весть о ней распространилась с молниеносной быстротой по всему Туркестану и создала соответствующий образ большевика-врага национальной свободы.

В течение длительного времени большевикам, казалось, удалось скрыть правду о резне 13 декабря 1917 г. Но 17 июля 1959 г. Конгресс США принял резолюцию о неделе покоренных народов, в которой 13 декабря объявлялся днем Туркестана. В этот день ежегодно зеленый флаг Туркестана поднимался над всеми общественными учреждениями и собраниями по всей стране вместе с американским, в знак скорби и траура по погибшим жителям Ташкента в этот страшный день.

"Отныне началась открытая и кровавая борьба между туркестанцами и русскими большевиками", заявил на следующий день лидер Шурои-Ислами Миновар Кари, который являлся главным организатором демонстрации. Спустя год с небольшим, после расстрела пар-

^I Ф.Гнесин. "Туркестан в дни революции и большевизма", Белый архив, Париж, № I,

кими карателями восстания 1916 г., большевики безжалостно подавили первое выступление коренных жителей Туркестана с требованием автономии. Это был первый сигнал того, что кто бы ни правил в России, суть русской политики в Туркестане не изменится, всякая попытка движения к национальной свободе будет решительно подавлена.

Ф.И. Колесов писал впоследствии: "Важнейшей нашей ошибкой было неверное решение вопроса об автономии. Мы тогда не поняли, что единственно правильным, единственно радикально разрешающим эту первоочередную для Туркестана проблему путем является путь немедленного провозглашения советской автономии!"¹⁾

Но события 13 декабря 1917 г. были лишь прелюдией к настоящей борьбе большевиков за установление пролетарской диктатуры. 6 февраля 1918 г. большевики двинули на Коканд наспех собранную из уголовников и дашнаков Красную гвардию, которая устроила здесь кровавую резню местного населения. Правительство автономии было арестовано, правда, некоторые успели сбежать, магазины разграблены, мусульманские лавки сожжены. Защищать автономию было некому, поэтому бесчинства Красной гвардии продолжались 3 дня. Большевики преподнесли наглядный урок тем, кто еще заблуждался насчет их национальной политики.

Это было первым боевым крещением вооруженных сил новой республики и направлена она была против местного населения. Это был первый шаг на пути к установлению тоталитарного режима в национальной республике и, как стало видно из этого побочца, большевики были полны решимости идти и дальше в своей политике, опираясь на насилие над местным населением.

Вместе с тем большевики понимали неизбежность идти на уступки и предоставления, хотя бы формального самоуправления национальным окраинам. Были соображения внутреннего и внешнеполитического порядка, в партии обострились внутрипартийные конфликты. Глок с

1) Война в песках, М. 1935 г. стр. 172

эсерами развалился. "Левые" коммунисты во главе с Бухариным требовали отставки В.И.Ленина и ликвидации Советской власти. Стало известно о подготавливаемом Англией вторжении в Закавказье и Среднюю Азию.

Перед лицом неизбежного развала государства большевики пошли на ревизию своей национальной политики и в результате в первой половине 1918 г. появилась новая интерпретация национальной политики, где вместо обещанного права наций на самоопределение появилась концепция "автономизации", которая являлась полным отступлением от прежних обещаний - "самоопределение вплоть до государственного отделения". Автором этой новой концепции несомненно был народный комиссар по делам национальностей - И.Сталин.

Выступая на III Всероссийском съезде Советов (15 января 1918г.) И.Сталин выдвинул три главные формулировки, которые в корне меняли содержание сути национальной политики большевиков: 1. Созданные на национальных окраинах национальные правительства являются буржуазно-националистическими, которые ведут борьбу с Советской властью, прикрывая свои подлинные цели национально-освободительными лозунгами. Ссылки этих правительств на то, что они ведут борьбу для того, чтобы отстоять национальную независимость, являлись, по мнению И.Сталина, не более, как "лицемерным прикрытием ведущегося против трудового народа похода"¹. 2. Поэтому необходимо толковать принцип самоопределения как права на самоопределение не буржуазии, а "трудовых масс". Принцип самоопределения, по его мнению, должен был стать средством борьбы за социализм и должен быть подчинен принципам социализма². 3. Сама автономия в рамках российской федерации становилась чрезвычайно ограниченной и, видимо, была равна уровню самостоятельности бывших

¹ И.Сталин. Соч., т.4, стр.35.

² Там же, стр. 32.

губерний Российского государства и Сталин в своем выступлении даже назвал будущие республики, которые должны были войти в состав Федерации "областными советскими республиками", давая понять, что следует рассматривать их не более, чем автономные области. Такая концепция была принята третьим Всероссийским съездом Советов (январь 1918 г.) и стала основой политики советского правительства в отношении национальных окраин. В полном соответствии с этим положением в апреле 1918 г. И.Сталин выдвинул уже конкретную программу разделения функций независимых "областных советских республик" и центрального правительства. Центр должен был управлять военными и военно-морскими делами, внешней политикой, железными дорогами, почтой, телеграфом, производством денег, общей экономической, финансовой и банковской политикой, а "республикам" оставались школа, судопроизводство, администрация. Высшим органом власти в стране должен был стать съезд Советов или ЦК. И.Сталин считал необходимым отвергнуть "всеобщее избирательное право", считавшееся, по его мнению, "буржуазным предрассудком", а предоставить избирательное право лишь тем слоям населения, которые "эксплуатируются" или, во всяком случае, "не эксплуатируют чужого труда"¹. "Это, - подчеркивал он, - естественный результат факта диктатуры пролетариата"². И.Сталин считал, что федерализм в России рассматривается лишь как переходная форма государственного объединения к "будущему социалистическому унитаризму".

Сталинская концепция "автономии" исходила из главной идеи - стране нужна "сильная общероссийская власть", которая представляла бы собой диктатуру городского и сельского пролетариата. Это была фикция, пародия на автономию, причем было очевидно, что даже

¹ И.Сталин. Соч. т.4, стр.71.

² Там же.

английские колонии и доминионы имели бы больше власти и больше компетенции в ведении своих дел, чем такие "автономии". И. Сталин не оставлял никаких сомнений на этот счет. Он утверждал, что создание "местных и областных суверенных органов власти" наряду с центральной означало бы на деле развал всякой власти и возвращение вспять к капитализму, поэтому "областным органам" надо было оставить главным образом административно-политические и культурные функции чисто областного характера.

В выступлении на совещании по созыву учредительного съезда татаро-башкирской советской республики 10-16 мая он практически объявлял войну "буржуазным националистам". Необходимо было вырвать из их рук инициативу в деле решения национального вопроса. Чтобы разбить национализм, нужно прежде всего, по его мнению, поставить и разрешить национальный вопрос, но чтобы разрешить национальный вопрос, надо было поставить "на советские рельсы" и подчинить его "целиком и окончательно интересам организованных в Советы трудовых масс"¹. Социалистическая автономия должна была укреплять диктатуру пролетариата и обеспечить общую борьбу пролетариев всех наций России с буржуазным национализмом, этим последним олицетворением империализма". "Национализм, - говорил И. Сталин, - это та последняя позиция, с которой нужно сбросить буржуазию, чтобы окончательно победить ее"².

На национальные окраины в соответствии с такой концепцией решения национального вопроса были посланы "чрезвычайные комиссары", которые от имени Советского правительства и Центрального Комитета РКП(б) должны были помочь² местным народам в строительстве социалистической автономии.

Как известно, в Ташкент прибыл чрезвычайный комиссар боль-

¹ И. Сталин. Соч., т. 4, стр. 91.

² Там же.

шевик П.А.Кобозев, а вместе с ним прибыли и представители Наркома, т.е. представители Сталина, Ю.Ибрагимов и А.С.Клевлеев, П.А.Кобозев, участник Октябрьского вооруженного восстания, делегат II Всероссийского съезда Советов член Революционного военного совета (РВС) прибыл с неограниченными полномочиями и провел энергичную работу по подготовке V съезда советов Туркестана. Его полномочия превышали полномочия комиссаров Временного правительства в Туркестане.

С 20 апреля по 1 мая 1918 г. в Ташкенте проходил V краевой съезд Советов, на котором было принято решение о создании Туркестанской Советской автономной республики, входящей в состав РСФСР и утверждено положение о Туркестанской Советской республике. Первым председателем ЦК, т.е. первым президентом Туркестанской республики был "единодушно" избран П.А.Кобозев, а председателем Совнаркома — Ф.И.Колесов. Весь состав руководящих органов республики в подавляющем большинстве состоял из представителей европейского населения. В составе ЦК из 36 членов лишь 7 представили местные национальности, а в составе Совнаркома лишь 4 из 14. Для сравнения скажем, что в Туркестанском комитете, представлявшем Временное правительство, половина членов были представителями местных народов. Автономия диктатуры пролетариата проявила меньше доверия в отношении местных народов, чем буржуазное Временное правительство, а "социалистическая автономия" не допустила их к управлению краем.

В советской исторической науке и в трудах историков республики в течение длительного времени культивировалась стереотипная восторженно-возвышенная оценка факта создания Туркестанской автономной республики. В коллективной работе "История Узбекской ССР", изданной АН УзССР в 1974 г. в главе X, написан-

ной проф. Х. Ш. Иноятовым, говорится: "Народы Туркестана радостно встретили постановление У съезда Советов о создании автономной республики"¹. Практически такую формулировку развивали все историки, связанные с этим периодом истории Узбекистана, совершенно не сомневаясь, что это было действительно так. Думается, что такие утверждения не совсем соответствуют действительности.

Радоваться было нечему. Создание туркестанской республики означало торжество сталинской концепции автономии, когда утверждалась классовая диктатура пролетариата, узаконивалось господство советов, где отстранялись от управления государством широкие массы местного населения. Компетенция республики была чрезвычайно ограниченной, само положение о правах ее носило декларативный характер. В положении декларировалось создание Туркестанской Советской Республики Российской Советской Федерации, т.е. вроде как Туркестанская область России. В состав республики входила вся страна Туркестана, исключая Хиву и Бухару. Республика управлялась "автономно", но признавала и координировала свои действия с центральным правительством Российской Советской Федерации.

Советская власть консолидировала и направила свои силы для решительной борьбы с буржуазным национализмом. Само понятие буржуазный национализм было неопределенным и непонятным, сюда могли отнести каждого, кто был не согласен с официальной политикой, всякого инакомыслящего. Туркестанская республика должна была сыграть переходную роль — от федерализма к будущему социалистическому унитарному государству, поэтому здесь все было подчинено единой цели — ликвидации всяких оппозиционных сил, выражавших интересы национально-освободительного движения, зрелость которого была продемонстрирована в период с февраля по октябрь 1917 г.

¹ История Узбекской ССР с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1974 г., стр. 258.

Создание Туркестанской автономной республики, ее статус, ее политическая структура и национальный состав руководства явились полным противоречием ленинскому принципу права наций на самоопределение вплоть до государственного отделения, Суровая действительность оказалась сильнее политических принципов, логика идеологических предрассудков оказалась выше принципов законности, гуманизма, интернационализма, справедливости, которые объявлялись буржуазными предрассудками. Здесь начиналось первое грехопадение большевизма в национальном вопросе — полное расхождение между словами идеала, между прекрасными идеалами и предательством этих идеалов, превращение национального вопроса во второстепенную проблему, подчиненную общей задаче утверждения тоталитарного режима в стране. Туркеспублика интегрировалась в РСФСР, как необъемлемая административная единица унитарного государства.

Представители местного населения, даже те, кто с симпатией относился к коммунизму и впоследствии стали преданными членами коммунистической партии (Турар Рыскулов, Нарбутабек, Акмаль Икрамов) с недоверием отнеслись к созданию Туркеспублики, рассматривая ее как восстановление русского колониализма. Широкие же массы местного населения, как указывалось в резолюции первого съезда компартии Туркестана, прошедшего в июне 1918 г., проявляли мало симпатий к "революционной демократии автономии Туркестана"^I. Они мало думали о классовом содержании республики, но они видели, что в сущности ничего не изменилось, а произошла смена у власти — одна русская власть сменилась другой. Только теперь можно было говорить о рождении буржуазного нацио-

^I См. Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана 1918—1924 гг. Ташкент, 1958, стр. II.

нализма — великодержавный шовинизм большевиков вызывал ответную реакцию во взрыве национализма.

Создание Туркестанской автономной республики означало крах надежд на получение права на самоопределение и создание суверенной республики пусть даже с ограниченными правами, конституционным путем. Лозунги большевиков представлялись как обман и дискредитировали коммунистическую партию. Отныне только вооруженная борьба и насилие могли заставить большевиков выполнить их собственные программы, идеи, лозунги, и обещания. Борьба против большевиков, как это ни странно слышать, становилась борьбой за демократию, социальную справедливость и свободу. Все благие пожелания большевиков, и все лучшие идеи коммунизма рухнули, натолкнувшись на непробиваемую стену великодержавного шовинизма.

§ 3. Фергана — путь борьбы, компромисса и примирения

Толпы беглецов, хлынувшие из Коканда, рассеились по всей Ферганской долине. Они разнесли среди народа весь этот кроваво-огненный ужас, охвативший город при усмирении его Красной гвардией 18 февраля. Разграбленные торговцы, лишившиеся крова мхранные жители, насильственно выгнанные чиновники и религиозные деятели были наглядным свидетельством большевистского народовластия. Вся Ферганская долина напоминала растревоженный пчелиный улей.

Главным толчком к вооруженному восстанию, начавшемуся в Ферганской долине сразу же после разгрома Кокандской автономии, был не сам факт подавления первого зародыша суверенитета среднеазиатских народов, а осуществление политики военного коммунизма, основательно разрушившего всю экономику края, приведшая к

массовому разорению крестьян, лишившая их средств к существованию, парализовавшая торговлю и транспорт. Командская автономия дала басмачеству руководителей и политические лозунги, а политика военного коммунизма привела в его ряды массы разоренных и обезволенных крестьян. Лозунги национально-религиозного характера являлись в основном идеологической ширмой, борьбу, направленную против большевизма, коммунизма, против их антинародных черт. "Военный коммунизм" объявлял в стране военное положение и "военный поход" за хлеб". За сокрытие хлебных излишков полагалось тюремное заключение по 10 лет с конфискацией всего имущества. Для добычи хлеба были созданы вооруженные продотряды, которые должны были добывать хлеб для пролетарского государства. Некоторые продотряды превращались в вооруженные грабительские банды, которые забирали в деревнях весь хлеб, а всякое сопротивление объявлялось кулацким мятежом, которое подавлялось жестоко.

Поголовная мобилизация трудоспособного населения на практике превратилась в организацию массового принудительного труда. 29 января 1920 г. было принято постановление о порядке всеобщей трудовой повинности и положение о комитетах по всеобщей трудовой повинности. Теперь каждый гражданин республики (кроме нетрудоспособных) независимо от постоянной работы мог быть привлечен к единовременному или периодическому выполнению различных видов трудовой повинности — к заготовке и перевозу топлива, к строительным, сельхозработам и др. На III Всероссийском съезде Советов народного хозяйства в январе 1920 г. В.И. Ленин говорил о "трудовых армиях", которые готовы были бы на самопожертвование во имя "великого" дела партии.

Военный коммунизм обнаружил самый большой порок в работе партии везде использовать насилие для достижения своих целей.

Политика военного коммунизма означала намерение строить экономику неэкономическими средствами — насильем, принуждением, мобилизацией, приказом. Большевики пытались строить коммунизм вопреки здравому смыслу и шли против всех экономических законов.

Результаты были плачевными и трагическими. Трехлетний опустошительный диктат безграмотного правления, основанного на насилии и принуждении завел экономику страны в тупик. Промышленность распалась, транспорт встал, безработица стала массовой, везде появились бунды труда. Жизнь стала хуже, чем при самых тяжелых годах царизма. В 1920 г. были отмечены денежные расчеты между государственными учреждениями и упразднены банки. В результате стремительно росла инфляция. Масса денег исчислялась квадрильонами, миллионные купюры печатались на оберточной бумаге. Страна деградировала и большевики спустя три года после объявления политики военного коммунизма вынуждены были признать ошибочность своего курса.

Оценивая итоги политики военного коммунизма, В.И. Ленин на X съезде партии признал совершенные ошибки. "Мы слишком палеко зашли по пути национализации торговли и промышленности, по пути закрывания местного оборота, — говорил он на съезде, и подчеркивал: "меры мы не соблюли!"¹. Коммунистического производства и распределения не вышло и тем самым провалилась теория прямого перехода в коммунистическое общество посредством создания системы внетоварной дележки благ. Но военный коммунизм ~~продвинул~~ не только экономические основы страны, а имел и политические последствия.

В самой России она вызвала массовые протесты самых широких слоев населения. В русских деревнях прокатилась волна крестьянских восстаний и ставшие ныне доступными архивные документы, свиде-

¹ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 63.

тельствуют, что это была самая настоящая крестьянская война. В крупных промышленных центрах рабочие ответили на политику военного коммунизма забастовками, в конце февраля 1921 г. в Петрограде, колеблели революция, была объявлена всеобщая забастовка, а 2 марта 1921 г. восстали кронштадские моряки, являвшиеся оплотом большевистского влияния на Балтийском.

Это были антикоммунистические выступления масс, которые убедились, что их обманули и действительность оказалась далека от обещаний и лозунгов, с которыми их вели на революцию. Восставшие обвиняли партию и Советское правительство в измене революции, призывали русский народ восстать против "самодержавия коммунистов" и требовали проведения выборов в Советы на многопартийной основе, надеясь таким путем изгнать представителей КПСС из органов власти. Антикоммунистические выступления отразились и на руководстве партии. В нем начался раскол и брожение. В Туркестане военный коммунизм напоминал опустошительный ураган и нанес страшный удар по хлопкоробам. Предприятия и банки должны были выплатить им за полученный хлопок свыше 50 млн.руб., а теперь, после национализации, никто не собирался им отдавать этот долг и практически огромная масса крестьян оказалась разоренной, т.к. вся деятельность хлопкосеющих хозяйств была самым тесным образом связана с кредитами. В результате, несмотря на открытый в конце 1918 г. кредит СНК РСФСР, в хлопководческих районах Туркестана было закуплено всего 7 млн.пудов хлопка-сырца, а 15 млн.пудов оказались невкушенными и остались у хлопкоробов¹.

Часть дехкан вынуждены были переориентироваться на производство зерна, но и здесь постигло страшное око военного коммунизма.

¹ Экономическая история Советского Узбекистана (1917-1965). Под ред. А.М.Аминова, Ташкент, 1966, стр.19.

мунизма. Государство стало изымать у них хлеб по продрозверстке. В 1919-1920 годах по разверстке в Туркестане было заготовлено около 3 млн. пудов хлеба¹. Чтобы выправить положение, ЦИК Туркестанской республики в соответствии с постановлением ЦТК РСФСР о переводе решающих отраслей промышленности на военное положение, перевел топливобывающие предприятия на военное положение. Для обеспечения их рабочей силой было объявлено о трудовой повинности.

Однако, это не помогло в улучшении экономического положения разрушенного политикой военного коммунизма. Хозяйственная разруха углублялась, охватывая одну отрасль за другой. Из 260 хлопкоочистительных предприятий в 1920 г. работало всего 28, из 38 маслособойномыловаренных заводов действовало всего 9, производство хлопка-волокна снизилось с 7.845 тыс. пудов в 1917 г. до 329 тыс. пудов в 1920 г., хлопкового масла с 3,248 тыс. до 22,9 тыс. пудов, мыла с 324 тыс. пудов до 49 тыс.². Сельское хозяйство было в глубоком кризисе, промышленность не могла отработать даже ту продукцию, которая выравнивалась, продукция не принималась и не покупалась и дехканы потеряли всякие средства к существованию.

Резко сократилась численность рабочего скота. В 1919 г. по сравнению с 1916 г. она составляла в Ферганской области всего 35%, Самаркандской - 49%, Сырдарьинской - 56%. Запустение охватило все посевные площади. За этот же период поливные посевные площади сократились на 50%, богарные - на 63%. Особенно тяжелое положение сложилось в скотоводстве. В результате недостатка кормов, массового падежа скота, усиленного уоя поголовья скота в 1920 г. по отношению к 1917 г. составило 42%. Производство продуктов животноводства сократилось за этот период в 5 раз. Дехканы

¹ Экономическая история Советского Узбекистана (1917-1965). Под ред. А.М.Аминова, Ташкент, 1966, стр.23.
² Там же, стр.25.

ские хозяйства становились потребительскими и не могли обеспечить продуктами сельского хозяйства даже собственные нужды, начало возрождаться домашнее ремесло, т.к. кустарное производство было сметено национализацией.

В советской исторической науке сложилась стандартная схема, по которой считается само собой разумеющимся, что все эти трудности и экономическая разруха были вызваны басмаческим движением. Так, в монографии "Экономическая история Советского Узбекистана. 1917-1965 г." утверждается, что "басмачи сильно разрушили предприятия хлопкоочистительной и маслобойной промышленности" и в результате в Ферганской области 70% хлопка осталось необработанным¹; басмаческое движение "сопровождалось истреблением и угонем скота, уничтожением посевов, разрушением ирригационных сооружений и т.д.", поэтому сельское хозяйство постиг глубокий кризис². Но это, мягко говоря, искажает правду. На самом же деле разруха и экономический кризис, возникшие, в результате военного коммунизма, усугубленные ошибками местного характера, связанные с непониманием особенностей условий экономической и социальной жизни Средней Азии и откликнулись взрывом массового движения местного населения. Политика военного коммунизма широко осуществлялась и на национальных окраинах. В Туркестане местные большевики даже определили центр по темпам утверждения военного коммунизма и по масштабам. Уже весной 1918 г. была национализирована вся хлопкоочистительная и маслобойно-мыловаренная промышленность, а также ватное производство и предприятия по скучке сырья и сбыту продукции. Был проведен учет и конфискация хлопка и хлопковых продуктов. К 10 марта 1918 г. было принято на учет государства около 8,8 млн. пудов хлопка и лишь половина из них принадлежала банкам и хлопкозаводчикам, остальные дехканам³.

¹ Там же, стр.25.

² Там же, стр.26.

³ Там же, стр.13.

Наряду с капиталистическими предприятиями были национализированы предприятия, основанные главным образом на ручном труде, находившихся на уровне мануфактурного или кустарного производства. Даже с натяжкой их нельзя было отнести к капиталистическим.

Эта "национализация" ликвидировала большую прослойку населения, кустарей, живших своим трудом. Правда, впоследствии они были денационализированы. В мае-июне были национализированы все частные банки, а вся наличность (в сумму 8,6 млн. руб.) была изъята государством без отчета. Национализация предприятий, связанных с хлопковым комплексом и

Это было настолько очевидно, что никто и не собирался скрывать этот факт. 2 июня 1920 г. газета "Жизнь национальностей", которая редактировалась наркомом по делам национальностей И. Сталиным, писала: "Было бы глубоко ошибочным предполагать, что все то, что мы называем басмачеством, является простым разбойничеством. Среди "курбашей", выступивших против Советской власти, было немало таких, которые защищали население от подлинных "басмачей", благодаря чему они приобретали доверие и влияние на широкие массы"¹. Газета обвинила "Туркестанскую советскую власть" в проведении экономической политики, которая совершенно игнорировала хозяйственные и бытовые особенности края и населяющих его народов, и привела к "невероятным злоупотреблениям и хищениям. Произвольные реквизиции и конфискации, писала газета, как эшелемия, поражающая и торговые предприятия, и кустарные мастерские и кочевья, и земледельцев, создавали "благоприятную почву для развития враждебного отношения со стороны коренного советской власти". Шайки Иргана выросли в этих условиях и были ответом на действия советских властей, а затем сама борьба с

¹ Жизнь национальностей, 2 июня 1920 г.

ними" немало содействовала росту недовольства советской властью". И, наконец, с горечью признавала газета наркомнаца, "ничем не оправданное массовое истребление коренного населения, к несчастью, также имело место в этой борьбе"¹.

Нельзя не указать на резкость тона газеты, которая лучше других понимала положение на местах. Ее главным положением является обвинение именно советских властей в разборе и насильственной политике, которая обернулась ответным насилем, но все-таки первоначальной причиной являются действия властей. И факты подтверждают это.

28 февраля 1918 г. был опубликован декрет № 37 Советской власти Туркестана. В нем говорилось: "Весь хлопок, находящийся в Туркестанском крае, в каком бы виде он ни находился и где бы он ни был в настоящий момент, конфискуется и объявляется собственностью рабоче-крестьянского правительства Туркестанского края. Все Советы края и революционные железнодорожные комитеты края выделяют сейчас же своих уполномоченных на предмет проведения настоящего декрета в жизнь, организации подвоза хлопка к станциям, немедленного его продвижения на ст. Ташкент. В случае противодействия, владельцев — принять меры вплоть до расстрела на месте. Председатель Совнаркома Туркестанского края Ф. Колесов"². Этот беспрецедентный акт грабежа местного населения нанес огромный ущерб авторитету Советской власти.

Даже царское правительство никогда за 50 лет своего владычества не прибегало к таким актам безвозмездного изъятия основного продукта у местного населения. Русские капиталистические банки аккуратно расплачивались за каждый килограмм хлопка и никогда не посягали на насильственный захват хлопка.

¹ Жизнь национальностей, 2 июня 1920 г.

² Гражданская война. Материалы, т. III, М., 1924, стр. 31.

Для осуществления декрета при Совнаркоме был создан Хлопковый отдел и назначен специальный комиссар. Мелкое хлопководство этим декретом было уничтожено, на местах открылись огромные возможности для произвола и злоупотреблений. Неизвестно сколько было расстреляно людей по этому декрету, но то, что у хлопкороба отобрали его основное средство к существованию, это ясно. Многие гонимые голодом бросились в город, но здесь хлеб распределяли по карточкам, только в новых городах среди европейского населения¹.

Хлопковые посеы резко сократились. Это привело к массовой безработице. 400 тыс. чайрикеров, 500 тыс. безземельных марджиков и 50 тыс. рабочих, остановившихся заводов — всего 750 тыс. оставшихся без средств к существованию — таков был результат этой дикой акции Ташкентского правительства. Власть на местах захватывалась самыми темными, а подчас и уголовными элементами. Пропразверстка, особенно в районах "опасных", т.е. там, где отказывались добровольно сдавать хлеб, свелась к самому настоящему грабежу местного населения².

В крае нарастало возмущение действиями советских властей, которые выглядели гораздо хуже царского деспотизма и российского колониализма. Они ставили местное население в положение угнетенных и угнетенных, бесправных жителей новой власти, которая обещала свободу, мир и процветание, а на практике утвердила новый колониальный режим. Представители местного населения открыто обвиняли коммунистов и Советскую власть в попрании элементарных прав местного населения, многочисленных злоупотреблениях, нарушении собственных обещаний и принципов. Турар Рыскулов в докладе 3-му Краевому съезду Компартии Туркестана говорил: "В фергане

¹ Гражданская война. Материалы, т. III, №. 1924, стр. 47.

² Т. Рыскулов. Революция и коренное население Туркестана. Ташкент, 1925, стр. 99.

Советской власти нет, разве только в городах с русским населением. Но в мусульманской деревне Советской власти не существует. Там царят старые порядки николаевского времени, время приставов и волостных управителей с заменой первых назначенными комиссарами, а волостных управителей — шафками разбойников"¹.

Т. Рыскулов говорил резко и прямолинейно. Видя изнутри происходящие события и глубоко возмущаясь действиями советских чиновников и не имея средств и возможностей изменить политический курс, который вел к гибели новой страны, он пытался разоблачить их и тем самым попытаться в чем-то повернуть ход событий. "От мусульман отбирают все, и не только отбирают, но и убивают их. Наши солдаты вместо защиты несут грабежи и убийства, они убивают, скрывая следы. В кишлаках население терроризировано и бежит"².

Т. Рыскулов указывал и на разложение в партийном руководстве. Под покровительством коммунистов, утверждал он, процветает пьянство и безобразия, а мусульман травят, мусульман расстреливают без суда и следствия. "Мы сами делаем их националистами", заключил он свою речь. Это была точная оценка событий, которые произошли в Туркестане за короткий период пребывания у власти коммунистов и оценка изменений, происходивших среди местного населения. Действия коммунистов обратили во врагов Советской власти местное население. Да иначе и быть не могло. Это было главной причиной массового движения против Советской власти в Туркестане.

Наибольший размах басмаческое движение приобрело в двух регионах ферганской долины и Бухарском эмирате. Оба региона имели специфические черты, но в обоих прямой причиной народного вос-

¹ Т. Рыскулов. Революция и коренное население Туркестана.

Ташкент, 1925, стр. 99.

² Там же, стр. 100.

стания была антинародная политика Ташкентского правительства, которое, видимо, было слишком далеко называться советским или народным.

Когда М.В.Фрунзе в 1920 г. прибыл на Ферганский фронт, он ужаснулся тому, что произошло в Туркестане. Край, который еще четыре года назад восстал против царских властей, теперь уже бросился на борьбу против Советской власти. Но это уже был другой Туркестан. Там в восстании 1916 г. участвовали толпы людей, вооруженных топорами, вилами и кетменями, без ясного осознания своих целей, теперь же он увидел, организованные отряды вооруженных, часто не хуже Красной Армии, имевших своих испытанных полевых командиров, со своей специфической тактикой партизанской войны, в которой трудно выйти победителями. Он решил глубоко разобраться во всем. Изучив обстановку, он дал в основном правильную оценку причинам, породившим антисоветские контр-революционные движения, принявшие название басмачества.

В приказе от 23 мая 1920 г. он писал: "Действовавшие здесь части красноармейских войск в руках некоторых руководителей превращались из защитников революции и трудового народа в орудие насилия над ним. На этой почве и создается то движение, которое известно под именем басмачества. Басмачи не просто разбойники, если бы это было так, то понятно, с ними было бы давно покончено. Нет, главные силы басмачества составили сотни и тысячи тех, коих так или иначе задела или обидела прежняя власть. Не видя нигде защиты, они ушли к басмачам и тем принесли им небывалую силу. Вместе с собой они принесли басмачам и поддержку мусульманского населения"¹. Ташкентских руководителей он называл "шайкой авантюристов", которые пользовались моментом для личного обогащения, в то время как зад мусульманским населением числились "неслышанные

¹ М.В.Фрунзе. Избранные произведения, М. 1957, т. I, стр. 257.

надругательства". А вся Советская власть здесь, по его мнению, в первое время своего существования сделала все возможное, чтобы оттолкнуть от себя трудовое население¹.

Очевидцы указывали на многочисленные злоупотребления, чинимые представителями советской власти и деградацию революционной власти, которая катилась к перерождению. Английский разведчик Д.Макартни, который находился в 1918-1919 гг. в Ташкенте и Бухаре, отмечал как характерную черту деградации старой буржуазии с одной стороны, и рост новой большевистской буржуазии с другой стороны².

Д.Макартни поразила психология всеобщего грабежа собственности богатых, которая царила в Ташкенте и вообще во всем Туркестане. Многие примкнули к большевикам, рассчитывая получить свою долю в разделе их имущества. Некоторые из них были разочарованы, т.к. полностью воспользоваться плодами всеобщего грабежа могли только те, которые находились у власти. Поэтому жажда власти, стремление выбраться в новый класс начальствующих советских бюрократов, которые находились после революции, захватила практически всех "революционеров". Д.Макартни называл ташкентских руководителей "бандой авантюристов", которые вышли из самых низов социальной жизни - вчерашние билетеры, чертежники, чиновники низшего ранга, извозчики, носильщики, грузчики, стали руководителями нового правительства и каждый из них в меру своих сил и возможностей начал обогащаться. По его сведениям председатель Совнаркома Колесов был когда-то очень бедным человеком, когда он служил в царской армии, через год после революции он стал "большевистским буржуа", владельцем частного имущества в один миллион рублей³.

¹ М.Брунзе. Избранные произведения, М. 1957 г., т. I, стр. 313.

² D. Macartney Bolshevism As I saw in Tashkent in 1918. JC45 1920, vol. VII, p. II-III. p. 53

³ Ibid. p. 55

Все это дискредитировало революцию, большевиков, Советскую власть и все, что с ней было связано. Разительный контраст между славой и делами, лозунгами и практикой вызвали недоверие к ней как со стороны местного населения, так и со стороны русского пролетариата. Все новые руководители были неизвестны до революции и мало кто был знаком с государственными делами и привезены они были к власти толпами солдат и рабочих, митингами и демонстрациями в классическом большевистском стиле. Теперь, когда они стали обогащаться, выявилось, что они являются самыми обыкновенными мошенниками и авантюристами.

Еще более дискредитировало большевиков ожесточенная и безжалостная борьба за власть, которая не прекращалась в их среде вплоть до 1924 г., когда на место Туркеспублики было создано три национальных социалистических республики, где руководство перешло уже в руки национальных коммунистов. Основная борьба шла между коммунистами, присланными из центра для укрепления кадров (Б.Д.Войтинцев, Я.Качуринер, В.Д.Фигельский и др.) и старыми коммунистами (Тоболин, Колесов, Казаков). Тоболин проявил себя как экстремист, великодержавный шовинист, с ярко выраженным самомнением, выступавший категорически против допуска местного населения к власти, Колесова открыто обвинили в развороте, пьянстве, пустозвонстве, склонности к бонапартизму, другие были авантюристы в моральном и нравственном отношении, мало чем отличавшимися от них.

На IV съезде Советов Туркестанской республики ни Тоболин, ни Колесов не были избраны в руководящие органы власти. Председателем ТуркЦИК был избран Б.Войтинцев, а председателем Совнаркома В.Д.Фигельский. Большевистская фракция дала неудовлетворительную оценку деятельности высшим эшелонам власти и особо

подчеркнула, что часть членов ЦК "не отвечала идее пролетарского представительства" и своим поведением дискредитировала Советскую власть.

В высших эшелонах складывались группировки, которые вели беспринципную борьбу за власть. Наиболее влиятельной из них стала группа, в которую входил военный комиссар Туркеспублики Осипов, комиссар Среднеазиатской железной дороги Аганов, сотрудник комиссариата по гражданским делам Цветков, директор общей канцелярии наркомата финансов А.В.Тиховский. Под руководством К.Осипова 19 января 1919 г. происходит военный переворот, приведший к гибели руководителей Туркеспублики. Но созданный Временный революционный совет республики ликвидировал осиповский мятеж и организовал разгром его основных сил. После ожесточенных сражений К.Осипов ушел в Фергану с остатками своего отряда, влился в отряд Мадаминбека, а затем ушел в Бухару и был там, видимо, до штурма Бухары в сентябре 1920 г.

В воззвании К.Осипова гражданам Ташкента было объявлено о свержении Советской власти в Туркестане и создании Временного комитета, который должен был нормализовать общественную жизнь, наладить продовольственное дело, восстановить железнодорожное сообщение, восстановить свободу торговли, урегулировать денежное обращение. Временный комитет обещал обеспечить полное народовластие, обеспечить свободу слова, собраний и общества и добиться созыва Учредительного собрания.

Следуя букве этого обращения, т.е. если принимать на веру искренность его составителей и их желание искренне добиваться всех этих пунктов, то вряд ли можно расценивать осиповский мятеж как контрреволюционное выступление. Это была борьба против военного коммунизма, против левацко-радикального крена в революцион-

ных преобразованиях и за перевод революции на путь социально-демократической революции, программа которой была заложена в первоначальных корнях программы российской социальной демократии. Группа Агапов-Цветков-Осинов выдвигала альтернативный путь развития революции, путь рыночной экономики, свободы торговли, основанного на создании эффективных экономических рычагов и демократического народовластия. Эта альтернатива имела широкую поддержку по всей стране, в крестьянских восстаниях, казачьих антисоветских выступлениях, рабочих забастовках и, наконец, в кронштадском мятеже в марте 1921 г. Основными требованиями всех этих выступлений было утверждение подлинного народовластия, выражающегося в лозунге "Советы без коммунистов", обеспечение торговли, восстановление транспортного сообщения, регулирование денежного обращения. Борьба эта не была безрезультатной - в 1921 г. политика военного коммунизма была введена новая экономическая политика, в основе которой была рыночная экономика свободной торговли и демократизация общественной жизни. Коммунистическая партия и Советская власть пошли на уступки, чтобы выжить в борьбе против интеграции и контрреволюции и вернуть себе доверие народа.

Если исходить из сути, а не из буквы, т.е. если взять социальную и политическую сущность, а не романтические лозунги и эмоциональные пафосы, то басмаческое движение необходимо отнести именно к борьбе за альтернативный путь развития революции, за революцию социал-демократического типа, которая в условиях Средней Азии, видимо, наиболее соответствовала интересам, надеждам и чаяниям широких народных масс. В сущности они требовали то, что требовали сотни тысяч крестьян в самой России, повстанцы в казачьих станицах, рабочие петербургских заводов, матросы

Кронштадта - ликвидации военного коммунизма, реквизиций, насильственного отнятия продуктов труда и народолюбия. Наследие царской империи привело к тому, что все эти требования здесь приобретали местный колорит и национальную окраску, которая представлялась как националистическая контрреволюция, борьба за свержение Советской власти.

Басмачество было сложным социальным и политическим явлением и невозможно дать ему однозначную оценку. Оно совершило сложную эволюцию от выступления разрозненных отрядов до широкого национального движения, охватившего практически всю Ферганскую долину. Но одно несомненно и это подчеркивают ранние советские исследования этого движения - оно было разбужено антинародной колонизаторской шовинистической политикой представителей Советской власти в Туркестане. С. Гинзбург, автор глубокой и аргументированной работы о басмачестве в Фергане писал: "Развивавшись непосредственно после разгрома "Кованцкой автономии", басмачество вначале явилось протестом всех слоев Ферганы против вахханализма грабежей, реквизиций и конфискации со стороны "советских властей". Составившие у власти бывшие царские чиновники и российские колонизаторы были одинаково ненавистны туземному: буржуазии, как конкуренты, и соперники, дехканству, как угнетатели и эксплуататоры. Незначительный процент стоявших у власти рабочих, также до некоторой степени несвободных от колонизаторских взглядов, привитых им царским правительством, - не могли явиться достаточным проводником истинных идей Советов в кишлак и аул"¹.

Советская власть пошла на открытую конфронтацию с местным населением и попыталась уничтожить басмачество путем военного разгрома. С февраля 1918 г., т.е. с первых же шагов движения и

¹ С. Гинзбург. "Басмачество в Фергане". Современный Восток, 1922 г. № 10-11, стр. 185.

по ноябрь 1919 г. политика советских властей основывалась на терроре, применении вооруженной силы и усмирении. Так действовали царские власти в 1892 г. при подавлении восстания в Ташкенте, в 1898 г. при усмирении восстания Дукчи ишана, в 1916 г. при ликвидации всенародного восстания, когда дороги в Джизаке были забиты виселицами, на которых раскачивались тела борцов против царского режима. Коммунисты и Советская власть также, видимо, не знали других путей общения с местным населением и стремились раздавить восстание басмачей полицейскими мерами. С. Гинзбург пишет, что каждый отряд Красной гвардии считал своим долгом "по-страдать", "усмирить жителей, заподозренных в сочувствии басмачам и такие расправы только увеличивали число активных сторонников басмачества¹.

Существует различные оценки численности басмаческих вооруженных отрядов. В советской литературе приводятся цифры от 6 до 60 тыс. человек. А западногерманский историк Раймирза Хафит пришел к выводу, что в целом в басмаческом движении насчитывалось до 72 тыс. вооруженных пашитов². Но дело даже не в численности. Сила и мощь, размах и масштабы басмаческого движения нужно определять по силе влияния и воздействия на народные массы и нужно прямо признать, что в первые годы движение, особенно в 1918-1919 гг. имело огромную народную поддержку.

Басмаческое движение вытиснуло талантливых организаторов и лидеров, которые сумели увлечь за собой массы. Призванным вождем и организатором басмаческого движения здесь был Мадаминбек. Его подлинное имя Мухаммат-Амин-Ахмет Беков. Работал он начальником Головной милиции Маргеланского уезда, но не выдержал произвола

¹ С. Гинзбург. "Басмачество в Фергане". Современный Восток, 1922 г. № 10-11, стр. 185.

² B. Hayit. Islam under Russian Rule. Istanbul 1931 p. 65

советской власти и ушел к басмачам, чтобы, как он говорил, бороться с властью, которая "снимает с цеханина последний халат"¹. Он обладал незаурядными данными политического и государственного деятеля с широким кругозором военачальника. Он отверг предложение Иргана о содружестве, видел в нем крайне националистического лидера, чинившего собственный произвол и пытавшегося свести басмачество по уровню обычного бандитизма и разбоя. Видно, Мадаминбу с ним было не по пути.

Мадаминбеку удалось создать в Ферганской долине параллельные власти и свою политическую систему. Он добился объединения уже сложившихся в 1918 г. в самостоятельные басмаческие отряды под командованием Хал Ходжи, Махкам Ходжи, Рахманкула, Аман Даллана, лидера киргизских басмачей Муэтшина и др. Это была сложная задача, т.к. каждый курбани сам хотел быть независимым предводителем, быть в своем округе беком и ханом, но Мадаминбеку все же удалось сломить их сопротивление.

К Мадаминбеку двинулись все, кто был недоволен советской властью. Здесь можно было видеть белогвардейских офицеров, чиновников колониального аппарата, служащих советских учреждений, мулл, торговцев. За короткий срок Мадаминбек сумел набрать хорошие кадры исполнителей и советников и поставить под свой контроль действия отрядов Ферганской долины. Он старался придать действиям отрядов форму законности, запрещая грабить местное население и чинить произвол. Вскоре он завоевал доверие местного населения.

Большим достижением Мадаминбека следует считать установление контакта с русскими крестьянами-переселенцами и привлечение их на свою сторону. Еще до революции в русских поселениях в Туркестане появились отряды самообороны. После столкновений с

¹ С. Гинзбург. Указ. работа, стр. 186.

басмаческими отрядами в ноябре 1918 г. решено было создать вооруженный отряд. Крестьянский съезд в селе Ивановка постановил считать всех способных носить оружие в возрасте от 17 до 50 лет мобилизованными и обязанными являться в ряды армии по первому призыву.

Первоначально созданная Крестьянская армия (так она стала называться после съезда в Ивановке) ограничивалась гарнизонной службой с целью самообороны, но с течением времени ее отряды стали переходить к более активным действиям совместно с частями Красной Армии. Организационно она подчинялась командующему Ферганским фронтом, получая от него денежные средства и боеприпасы. Внутренний же распорядок находился в ведении командующего Крестьянской армии, который избирался советом армии, составленным из представителей отрядов, полков и военкома города Джалалабада и представителей местных учреждений. Командующим армией почти с самого начала стал полковник царской армии К.И. Монстров.

Поворотным пунктом в позиции Крестьянской армии стал июнь 1919 г., когда было объявлено в Туркестанской республике государственной монополией на хлеб, практически реквизирувавший хлеб у крестьян и запрещающий продавать хлеб на рынке. В ответ на это штаб Крестьянской армии призвал к свержению Советской власти и начал переговоры с Мадамни беком об объединении сил против нее. 22 августа 1919 г. на заседании военного совета Крестьянской армии в Джалалабаде было вынесено постановление о перевыборах всех советов и исполкомов на основе четырех принципов: о предоставлении всем гражданам свободы труда, передвижения и торговли и других свобод, свободы школы, об упразднении особых отделов и Ревтрибуналов и об отмене хлебной монополии. Военный совет заявил о своей готовности добиваться этих свобод силой оружия. Военный

совет поручил штабу предъявить эти принципы Мадаминбеку как основу для присоединения его к крестьянской армии. 27 августа Мадаминбек заявил, что всецело поддерживает постановление военного совета и предложил начать совместную борьбу против большевиков. Таким образом в Ферганской области был создан объединенный единый антисоветский фронт, в котором вели совместную борьбу представители местного и русского населения. Соединенные басмаческо-крестьянские отряды занимают город Ом, причем весь гарнизон красноармейцев и Намирский отряд, состоявший из одних русских, переходят на их сторону.

Совз с Монстровым позволил Мадаминбеку организационно улучшить свои отряды, он назвал их Мусульманской народной армией. Во главе его штаба был бывший офицер царской армии Делкин. Вместе с тем 24 сентября по инициативе Монстрова в Иркештане было организовано "для поддержания порядка" "временное правительство Ферганы", которому была передана власть и высшее управление вооруженными силами. Председателем был избран Мадаминбек, а его заместителем Монстров. Командующим действующей армии был назначен правительством Мадаминбек, имевший практически в своих руках массу вооруженных сил.

С образованием временного правительства Мадаминбек начал проводить в области широкие реформы; уезды были разбиты на приставства, приставами назначались русские. Было упорядочено снабжение армий боеприпасами и продовольствием. Басмаческое движение охватило в организованном порядке все районы области, и под командованием Мадаминбеком было около 7 тыс. всадников.

Ввиду тем 11 сентября 1919 года под Оренбургом красные части ликвидировали оренбургскую пробку и открыли путь на Туркестан. Был образован реввоенсовет Ферганского фронта, который создал

4 группы войск, которые повели систематическую борьбу против басмаческого движения. Самым неожиданным было появление в рядах Красной Армии татарской кавалерийской бригады, которая выступала скорее в пропагандистском плане — мусульмане против мусульман, такова была цель этой акции, которая должна была подорвать доверие к лозунгам священной борьбы за коран. Части Красной Армии 26 сентября заняли Ош, 30 сентября центр крестьянской армии — Джалалабад.

Но стало ясно, что ликвидировать басмаческое движение одними военными мерами невозможно. Даже после поражений Крестьянской армии басмаческое движение попрежнему продолжало носить характер широкого массового народного восстания, поддерживавшее Мамаминбека в его борьбе за "порядок" и создание новой централизованной власти в Ферганской долине. В связи с этим 11 ноября 1919 г. в Ташкент прибывает комиссия ВЦИК по делам Туркестана (Турккомиссия в составе Элиази, Куйбышева и Новицкого), которая должна была очистить советские органы и партию от скомпрометировавших себя руководителей советской власти, а также разбить и выгнать из Туркестана всех соотрушников, заподозренных в великодержавном шовинизме и колонизаторстве, привлечь на работу в органы власти представителей местного населения.

Советская власть признала свою вину перед местным населением и покаялась и обещала исправить положение. Это было огромной моральной победой басмаческого движения, борьба которого против прежних руководителей Советской власти в Туркестане показала всю порочность их политики и привела к их политическому поражению. В ноябре 1919 г. был объявлен призыв в Красную Армию представителей местных национальностей в возрасте от 17 до 35 лет и вскоре на территории Туркестанской республики имелось 20 национальных

воинских соединений. Дехкане получили большую материальную поддержку, в их адрес в 1920 г. прибыло 33 эшелона из центра с хлебом, семенами, мануфактурой, инвентарем.

Оказалось, что такие меры и такие подходы могут решать политические вопросы гораздо более эффективно, чем военная конфронтация. Басмачество быстро пошло на спад. Часть отрядов разбежалась, а часть перешла на сторону Красной Армии и вошла в ее состав. 6 марта 1920 г. на сторону Советской власти перешел со всем своим штабом Мадаминбек. Это был конец первого этапа борьбы местного населения против Советской власти. За эти два года басмачество вело общенародную национально-освободительную борьбу. Религиозные и националистические лозунги были всего лишь внешней оболочкой, направленной на привлечение, как можно большего числа бойцов в басмаческие отряды. На этом этапе басмачи сотрудничали с русской Крестьянской Армией, а в самих отрядах было много военных специалистов из царской армии, которые видели в басмачах единственную силу, способную сокрушить Советскую власть. Не было басмачество на этом этапе ни националистическим, ни религиозным. Следовательно, не были правы ни советские историки, преувеличивавшие националистические элементы в нем, ни западные советологи, стремившиеся преувеличить религиозные моменты.

Но само басмачество было неоднородным и очень пестрым по своим платформам, политической позиции, социальной ориентации. Если Мадаминбек представляется выдающимся политическим деятелем, который стремился главным образом к самоуправлению Туркестана, к улучшению положения народных масс и совершенствованию управления и добившись этого, вернулся к Советской власти, то его противники и соперники в басмаческом движении Кулширмат и Халходжа

преследовали в первую очередь свои личные честолюбивые цели, домогательства власти, это были своеобразные новые феодалы, которые пытались воспользоваться смутами и утвердиться на осколках бывшей империи, ханств, эмиратов и бекств в качестве новых беков и ханов.

Надхаминбек олицетворял в басмаческом движении лояльное басмачество, стремившееся в первую очередь свергнуть Советскую власть периода военного коммунизма, с его прообразверстками, хлебной монополией и он этого не скрывал. Он представлял собой альтернативное развитие революции в Туркестане, антиколониальную революцию нового типа, близкой по своему содержанию к националистской революции в Турции. Но в басмаческом движении было и другое течение, течение "непримиримых" молжехедов, по современному пониманию — фундаменталистов, которые добивались полного освобождения Туркестана от русских, их изгнания с территории Туркестана, утверждения здесь исламского государства.

"Непримиримые" пытались увлечь население антирусскими лозунгами и призывами. Парии курбани (Андижан) неустанно повторяли: "Русские наши враги. Русские наши вечные противники. Никаких соглашений с русскими. Русские лжецы, какими бы они ни были — белыми или красными". На знамени курбани Рахманкулбекова было написано: "Наши старые враги русские. Да спянет поганый враг с нашей земли. Туркестан. Туркестан — родина моя. Джихад! Джихад! Курбани давлатманбек велел везде развешивать лозунги: "Гоните наших врагов русских с нашей родины! Джихад! Курбани Усар Пахлавон в ответ на советы странствующих дервишей, примириться с Советской властью, назвал их "красными казантарами" и говорил им: "Эй, продавшиеся врагам красные лавен! Вы хотите связать нам руки и перенять поганым русским? Чтось нас враги уничтожали? Да

лучше я сам вас перебыю! Русских гнать с нашей родины!"¹

"Непримиримые" не допускали и мысли о компромиссе с Советской властью или отступлении от своих целей, в их действиях проглядывалась больше вражда, культ насилия и убийства, чем идеи освобождения. Попытка Мадаминбека уговорить их и пойти на мировую с Советской властью при сохранении им оружия и статуса независимых соединений, кончилась для него трагически. 14 мая 1920 г. советское командование командировало Мадаминбека в долину реки Исфайрам с целью привлечения Курширмата на сторону Советской власти. Но Курширмат предательски захватил его в плен, и передал Халходже курбани, который усадил его. Это убийство стало новым басмаческому очень дорогим — оно сделало басмачей убойцами и предателями. В книге узбекского автора Шахбиддина Ясавий "Горькие истины Туркестана" (написанной в Турции), Халходжа характеризуется как негодяй, злодей, который обманул Курширмата.

Разумеется, убийство Мадаминбека было преднамеренным, рассчитанным на провоцирование новой войны с Советской властью.

"Непримиримые" достигли своей цели и борьба разгорелась с новой силой. Продолжаясь еще два года, борьба была жестокой, без милосердия и жалости, захватывая практически каждый кишлак Ферганской долины, никто не остался в стороне и ни одну семью не пощадила эта кровавая схватка.

Но новое басмачество качественно отличалось уже от прежнего, когда во главе его стоял Мадаминбек. Часть населения отшатнулась и пошла на соглашение с Советской властью, ужаснувшись террору со стороны басмаческих отрядов. Теперь уже басмачи являлись к местным жителям с продразверстками и реквизициями, занимаясь вымогательством, требуя продовольствие, лошадей и коров.

¹ "Зрк", 6-13 февраля 1992 г., стр.7.

За отказ платить натуральную дань, кышмаки подвергались террору. Басмаческое движение вырождалось в террористическое антинародное движение без популярных лидеров, без веры народа. Басмачи разрушали железные дороги, сожгли почти все хлопковые заводы, нанося ущерб экономике республики и заложив обрекающая хозяйства дехкан на разорение.

Лидеры басмачей стали также создавать свои структуры власти, но они напоминали скорее военные округа, чем гражданские районы. Во всех районах Ферганы имелись басмаческие главные командиры (по современному полевые командиры афганских неприкормки), сферы влияния которых были строго разграничены. Каждый курбашки был тесно связан со своим округом узлами родственическими, экономическими, был своего рода беком, требовавшим беспрекословного повиновения, и всякое нарушение территориальных интересов со стороны других курбашки встречало активное противодействие со стороны "кочевья", переходящее до вооруженных конфликтов. На практике это было возвращение к старым феодально-анархистским порядкам времени существования Кокандского ханства.

Господство всемогущих курбашки привело к обострению межнациональной розни среди басмаческих отрядов. Врывался наружу скрытый национальный антагонизм между киргизами и узбеками, выразившийся в постоянных столкновениях между Куршарматом и командующим киргизских басмачей Муэтдином. Каждый из курбашки обязательно и подозрительно наблюдал за Муэтдином, а сам он в свою очередь караулил промахи каждого из них, чтобы подчинить себе его вотчину. Красноречивый показатель отсутствия у басмачей идеологии, политической платформы и идеологии. Это была самая настоящая феодальная анархия.

Радикальным поворотом в истории Советской власти явилась

¹ См. газета "Эрки" 6-13 февраля 1992 г.

новая экономическая политика (НЭП), провозглашенная X съездом РКП(С) в марте 1921 г. Это была новая стратегическая линия в создании нового общества. Он означал отказ от военно-бюрократических методов управления, необоснованных запретов, регламентации, чрезмерной централизации, переход к широким мерам раскрепощения всех производительных сил. Протналог заменил продразверстку, козрасчет заменил диктаторские механизмы, товарно-денежные отношения между городом и деревней утвердились вместо прежних реквизиций, приказов.

НЭП имел самое благотворное воздействие не только на экономику, но и на общее политическое состояние Туркестана. Деканскому населению Туркестана предоставлялись значительные льготы по продовольственному и сельскохозяйственному налогу. Бесплатные декане, семьи красноармейцев и инвалидов гражданской войны, а также все деканские хозяйства Ферганской области были вообще освобождены от налогов. Кроме того, Ферганская область, как наиболее пострадавшая от басмачества в 1922-23 гг., освобождалась от 50% причитавшегося с нее налога. Открылись базары, начали действовать ярмарки, разворачивалась сеть оптовой и розничной торговли. Частный капитал хлынул в экономику, образовав бурный поток товаров и денег между городом и деревней.

Перед туркестанским деканством открылась реальная благоприятная перспектива улучшения материального положения. Уже в середине 1921 г. декане ощутили ветер перемен, когда Красная Армия отказалась от принудительных поставок кормов на принципах продразверстки и начала использовать товарообмен и денежные знаки при расчетах с местным населением.

Советская власть отказалась от ранее принятых политических решений, которые унижали достоинство местного населения и ущем-

ляли его гражданские права. Были введены для желающих суды казиев, возвращены духовенству вакуфы, разрешено открытие старометольных школ, в местные и республиканские органы власти начали широко привлекаться представители местного населения.

Доверие к Советской власти выразилось в наплыве в Коммунистическую партию Туркестана представителей местного населения. По данным на 1 августа 1922 г. из 15 тыс. членов партии Туркестана 9 тыс. уже являлись представителями коренных национальностей¹. Политическая жизнь в республике менялась стремительно. 9 съезд Советов Туркестана в сентябре 1920 г. принял решение шире вовлекать местные народы к управлению краем, подготовить переход от ревкомов к выборным исполкомам Советов. Съезд утвердил также новую Конституцию, в значительной мере демократизированную. Республика получила новое название — вместо прежней Туркестанской Советской республики (ТССР) она стала теперь называться Туркестанской Автономной Советской Социалистической республикой (ТАССР). ТААС стала автономной частью РСФСР. Председателем ТуркЦИК стал А.Р.Рахимбаев, а председателем Совнаркома — К.С.Атабаев, оба представители местных народов.

БЭП наметил примирение с Советской властью местных народов, не только беднейших слоев населения, но также среди торгового класса и части духовенства. Основная масса дехкан, заинтересованная в развитии хлопководства и товарного хозяйства, уставшая от непрерывных вооруженных конфликтов, переходит к открытой поддержке правительства. Да и среди басмачества, состоявшего в основном из дехкан, намечается поворот большой части, рвавшейся к мирной жизни.

Учитывая огромное значение хлопка для страны, государство

¹ Коммунистическая партия Туркестана и Узбекистана в цифрах, Ташкент, 1968 г., стр.57.

решило обеспечить Фергану хлебом, чтобы побудить дехкан восстановить производство хлопка. Было завезено почти довоенное количество хлеба, которое предоставило им возможность безболезненного перехода от посевов пшеницы к хлопку. По постановлению СТО было ввезено значительное количество мануфактуры, металлов, металлических изделий, посуда, стекла, галош, леса и др. Крупные средства были отпущены на восстановление ирригации, был организован сельскохозяйственный кредит, дехканам-хлопкоробам были выданы семенные и денежные ссуды, предоставлены необходимые орудия. Население Ферганы возвращалось к нормальной мирной жизни.

Но это не входило в расчеты и планы лидеров басмачей. Намотившийся переход к культуре хлопка лишил басмачей тех продовольственных ресурсов, на которые она рассчитывала пока на полях засеивалась пшеница. Во всех районах басмачи начинают разнузданный террор против дехкан, желающих начать мирную жизнь, Курбани начинают жестокую борьбу с собственным населением. Басмачество вырождается в антинародное движение, ставшим на пути прогресса и благосостояния народа. Конфронтация теперь шла не между народом и государством, а рассекала живое тело самого народа Туркестана.

Теперь уже басмачи чинят произвол над собственным народом. Они отбирали у дехкан, полученную ими ссуду, запрещали обработку полей под хлопок, жгли и разрушали дома дехкан, учреждения советской власти, срывали все мероприятия, направленные на оздоровление экономики Ферганы.

Один из курбаней Маргеланского уезда — Умер Али в наказание за посеянный хлопок вырезал 54 человека, пригрозив, в случае повторения подобной попытки "построить священный курган из голов жителей"¹. Теперь даже некоторые слои бейского элемента и духо-

¹ С. Гинзбург, указ. работа, стр. 19.

венства, предвидевшие выгоды от восстановления хозяйства ферган, отходит от басмачей. Перелом в настроении населения принял характер враждебности с организацией открытой борьбы против басмаческих отрядов. Во всей Ферганской долине формировались отряды Красной милиции из местного населения, которые получали оружие. Бчеранний дехканин ныне становился бойцом Советской власти и вместе с Красной Армией начал вооруженную борьбу против басмачей.

Это был самый страшный удар по басмачеству. До этого моральная поддержка местного населения, симпатии широких масс дехканства, видевших в басмачах защитников против произвола Советской власти, являлись надежной гарантией их конечного успеха. Теперь же, лишенные поддержки масс населения, лишенные моральной и материальной поддержки, потеряв связи с народом, они вырвались в политический занятием и окончательная ликвидация их стала лишь вопросом времени. Не встречая никакого сочувствия в кивлаках, они вынуждены были скрываться в камышах, в стороне от населенных пунктов, боясь быть обнаруженными даже мирными жителями.

11 июля 1923 г. Революционный Военный совет Ферганской области начал широкомасштабные операции против басмаческих отрядов в Анджанском и Маргеланском уездах. Первый же удар был эффективным и командиры отрядов стали массами сдаваться и складывать оружие. В течение месяца были очищены от басмачей Анджанский, Маргеланский и Наманганский уезды. В августе месяце басмачество было ликвидировано и в Алайской долине. К концу 1923 г. все басмаческие отряды в Ферганской долине были ликвидированы и басмаческому движению пришел конец. Фергана начинала мирную эпоху своей истории, тысячи дехкан возвращались к мирной жизни.

Несмотря на сложный и запутанный путь, несмотря на поражение, басмаческое движение имело огромное значение в истории узбекского народа. Оно прежде всего убедительно показало, что народы Средней Азии не будут беспомощными рабами в строительстве новой системы и могут достойно выступить против посягательств на их свободу, они не будут пассивно взирать на попытки унижения их достоинства и попрание их традиций, обычаев и национального достоинства. Советская власть вынуждена была считаться с этим и расстаться с мыслью о превращении Туркестана в обычную губернию России.

Басмаческое движение нанесло огромный удар по идеологии и психологии великодержавногошовинизма, нараставшей в Коммунистической партии и органах Советской власти, и показало его опасность в судьбах страны. Руководство страны, в первую очередь В.И. Ленин, вынуждено было принять ряд мер против великодержавного шовинизма, справедливо понимая, что его развитие может привести к распаду страны и гибели революции.

Наконец, басмаческое движение вынуждало внести значительные коррективы в политику Советского государства в отношении национальных окраин и отказаться от произвола и диктата, взятых на вооружение представителями местных властей. Это была борьба за альтернативный путь развития революции и борьба басмачей в этом отношении была безуспешной.

ВЫВОДЫ ПО К ГЛАВЕ

1. Басмачество было сложным и запутанным политическим, социальным и экономическим явлением. Оно было первым выступлением среднеазиатских народов против сформировавшейся советской империи. Будучи, по существу, продолжением восстания 1916 года, оно несло в себе новые элементы национально-освободительных движений XX в. и явилось толчком в развитии антиимпериалистической борьбы на Среднем Востоке. Оно было разноликим и несло на себе печать глубоких региональных особенностей Средней Азии.

2. Хотя оно и представляло собой альтернативный путь развития среднеазиатских народов (полное самоуправление, право на самоопределение, свобода торговли политических партий и выборов, утверждение частной собственности как одной из форм собственности и др.), но определенной программы или идей у руководителей басмаческого движения не было. Не было и единой политической идеи, которая пала бы основание расценивать как единое национально-освободительное движение.

3. Советские историки создали искаженную деформированную картину басмаческого движения, она была идеологизирована и построена главным образом на фундаменте классовой борьбы и идеологического конфликта, который обязывал из того, что есть две идеологии — буржуазная и пролетарская и историк обязан стоять на той или другой, а третьей не может быть. Объективность была отброшена и задача советских историков сводилась не к поискам истины, а к оправданию действий коммунистической партии.

4. Западные историки, внося огромный вклад в изучение басмаческого движения, тем не менее не смогли создать целостной объективной картины. Их работы также оказались в плену собственных

предрассудков, сводящихся к отрицательному отношению ко всему коммунистическому и зачастую своим вилами в бескомпромиссной борьбе с коммунистическим взглядом, что также деформировало их собственные оценки этого движения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Независимая республика Узбекистан должна изучить свою историю, свободную от предвзятости, предрассудков, фальсификации, искажений и деформаций. Особенно важно знать, что же произошло в ее истории за 70 лет Советской власти и почему накопилось так много белых пятен в истории узбекского народа именно за эти годы, отделить правду от лжи, воздать должное истинным борцам за интересы народа и осудить тех, кто лишь выдавал себя за защитника свободы народа.

Республика Узбекистан вступает в международное сообщество в качестве свободной и суверенной республики и это также обязывает произвести значительный пересмотр наших общих принципиальных оценки человеческих ценностей. Руководство республики подписало документы, в которых обязалось перед мировым сообществом уважать основные права человека и руководствоваться в своей политике поддержкой общечеловеческих ценностей. Это относится и к истории, история также должна уважать личность, ее основные свободы, ее достоинство, а также определять критерии оценки событий и личностей с точки зрения общечеловеческих ценностей и высоких нравственных принципов. Именно эти принципы и должны лечь в основу наших исследований басмаческого движения.

Советология, считавшаяся у нас долгие годы псевдонаукой, теперь признается и получает все права на существование в нашей стране, становясь единой общественной наукой как для иностранцев,

так и для ученых СНГ, ставшей приемницей СССР. Теперь требуется определенный пересмотр к работам советологов, отделить идеологию и политику от науки, принять все положительное, достигнутое зарубежными авторами, не обвиняя их априори во враждебных замыслах.

Большое значение будут иметь совместные научные исследования отечественных и зарубежных советологов, которые должны помочь в выяснении исторической истины и создать единую методологию познания истории Советского Союза в целом и отдельных республик. Проведенная в феврале 1992 г. в Москве совместная конференция советских и зарубежных советологов помогла выяснить многие проблемы, изучение которых в Советском Союзе был затруднен из-за невозможности получить архивные документы в советских архивах. Конференция называлась: "Советская внешняя политика 1917-1991 гг."; ретроспектива проводилась Институтом всеобщей истории Российской академии наук и Тельавивским университетом.

Благодаря политическим изменениям, происшедшим в бывшем Советском Союзе и утверждению демократических начал в национальных республиках стали возможными контакты между зарубежными советологами и отечественными историками. Эти контакты положили начало диалогу на национальную проблему в бывшем СССР и национальных республиках, который приобретает сейчас исключительно большой научный интерес. Не будет преувеличением утверждать, что эти контакты и начавшееся сотрудничество определили новый этап в отношениях между западными и отечественными историками, советологами и политологами. Они, несомненно, приведут к лучшему пониманию многонационального населения Содружества на нынешней стадии развития, будет стимулировать новые профессиональные связи, взаимообмену мнениями и идеями, разработке новых подхо-

лов и решений этих непростых проблем.

В 1992 г. начато издание в переводе на русский язык сборника "Записки по проблемам национальностей", публикуемого дважды в год. "Ассоциацией исследований национальностей в СССР и Восточной Европе", в котором принимают участие известные западные авторы, имеющие огромный опыт исследований национальных и межнациональных отношений в СССР. Основная цель издания установление сотрудничества с советскими историками и политологами. Несомненно многие оценки и выводы авторов покажутся даже сейчас нашим исследователям и читателям непривычными и даже неприемлемыми, поскольку в отечественной литературе далеко еще не закончен поиск подходов и критериев в анализе национальных проблем, которые ранее считались сверхболезненной точкой в политической структуре Советского государства. Но ныне на смену политического монополизма приходит политический плюрализм, который и в общественных науках должен выразиться в плюрализме мнений и поисках солидарности различных точек зрения. Необходимо отрезиться от взгляда на национальные вопросы лишь через призму текущей политики и постараться почерпнуть из работ советологов новые идеи для осмысления национальной проблемы.

Необходимо сейчас признать, что советологи внесли большой вклад в изучение басмаческой проблемы. Благодаря их трудам она вышла на "мировую арену" и превратилась в одну из постоянных тем мировой исторической литературы. Они не давали ей затухнуть никогда. Басмаческая проблема подпитывалась самыми различными обстоятельствами — и разоблачениями сталинского тоталитарного режима, осуждением терроризма Советского государства, событиями в Афганистане и в связи с этим ее отражение в западной литературе носило их отпечаток.

Несомненно работы советологов по басмачеству страдают и односторонностью и тенденциозностью, но все же в них возоблудала либеральная точка зрения, которая стремилась придерживаться рамок буржуазного объективизма без экстремизма крайне правого консерватизма. Это дает возможность вести конструктивную полемику и продуктивный диалог, который помог бы выяснить множество запутанных и сложных вопросов, связанных с басмачеством. Отечественные историки обладают огромными архивами ЧК, ОГПУ, НКВД и КГБ, которые сейчас становятся достоянием историков и общественности, зарубежные советологи имеют в своем распоряжении, по крайней мере, три богатейших хранилища, где имеются ценные документы и литература по басмачеству — архив Лахметьева в Колумбийском университете, архив гугеровского Института войны, мира и революции Стэнфордского университета и библиотека Конгресса. Объединение усилий историков наших стран позволило бы максимально использовать богатейший материал этих хранилищ в исследовании басмаческого движения.

Кстати может быть это позволит изменить само название "басмачи" применительно к тому широкому национальному движению, которое было в начальный период господства Советской власти. Оно было использовано как порочащий ярлык, как аргумент для доказательства политического преступления. Это было очередным политическим трюком КПСС и Советского государства для формирования образа врага во всякой личности или всяком выступлении, которое было направлено против Советской власти или в чем-либо расходилось с их официальной политикой. Документы, которые еще лежат нестронутыми в архивах, помогут досконально выяснить главную проблему — кем они были, "басмачи": борцами за свободу народов и независимость Средней Азии или политическими бандитами, как

об этом утверждала официальная советская пропаганда на протяжении 70 лет.

Басмачество в настоящее время представляет собой не только историко-научный интерес. События в Таджикистане в последние годы ясно обнаруживают возможность его возвращения и превращения в грозную политическую силу, способную вызвать гражданскую войну. Поэтому так важно глубокое и объективное изучение причин и корней басмачества. В таком исследовании нельзя пренебрегать достижениями западных советологов, которые могли бы при всех их недостатках, сделать исключительный важный вклад в восстановление действительной картины басмачества.

ИММОГРАФИЯ

Источники

- 1) Амир Сайид Олимхон. Бухаро халкининг хасрати тарихи. Тошкент, 1991.
- 2) Ловные эпизоды. Басмачество в Фергане и Хорезме. М.-Т., 1934 г.
- 3) В боях за Советскую власть в Ферганской долине. Сборник воспоминаний. Ташкент, 1937 г.
- 4) Восток. 1990-1991 гг.
- 5) Война в песках. Материалы по истории гражданской войны. Под ред. Л. Горького, Е. Мица и Р. Колесова. М., 1935.
- 6) Гражданская война. Материалы. Т., И, М., 1924.
- 7) Жизнь национальностей 1918-1922 гг.
- 8) За Советский Туркестан. Ташкент, 1933 г.
- 9) КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. Изд. 7, часть 1, М., 1954 г., ч. II., 1953 г.
- 10) Коммунистическая партия Узбекистана в резолюциях и постановлениях съездов. Ташкент, 1968, 2 вып. изд.
- 11) Коммунистическая партия Туркестана и Узбекистана в ширях. 1918-1967, Ташкент, 1968.
- 12) Краткий очерк возникновения и развития басмачества в Фергане. Разведывательное управление САЗО. Ташкент, 1923 г.
- 13) Мусбиро РКМ(с) в Туркестане. Под ред. Т. Рискулова, Ташкент, 1925 г.
- 14) Наша газета. 1918-1919 гг.
- 15) Победа Великой Октябрьской Социалистической революции в Туркестане. Сб. документов, Ташкент, 1947 г.
- 16) Резолюции и Постановления съездов Коммунистической партии Туркестана 1918-1934 гг. Ташкент, 1958 г.

- 17) Современный Восток. 1922-1924 гг.
- 18) Сборник указаний по борьбе с басмачеством. Ташкент, 1924 г.
- 19) М.В.Фрунзе на фронтах гражданской войны. Сб. документов, М., 1941 г.

2. Общие работы

1. Басмачество: социально-политическая сущность (сб. статей), Ташкент, 1984 г.
2. История гражданской войны в Узбекистане. Т.2, М., 1975 г.
3. История коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967 г.
4. История Узбекской ССР. Т. II, ч. I, Ташкент, 1957 г.
5. История Узбекской ССР. Т.2, Ташкент, 1967 г.
6. История Узбекской ССР. Ташкент, 1974 г.
7. История Хорезма. Отв. ред. И. Муминов, Ташкент, 1970.
8. Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия, М., 1987 г.
9. Деятели СССР и революционного движения России. Издательство Советская Энциклопедия. 1989 г.
10. В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т.35.
11. В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т.30.
12. В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т.37.
13. В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т.38.
14. В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т.39.
15. В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т.40.
16. В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т.41.
17. В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т.42.
18. В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т.43.
19. В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т.44.
20. В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45

21. Сталин И.В. Соч., т.4.

22. Сталин И.В. Соч., т.5.

23. Сталин И.В. Соч., т.7.

3. Специальные работы

1. Р.Абдуллаев. Туркестанские прогрессисты и национальное движение. Звезда Востока, № 1, 1992.
2. Р.А.Абдуллаев. Упрочение Советской власти в районах верховьев Зеравшана. Душанбе, 1972 г.
3. В.Абылгазиев. Крах политического бандализма. Фрунзе, 1984.
4. П.Алексеенков. Крестьянское восстание в Фергане. Ташкент, 1927.
5. П.Алексеенков. Кокандская автономия. Ташкент, 1981.
6. П.Алексеенков. Что такое басмачество. Ташкент, 1981.
7. Х.Аминов. Разгром остатков контрреволюционного басмачества в Самаркандской области. Труды Самаркандского госуниверситета им.Навои. Новая серия, т.125. Самарканд, 1966.
8. К.Алескеров. Интервенция и гражданская война в Средней Азии. Ташкент, 1959.
9. Басмачество: социально-политическая сущность. Об.статей. Ташкент, 1984.
10. Н.Ватманов. Басмачество и борьба с ним. "Красная Армия", 1921 г., № 9.
11. С.Браунин, Ш.Шафиро. Очерк Алэш Орди. Алма-Ата, 1985.
12. А.А.Сабзходжаев. Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке в период признания советского государства де-факто и де-юре. Ташкент, 1957.
13. Василевский. Фазы басмаческого движения в Средней Азии. Народы Востока, 1929, № 29.

14. Восокобойников Э., А.И.Бевелов. Турккомиссия ВЦК и СНК РСФСР и Туркбюро ЦК РКП(б) в борьбе за укрепление Советской власти в Туркестане. Ташкент, 1951 г.
15. Ф.Гнесин. Туркестан в дни революции и большевизма. Белый Архив. Париж, т. 1.
16. Гражданская война и иностранная интервенция в Средней Азии. Об.статей. Алшабал, 1986 г.
17. А.И.Бевелов. Из истории гражданской войны в Узбекистане. Ташкент, 1959 г.
18. А.И.Бевелов, Ю.А.Поляков, Л.В.Шенкина. Басмачество: правда истории и вымысел "альсификаторов". М., 1986.
19. И.Кутяков. Красная конница и воздушный флот в пустынях. 1924. М., 1980 г.
20. Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане, т.1-2, Алма-Ата, 1964 г.
21. А.И.Иноятов. Октябрьская революция в Узбекистане. Ташкент.
22. А.И.Иноятов. Ответ "альсификаторам истории Советской Средней Азии и Казахстана.
23. А.И.Иноятов. Против "альсификации истории победы Советской власти в Средней Азии. Ташкент, 1976 г.
24. Интернационалисты в боях за власть Советов на юге и востоке республики. Кн.2. М., 1971 г.
25. Коканбаев А. Борьба с басмачами и укрепление Советской власти в Фергане. Ташкент, 1958 г.
26. Козловский В. Красная Армия в Средней Азии. Ташкент, 1928 г.
27. Кутляев В. Борьба с басмачеством в Туркестане. Ташкент, 1949 г.
28. Назаров М.Х. Коммунистическая партия Туркестана во главе защиты завоеваний Октябрьской революции (1918-1920 гг.). Ташкент, 1969 г.

29. Г.Непесов. Победа Советского строя в Северном Туркменистане. Ашхабад, 1950 г.
30. Н.Н.Никашинов. Борьба с басмачеством на юге Киргизии. Фрунзе, 1967 г.
31. К.Николаев, М.Ирмаев, Я.Шарапов. Очерк Советского Таджикистана. Сталинабад, 1957 г.
32. Новоселов К.Е. Против буржуазных фальсификаторов истории Средней Азии. Ашхабад, 1962.
33. Ю.Папоров. "Теплое солнце пустыни", Юность, 1990, № 1.
34. Паскуцкий И.А. К истории гражданской войны в Туркестане. Ташкент, 1922 г.
35. Поляков, М.А., Чугунов А.И. Конец басмачества. М., 1976 г.
36. Л.Соловейчик. Басмачество в Бухаре. М., 1923 г.
37. Тавшнев Р.Т. Установление и упрочение Советской власти в Туркестане. Ашхабад, 1957.
38. Рыскулов. Революция и коренное население в Туркестане. Ташкент, 1925 г.
39. Тимошинов С.И. Борьба с интервентами, белогвардейцами и басмачами в Туркестане. Ташкент, 1972г.
40. Х.Т.Турсунов. Образование Узбекской Советской социалистической республики. Ташкент, 1957 г.
41. Х.Т.Турсунов. Национальная политика Коммунистической партии в Туркестане.
42. М.Хасанов. Альтернатива. Из истории Кокандской автономии. Звезда Востока, 1990 г. № 7.
43. М.Хасанов. Смертельный гамбит. Звезда Востока, 1991, № 10.
44. Г.А.Хилоятов. Октябрьская революция и гражданская война в Средней Азии в современной англо-американской литературе. История СССР, 1961 г., № 3.

45. Г.А.Хидоятов. Права против лжи. Ташкент, 1964 г.
46. Г.А.Хидоятов. Строительство социализма в Средней Азии и современный антикоммунизм. Ташкент, 1978 г.
47. Хидоятов Г.А. История и идеологическая борьба. Ташкент, 1986 г.
48. Г.А.Хидоятов. Национальный вопрос в СССР. Ташкент, 1991 г.
49. Ф.Хожаев. Басмачество. Ташкент, 1927 г.
50. Р.Татеев. В долине роз и крови. Москва-Ленинград, 1927г
51. Ш.А.Шаманшев. Из истории борьбы против контрреволюционных басмаческих банд в Ферганской долине. Сб. статей. Из истории Советского Узбекистана.
52. Ш.А.Шаманшев. Очерк истории гражданской войны в Ферганской долине. Ташкент, 1961 г.
53. Экономическая история Советского Узбекистана (1917-1985) под ред. А.М.Аминова. Ташкент, 1986 г.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Периодическая печать

- Arabia 1935
- Central Asian Survey (1930 - 1931)
- Central Asian Review (1957 - 1969)
- The Journal of the Central Asian Royal Society (1921, 1922, 1923, 1961-1990)
- The Russian Provisional Government .1917. Documents. Selected and edited R. Browder and A. Kerenski. vol. I. Stanford University 1961
- Russian Review (1970 - 1990)
- Soviet Studies (Glasgow University) (1930 - 1990)

Литература

- Ballworth G. The Modern Uzbeks. From Fourteenth Century to the Present
New York. 1990
- Bacon G. Central Asians under Russian Rule. New York 1966.
- Bailey P. Mission to Ashkent. L. 1946.
- Bailey P. In Russian Turkestan under the Bolsheviks. JACRS.
1921. v. VII, part I
- Busachi in Central Asians Resistance. CAR. L. 1964
- Conningsen A., M. Broxup The Islamic Threat to the Soviet
State. London-Canberra 1983
- Conningsen A., A. Winbush Muslim National Communism in the
Soviet Union: Revolutionary Strategy
for the Colonial World. Chicago-Lon-
don 1979
- Conningsen A., Ch. Le Mercier-
Leloupajay Islam in the Soviet Union. London
1967
- Conningsen A. Pan-Turkism and Pan-Islamism in the
History and today .CAR. 1984 N 3

- Blacker L.V. On Secret Patrols in High Asia. London
London 1922
- Blacker L.V. Wars and Travels in Turkistan 1918-1919
JACAS, 1922, vol. IX, part I
- Broxup . Basmachi. CAS. 1933. N I
- Carrere d'Encausse Civil War and New Governments. In: Central
Asia. A Century of Russian Rule in Central
Asia. New York 1969. ed. J. Allworth
- Carrere d'Encausse Civil War and New Governments. In: Central
Asia. 120 years of the Russian Rule. Duke
University Press 1939. ed. J. Allworth
- Carrere d'Encausse Decline of the Empire. London 1935
- Chokaev . The Basmachi Movement in Turkestan. The
Asiatic Review 1928. vol. XXIV
- Chokaev . Turkestan and the Soviet Regime. JACAS.
1931. vol. XVIII, part 3
- Etherton A. J. In the Heart of Asia. London 1925
- Ellis C. A. The Transcaspian Episode. 1918-1919.
London 1963.
- Fellone J. The Responce of National Liberation
Movement on the South Central Asia.
Peshavar 1963
- Fraser F. Basmachi. CAS. 1937, vol. 16, N 2, 1937
- Hayit B. Some Problems of Modern Turkestan History
Dusseldorf 1953
- Hayit B. Islam under Russian Rule. Istanbul 1933
- J. J. Mostler Turkish and Soviets. London 1957
- Lehercier- Gulqajay The Basmachi in Central Asia. In: Soviet
Nationalities in Strategic Perspectives.
London-Sydney 1965

- Malleson J.
The British Military Mission in Tur-
tan 1918-1919. JRCAS. 1922. vol. XX, par
A Person from England. Oxford 1958
- Maclean F.
The Dasmachi Movement or freemen's
Revolt in Turkestan 1918-1924. SS,
1901, N 3
- Mark A.
Bolshevism in Turkestan. 1917 - 1924
New York 1957
- Mierce A.
Towards Soviet Power in Tashkent
February-October 1917. Canadian Slavo-
nic Papers 1975. v. XVII, part 2-3
- Makovska-Harrstone J.
Russia and Nationalism in Central
Asia: The Case of Tajikistan. Baltimore
London 1966
- Ritter A.S.
Ibrahimbek and Dasmachi. 1924-1931
SS, v. XXXV, 1935 N 4
- Rywkin
Central Asia and Price of Sovietization
Problems of Communism 1964, N 1
- Lowery J.G.
Muslims under Czars and Soviets
Luknow 1934
- Togan Beki Velidi
Bugunki Turkili va yakin tarihi
Istanbul 1931
- Rod J.K.
The Malleson Mission to Transcaaspia
in 1918. RGASJ. vol. XXVII part I
- Wheeler J.
The Modern History of Soviet Central
Asia. London 1964
- Wheeler
The Russian Presence in Central
Asia. Canadian Slavonic Papers
v. XVII part 2-3 1975
- Wheeler
Pan-Turkism and Islam in Russia.